

АЛЬМАНАХ 2019

Страны моей жемчужины

Страны моей жемчужины

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
С83

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Страны моей жемчужины. — [б. м.] : Издательские решения,
С83 2020. — 170 с.
ISBN 978-5-4498-1392-3

Для каждого человека Родина — это место, с которым связаны лучшие воспоминания. Это может быть горная река, у которой вырос, древний минарет, возвышающийся над городом, тихая улочка, по которой в детстве бегал с друзьями. Из бесценных жемчужин воспоминаний и сюжетов о жизни — современной, прошлой, будущей или даже представленной в фантастическом повествовании — собран альманах, общая цель которого дать нестандартное представление об одной из удивительных стран Средней Азии — об Узбекистане.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Аслиддин Искандарович Исаев,
ISBN 978-5-4498-1392-3 иллюстрации, 2020

АЛЬМАНАХ
СТРАНЫ МОЕЙ ЖЕМЧУЖИНЫ

Составители:

Владимир Васильев – писатель, член Союза писателей Узбекистана, председатель Совета по русской литературе СП Узбекистана;

Елена Долгополова – редактор журнала «Звезда Востока», кандидат филологических наук;

Галина Долгая – писатель, член Международной гильдии писателей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Узбекистан – страна с богатой историей, красивой и разнообразной природой, современными городами и живописными поселками, в которых живут трудолюбивые и талантливые люди!

В 2019 году Советом по русской литературе Союза писателей Узбекистана при поддержке Интернационального совета Союза писателей Узбекистана был организован конкурс литературных произведений «Страны моей жемчужины» с целью привлечения внимания общественности к достопримечательностям республики через описание ее природы, истории, современности в литературных произведениях авторов Узбекистана.

«Страны моей жемчужина» – это строка из стихотворения «Голубая Азия» ташкентского поэта Геннадия Ивановича Ким (1933 – 2009).

Когда идете утром вы
В прохладной синеве,
Росинки перламутрово
Сверкают на траве.

Приветливо и радостно
Волнуются сады,
На ветках зреют радужно
Румяные плоды.

Долина вмиг разбужена,
Прекрасен ясный взор...
Страны моей жемчужина
В оправе дивных гор...

О, голубая Азия,
Где с детства я живу,
Ты – тихая фантазия,
Ты – сказка наяву!

Конкурс проводился на двух языках: узбекском и русском; и в двух основных номинациях: проза и поэзия. Дополнительной номинацией было объявлено голосование читателей, в результате которого определялись лауреаты Приза читательских симпатий.

В представленном Альманахе опубликованы лучшие работы участников конкурса, пишущих на русском языке.

Работы собраны в два подраздела: рассказы и стихотворения, и расположены в порядке занятых мест.

В номинации «Проза» первое место заняла Галина Ширяева с рассказом «Минарет», второе – Татьяна Баева с рассказом «Комета Дракона», третье – Мунира Бабаярова с рассказом «Не победители».

Мария Красовская с рассказом «Эдельвейс» выиграла Приз читательских симпатий.

В номинации «Поэзия» призовые места распределились следующим образом:

Алексей Гвардин за стихотворение «Зима в Ташкенте» занял первое место;

второе место у Светланы Ярцевой за стихотворение «Вечный город»;

третье место завоевала Раиса Крапаней за стихотворение «Здесь Вася был!».

Приз читательских симпатий получила Гулико за стихотворение «Обитель живого духа».

Отдельным блоком представлены работы членов судейской коллегии.

В своих рассказах и стихотворениях участники конкурса описали замечательные места Узбекистана, создав сюжеты, основанные на истории нашего края, на воспоминаниях о детстве

и юности, на современных историях жизни, а также придумали фантастические сюжеты, действие которых развивается в старинных городах Узбекистана – Бухаре, Самарканде, или в прекрасных уголках природы.

Надеемся, что работы узбекистанских авторов понравятся читателям, и желаем всем приятного чтения!

*Галина Долгая, писатель,
член Международной гильдии
писателей,
координатор конкурса.*

РАССКАЗЫ КОНКУРСАНТОВ

ГАЛИНА ШИРЯЕВА

МИНАРЕТ

Едва первые лучи солнца коснулись куполов священной Бухары, как послышался призыв к бамдаду — первому намазу, и благословенный город стал излучать свет, восходящий к ясному небу.

Специально выбрав для прогулки утреннее время, пока июльская жара не вступила в свои права, я медленно прошла по базару, направляясь к сакральному Минарету Калян, который, царствуя над городом, указывал путь к «Подножию Велико-го» — кафедральной мечети Калян.

Базар просыпался рано. Торговцы уже раскладывали на прилавках товар. То здесь, то там, повинуюсь зову азана, расстилали молитвенный коврик кузнец и чайханщик, продавец лепешек и гончар. Только сейчас я поймала себя на мысли, что с тех пор, как я последний раз была здесь, прошло очень много времени. Люди изменились, стали жить и одеваться иначе, а дух базара остался прежним: все та же пестрота, шум, и яркость красок, объединяющие продавцов и посетителей в единое сообщество.

Не дойдя до минарета сотню шагов, я остановилась. Он почти не изменился. Все так же строг и величав. Вместе с тем четок, ясен, с филигранно проработанными деталями и строго выдержанными пропорциями. По одной из легенд мастер — строитель Бако, заложивший фундамент минарета из алебастра и молока верблюдицы, исчез, дабы не навлечь на себя гнев эмира из-за задержки работ. Вернулся он только через два года, когда фундамент прочно застыл, и продолжил строительство.

Это в назидание потомкам, которые даже и не мечтают прославиться в веках или хотя бы оставить о себе добрую память.

Их единственное желание – обогатиться, быстро и постыдно, строя некачественные и опасные для людей здания.

Много раз я приходила полюбоваться этим величественным сооружением, восхищаясь застывшей музыкой его узорчатой кладки. Однако, когда вспоминаю все сто пять ступеней к верхней площадке, каждая из которых приближает к смерти, мне становится не по себе.

С трудом оторвавшись от созерцания Минарета, я напомнила себе о неотложном деле. Несколько дней блуждания по Бухаре не принесли ожидаемого результата. Солнце жгло немилосердно, когда, уже почти отчаявшись, я медленно брела вдоль небольших лавочек и магазинчиков. Поэтому, как только браслет на левой руке, который на самом деле прибор, тихонько зажужжал, я в растерянности остановилась. Не веря удаче, огляделась вокруг, определяя место сигнала. К счастью, поблизости, кроме старой сувенирной лавочки, ничего не было. В таких убогих лавчонках обычно продают поделки местных мастеров, но ведь сигнал не мог меня обмануть! Хозяин, не замедлив появиться, стал расхваливать товар, который обычно предлагают туристам. Видя, что меня ничто не заинтересовало, он, не желая упустить выгодного покупателя, предложил выпить кофе. Я очень люблю этот замечательный напиток и сам ритуал его приготовления. Сев в небольшое кресло в прохладном помещении, я с удовольствием наблюдала, как хозяин варит кофе в турке на углях.

– А нет ли у вас старинных поясов? – решила я приоткрыть карты.

Лавочник, оторвавшись от своего занятия, с воодушевлением выложил передо мной целый ворох самых разнообразных поясов, но я сразу увидела его, и на душе стало легче. Неприметный тонкий черный пояс с несколькими небольшими камешками. Хозяин, очевидно, был разочарован моим выбором. С его точки зрения, этот пояс был слишком прост, непригляден и стоил недорого. Однако, как истинно восточный тор-

говец, он с детства был приучен угождать покупателям. Поставив передо мной на столик чашечку кофе и стакан воды, он стал рассказывать историю пояса, явно желая поднять его цену.

— А знаете ли вы, уважаемая госпожа, что по легенде этот пояс принадлежал жене шаха Асланхана прекрасной Агаханум? — и, не дожидаясь ответа, начал повествование: — В стародавние времена правил... — голос лавочника звучал монотонно и успокаивающе.

Я не слушала его, потому что охватившие меня воспоминания были ярче, красочней и трагичнее легенды.

...Комната была поразительно красива: толстые красочные ковры на полу, блестящие медные лампы, полированное дерево мебели, разноцветный шелк и бархат портьер. Не менее красивой оказалась и женщина, сидящая на тахте среди многочисленных подушек. Жена шаха, Агаханум, была одета в золотистые одежды. Темные волосы распущены, за исключением одной-единственной тонкой косички с жемчужной заколкой. Тонкую шею украшало великолепное бриллиантовое ожерелье.

Постучавшись, в комнату вошла любимая служанка шахини Гузель и склонилась в ожидании приказаний.

— Гузель, а не поехать ли нам в город? — немного оживившись, предложила госпожа.

Она была добра, умна, демократична, но очень одинока. Большую часть дня женщина проводила за чтением книг, что было нетипично для обитательниц гарема. Несмотря на окружающую ее роскошь, Агаханум была несчастна. Причина грусти была ясна окружающим: шах Асланхан не любил молодую госпожу. Он взял ее в жены лишь по политическим соображениям, чтобы привлечь в союзники ее брата, могущественного хана Саида Ахмета. Не смея обижать женщину из влиятельного рода, он был с ней холодно-вежлив, предпочитая проводить время с наложницами в пирах и празднествах.

Накинув покрывала, женщины вышли из ворот дворца. Там уже был наготове нарядный паланкин. Сопровождаемая охраной и рабами, Агаханум решила поехать в недавно построенную ею больницу для бедных. Жители благословенной Бухары любили свою госпожу за щедрость и доброту и встречали ее радостными возгласами. Благодаря ее милости в городе строились мечети, медресе, столовые, больницы.

Тем временем в оставленном шахиней дворце происходили некоторые события.

Евнух гарема, Хасан-ага отдыхал. Поэтому был весьма недоволен, когда его послеобеденный сон нарушило появление раба. Он уже хотел было выгнать беднягу, но, тот пав ниц, протянул письмо.

— Благословенной госпоже Агаханум от великого хана Саида Ахмета.

Хасан-ага внимательно разглядывал запечатанный свиток. В душе его шла борьба. Он и так и сяк прикидывал, как ему следует поступить. С одной стороны, по долгу службы он обязан был передать госпоже письмо от брата. С другой — личный интерес толкал передать это послание фаворитке Асланхана — госпоже Айгуль, которая ненавидела жену шаха и щедро одаривала евнуха за сведения о каждом шаге соперницы. Открыв крышку сундука, евнух пересчитал спрятанные в самом дальнем уголке сокровища — небольшие мешочки с монетами — и вздохнул.

— Да, здесь явно не хватает еще одного, — мечтательно прошептал ага.

Спрятав письмо за пазуху парчового халата и воровато озираясь, Хасан-ага медленно пошел в покои фаворитки. Вернувшись к себе, евнух добавил к своим сокровищам еще один вожделенный мешочек.

В комнате сидел мужчина в богатых одеждах, но на лице его застыло выражение крайней апатии и скуки. К тому же мешки под глазами и нездоровый цвет лица указывали на бессонные

ночи, проводимые в пирах, и излишества. Этим человеком был правитель Бухары Асланхан. У ног его сидела женщина редкой красоты в лиловых шелковых шароварах и такого же цвета лифе, украшенном пурпурным бархатом. Наряд дополняли красиво сработанный пояс с золотом и аметистами, изящные парчовые туфельки и пурпурное шелковое покрывало. Иссиня-черные волосы были зачесаны назад, открывая и подчеркивая тонкие черты лица восточной красавицы. Одежда была великолепна, но застывшая на лице маска неумеренной гордости и надменного пренебрежения, портила ее красивое лицо и производила отталкивающее впечатление. Этой женщиной была фаворитка шаха — госпожа Айгуль.

— Великий шах, — обратилась она к повелителю, что пишет благословенный хан Саид Ахмет?

— Не знаю, давно не получал от него известий, — зевнул шах.

— Как? — восточная пери сделала удивленные глаза, — я вчера сама видела, как госпоже Агаханум вручили письмо. Видя, что Асланхан никак не реагирует на это известие, она тихонько прошептала;

— А может, и не от хана Саида Ахмета?..

— Что ты болтаешь, несчастная! — шах вскочил на ноги — сонливость как рукой сняло. Правитель был флегматичным и ленивым человеком, но очень вспыльчивым. Когда на него нападали приступы гнева, то вся дворцовая челядь пряталась по углам. Красавица Айгуль хорошо знала об этих свойствах его характера и частенько манипулировала господином. Быстро выйдя из комнаты, шах отправился к покоям Агаханум.

После умывания розовой водой Гузель точными движениями стала наносить на лицо госпожи крем из драгоценных масел и настоя фиалки.

— Гузель, расскажи мне еще раз милую историю про мужчину, который, будучи уже в возрасте и счастливом браке, встретил загадочную девушку. Она стояла на невысоком холме в бело-

снежном платье, и ветер трепал ее волосы, золотистые, как цветок одуванчика.

Эта девушка утверждала, что прибыла из будущего. Мужчина, конечно, не поверил. Когда бедняжка потеряла отца, изобретателя машины времени, то рискнула всем и отправилась в прошлое, но на двадцать лет назад. К счастью, этот мужчина, который полюбил ее в зрелом возрасте, смог полюбить и в молодости, и они поженились. Позже, когда он нашел чудесное белое платье, будто сшитое из морской пены и снега, он все понял. Этой девушкой была его жена, с которой он счастливо прожил двадцать лет. Какая изумительная история! Бросить все, что тебе дорого, ради любимого, – слезы умиления текли по лицу Агаханум. – Впрочем, я эту сказку хорошо помню, расскажи-ка мне лучше еще раз предание, где супергерой поворачивает Землю, чтобы спасти подругу.

Агаханум очень нравились странные истории, которые рассказывала ей служанка. И она вновь и вновь просила их повторить.

– Это так интересно! Неужели мужчина может подчинить себе столь могучих джинов? Получается, что все подвиги в мире совершаются ради любимых. Гузель, откуда ты знаешь такие странные сказки? Может, ты пери из волшебной страны?

Необычные рассказы служанки действовали на госпожу завораживающе и позволяли отвлекаться от роскошной, но, в сущности, пустой и однообразной жизни. Агаханум тянулась ко всему необычному. Может быть, потому, что она была умна, очень образованна для своего времени и восприимчива ко всему новому.

– Я все это придумала, госпожа, – слегка улыбнувшись, ответила девушка.

Но в это время милая болтовня женщин была прервана. Со стуком открылась дверь, и в комнату вошел шах. Глаза его пылали гневом.

– Где письмо? – прорычал правитель.

– Какое письмо, повелитель? Растерявшаяся женщина не знала, что и сказать. Шах сделал нетерпеливое движение ру-

кой, и евнухи начали обыскивать комнату. Наконец один из них с поклоном подал свиток.

Чем больше шах читал, тем сильнее гневался:

Луноликая госпожа моя, когда ты в следующий раз поедешь навестить несчастных бедняков в больнице, позволь хоть на секундочку увидеть твое прекрасное, восплаемое в народе лицо.

— Что?! — взревел шах. — Нечестивая! Вот почему ты постоянно едешь в город. А я-то думал, ты занимаешься благотворительностью!

— Повелитель, — женщина упала на колени. — Это не мое письмо. Сжался. Я ничего плохого не сделала и ни в чем не виновата, — рыдала несчастная. Но рабы, подхватив ее под руки, уже тащили в подземелье. Никто не заметил, как прячущаяся за колонной Айгуль злорадно и торжествующе улыбалась.

До поздней ночи Гузель ходила по комнате и думала, как спасти бедную женщину. В том, что ее ждет ужасная смерть, она не сомневалась. В те времена, даже недоказанная измена правителю каралась беспощадно — без суда и следствия. Минарет Калян служил не только местом призыва к намазу и маяком для караванов, заблудившихся в пустыне. У него было ещё одно название — Башня Смерти, так как с него сбрасывали осужденных шахом людей.

Нужно было срочно что-то делать. Наконец, ей в голову пришла блестящая идея. Во дворце Агаханум любили за приветливость и доброе отношение к слугам, поэтому девушке легко удалось пробраться в темницу — охрана сделала вид, что ничего не видит.

Бедная женщина сидела на полу, закрыв лицо руками.

— Госпожа, — тихо позвала девушка. Пленница тут же встрепенулась и подбежала к решетке.

— Гузель, ты ведь знаешь, что это происки злобной Айгуль.

– Я знаю, госпожа, но не отчаивайтесь. Я обещаю, что вы не умрете, если исполните в точности то, что я скажу.

– Я верю тебе, Гузель, как самой себе. Говори.

Гузель что-то прошептала шахине на ухо, одновременно протягивая небольшой предмет. Пленница удивилась, но обещала все выполнить в точности.

На следующий день народ собрался у башни, чтобы проводить в мир иной любимую госпожу. Многие плакали. Агаханум, разодетая в несколько богатых платьев, гордо подошла к башне и стала забираться наверх. Гузель мысленно поднималась вместе с ней – ступенька за ступенькой. Ровно сто пять, каждая из которых приближала к неминуемой гибели. Несмотря на то что девушка была уверена в счастливом исходе, ей все равно было страшно.

Очнувшись от дум, я услышала, как лавочник рассказывает окончание легенды.

– Шахиня была женщиной умной. Накануне казни она попросила шаха исполнить ее последнее желание. Он дал согласие. В день казни Агаханум надела все свои платья и юбки и с гордо поднятой головой поднялась на башню.

Женщина спокойно встала на край минарета и прыгнула вниз. Народ замер, но в ту же секунду в толпе послышались крики: «О чудо!» Женщина не погибла, потому что её платья надулись парашютом и плавно спустили её вниз, на землю. Отдав должное смелости и смекалке жены, Асланхан отменил казнь.

Аккуратно сложив купленный пояс, я положила его в сумочку. День клонился к вечеру, жара спала, и вечерняя Бухара стала еще прекрасней. Миссия выполнена, можно было возвращаться домой. Меня охватило чувство гордости: я стояла у минарета, о котором народ сложил легенду.

Не могу назвать себя иностранкой, скорее, иновременкой. Мы не можем вмешиваться в историю древних веков, а лишь наблюдаем и слегка корректируем некоторые события.

Когда бедную шахиню ждала неминуемая кара за преступление, которого она не совершала, пришлось пойти на крайнюю меру – использовать для ее спасения антигравитационный прибор в виде пояса. Но если бы она осталась жива по непонятной людям причине, то те, кто так радовался ее спасению, вне сомнения, признали бы ее ведьмой и закидали камнями. Такие уж средневековые нравы. Вот и пришлось придумать многочисленные платья, как бы послужившие парашютом.

Теперь мне предстояло срочно покинуть это время, но я не могла уйти, не решив одного вопроса. Я «уговорила» главного евнуха Хасана-агу пойти к шаху и рассказать, что злополучное письмо было от брата госпожи. Большой мешок с золотыми монетами послужил неопровержимым доказательством. Люди во все времена жаждали золота и готовы были ради него потерять честь, совесть и достоинство, не понимая, что это просто жалкая горка металла. Не смог преодолеть свою алчность и евнух...

После моих «уговоров», ворча и стона, он все же отправился к повелителю, солгав однако господину, что якобы коварная Айгуль украла у него письмо. Шах, по обыкновению, разгневался и прогнал жадного евнуха из дворца. Впрочем, тот был уже так богат, что не слишком этому огорчился. Кстати, Айгуль шах тоже выгнал, но ее судьба мне неинтересна.

Я думаю, Агаханум скучала без меня. Впоследствии она написала от руки рассказы, назвав их «Сказания пери Гузель». Они не понравились современникам, которые усомнились в нравственном здоровье шахини и посчитали, что к подобным выдумкам ее привел шок, полученный бедной женщиной после прыжка с Башни Смерти. Хорошо, что она догадалась не упомянуть пояс в своих рукописях...

То, что должно было случиться, случилось. Все пошло своим чередом, как и написано в истории. У Агаханум родилась

девочка, которая впоследствии вышла замуж за важного представителя знати того времени. У них родилась дочь, известная в истории как Гаухаршад-бегим и вышедшая замуж за младшего сына Темура – Шахруха. Ее гениальные сыновья – Великий Улугбек и Байсонкур, основатель академии художеств в Герате, стали гордостью человечества. Наблюдательный Совет Времени не мог допустить, чтобы прервалась эта ниточка. Как бы я ни любила эту добрую женщину, но права вмешиваться в историю ее жизни не имела. Считаю, что Агаханум являлась достойной прабабушкой Великого Улугбека. Однако я допустила одно важное упущение – не успела вовремя забрать пояс. Теперь этот промах исправлен. Человечество нескоро, но все же изобретет этот замечательный прибор. А сейчас еще рано. Всему свое время.

ТАТЬЯНА БАЕВА

КОМЕТА ДРАКОНА

Выехав из Идирне в канун праздника Рамадан 80 дней назад ко двору правителя Мавераннахара Мухаммеда Тарагая ибн Шахруха ибн Тимура Мирзо Улугбека, посольство султана Мурада второго достигло наубехарских ворот.

Раскаленное солнце стояло уже в зените, когда отряд вошел в Самарканд и мучимый ужасающей жарой юноша в тысячный раз проклинал визиря Дамада Али-пашу за это изматывающее путешествие.

Вопреки всем ожиданиям визирь не поехал ко дворцу Кук-Сарой, а направился к мавзолею Гур-Эмир, где совершил длинный молебен у последнего пристанища «страшного хромого», как султана Мурада называл его дед, помнящий поход Тамерлана и поражение османов в Ангорской битве. И только когда солнце стало клониться к закату, отряд двинулся в сторону Чупанатинских гор. Город с его базарами, караван-сараями, лазоревыми куполами и саманными крышами, с выжженными площадями и прохладными садами остался позади. Но визирь, казалось, несколько не утомленный духотой, снова и снова повторял своему юному спутнику, что сейчас они увидят истинное чудо, созданное непревзойденным гением.

От подножия холма Кухак к входу странного строения вела мощеная дорога, а обычная тропа, проложенная скотом и людьми меж камней и кустарников. Обойдя строение кругом, паша положил руку на плечо юноши и сказал:

— Смотри! Смотри во все глаза! Это истинное чудо!

Юноша был в искреннем недоумении: трехэтажное цилиндрическое строение не произвело на него ни малейшего впечат-

ления. Он уже видел роскошные дворцы Ниаваран и Саадабад, видел величественные минареты Кутлуг Темур и Калян и не понимал, чем восхищается Дамад Али. Может, это мавзолей какого-то святого? Но тогда паша опять устроил бы молебен с жертвоприношениями – визирь любил пускать кровь. А сейчас он благоговел, как мальчишка, не стыдясь своего детского восторга.

Крики янычар прервали раздумья юноши. К ним приближался отряд из пары десятков солдат – сарбазов, сопровождающих человека на белом коне. Паша выбежал вперед, щуря близорукие глаза и силясь рассмотреть всадников, а разглядев знамена, которые означали, что к ним приближается царский угрук, взметнув руки к небу, рухнул на колени лицом вниз, да так и лежал, пока отряд не подъехал и не спешился. Юноша, которого янычары тоже поставили на колени, головы не опустил и хорошо видел, как подошел к визирю худощавый человек невысокого роста в запыленных одеждах. Только его руки, унизанные перстнями, свидетельствовали о высоком сане. Приблизившись, человек поднял за печи Дамада Али-пашу и прижал к своей груди.

– Друг мой! Ты приехал. Как я счастлив видеть тебя! Не сомневался, что ты не успокоишься, пока не увидишь мое детище, о котором я столько писал тебе. Но опасался, доживу ли я до радостной встречи?

– О мой господин! Да ниспошлет вам Всевышний долгих лет жизни, полных процветания и радости. После каждого вашего письма душа моя летела к вашей обители.

– Твой султан долго не отпускал тебя. Я бы тоже не отпустил такого собеседника.

– О мой господин, поверьте, моя служба султану совсем не предполагает тех бесед, которыми вы осчастливили меня в посланиях. И теперь нет предела моему счастью видеть вас воочию.

Визирь склонил голову, поцеловав руку султана. Тот же, убрав руку и накрыв ею плечо Али-паши, как птица, взявшая под крыло птенца, повлек его к входу в здание. Паша обернулся и кивком приказал юноше следовать за ним.

Тусклый свет масляных фонарей, коих здесь было множество, рассеивал мрак внутри огромного помещения, давая возможность осмотреться. Все стены, как огромный улей, были испещрены нишами, в которых лежало несчетное количество свитков, книг, стопок бумаги и пергамента. Поблескивая бронзовыми кольцами, на мраморном постаменте стояла армиллярная сфера. А весь центр здания — от плоской крыши до пола — занимал исполинский секстант¹.

Обойдя его, они приблизились к чернеющему провалу, и Улугбек потребовал у охраны факелы. Открывшаяся перед ними бездна гулким эхом повторяла благоговейный шепот паши.

— О Всевышний! Это поистине грандиозно. Я сотни раз представлял себе это, перечитывая ваши письма, мой повелитель. Но действительность превзошла картины, порожденные моим скудным разумом.

— Не принижай своей светлой головы мой друг, — ласково сказал Улугбек. — Вопросы, которыми ты задаешься, восхищают меня. Твой ум пытлив, а взор пытается пронзить невидимое. Ты должен остаться здесь, со мной, и небо откроет нам свои тайны.

— Вы слишком добры ко мне, мой господин. Имей я хоть крупницу тех талантов, коими одарены ваши сподвижники Казызаде-Руми или звездный сокольничий Али Кушчи, клянусь, я оставил бы дворец султана и поселился в землянке у подножия обсерватории.

— Ты еще и удивительно скромн, — шутиливо сказал Улугбек. — Надеюсь твоя землянка не разрушит то, что выкопал я. Взгляни.

Освещая путь факелами, они уже спустились на несколько ступеней, когда визирь обернулся и увидел застывшего в оцепенении юношу.

— Чего ты страшишься? — крикнул он. — Это не врата в преисподнюю.

¹ Секстант — навигационный астрономический инструмент.

Очнувшись от окрика, тот гордо вскинул голову и ответил:

— Я ничего не боюсь. Я дракон — сын дракона, и сам ад нам не страшен.

Визирь устало покачал головой:

— Простите меня, мой господин. Я плохой учитель и наставник. Этот дикий звереныш кусает руку, которая его кормит.

— И кто же это?

Несмотря на слова паши, эмир смотрел на юношу с любопытством и без злобы.

— Юный Басараб из Валахии. Он и его брат — залог их отца перед султаном Муратом. Не знаю, за какие грехи поручили моим заботам этого неверного. По-хорошему он не понимает, а проявлять жестокость мне не дозволено. Один Аллах ведает, чего стоит мое терпение.

— Всевышний воздаст тебе за это, — успокоил паша визиря и обратился к юноше: — А что страшит тебя?

— Меня страшит смерть, — и, опережая ухмылку, Дамад Али, поспешил добавить: — Смерть раньше отмщения. Я не должен умереть раньше, чем воздам всем, кого не отпускает мое сердце.

— Твоя дерзость не даст тебе дожить до седин, — покачал головой паша.

— Тогда мой гнев не даст мне успокоиться, и я дождусь их всех за небесными вратами.

Улугбек поднял факел выше и осветил лицо юноши.

— Страх и гнев. Гнев, порожденный страхом, и страх, выливающийся в гнев. А что еще теплится в твоей душе? Есть ли в твоём сердце любовь?

Любовь... любовь... слово, смутно проступающее сквозь тьму и ранящее сильнее, чем страх и гнев, вместе взятые. Он любил свой дом, мать, отца... отца больше всех. Он хотел стоять с ним плечом к плечу, как старший брат Мирчи. Но отец сам отвез его к султану вместе с маленьким Раду. Как ему тогда было страшно! И только гнев помогал выжить.

А Раду? Как он боялся за него, как опекал! Но мальчишку, похоже, нисколько не тяготил «плен». Легко выучив язык, пере-

няв обычаи двора султана, он наспех простился с братом в день его отъезда и, схватив лук и колчан, уехал с шахзаде Мехмедом на охоту. Все, кого он любил... всё, что любил... осталось так далеко... Осталась ли любовь в его сердце? И появится ли вновь когда-нибудь?

Когда-нибудь... но не сейчас!

— Не сейчас, — озвучил он свои мысли. — Сейчас не время.

— Все мы полагаем, что у нас есть время на отложенные дела. — Сказал Улугбек, горько усмехнувшись. — А когда высчитаем срок, в который закатится твоя звезда, отказываемся верить и опять откладываем все на потом.

Паша встревоженно посмотрел на эмира и спросил:

— Ваши звезды по-прежнему предзнаменуют вам страшное?

— Моя звезда Муштари¹ пребывала в пятом доме, когда родился сын — кровь от моей крови. Что само по себе уже не предвещает ничего хорошего. А противостояние огненных Утаред² и Меррих³ и вовсе не оставляют мне шансов. Вот теперь и ты знаешь.

— Никто не может знать о своей звезде, — упрямо выпятив подбородок, сказал юноша. — Светила подвластны только Богу.

— Это верно, но пути их открыты для нас и могут быть изучены и просчитаны. В твоей стране нет ни одного астролога?

— Есть один безумный. Монах Аврелий. Смотрит по ночам в небо, беснуется во время кровавой луны, вопя, что знал об этом. И меня сбивал с толку, говоря, что дано мне увидеть в небе огненного дракона — того, что явился моему деду, предзнаменую, что род наш будет господарями и царями Дакии. Я поверил; смотрел в небо, а вместо этого стал рехином — заложником.

Улугбек с еще большим интересом посмотрел на юношу и спросил:

¹ Муштари — Юпитер.

² Утаред — Меркурий.

³ Меррих — Марс.

– А когда твой прародитель видел в небе дракона?

– В 1380 году от рождества Христова. В вашем исчислении это будет...

– Я умею исчислять время от рождения пророка Исы, – прервал его эмир. – Дракон Гиртаб, прилетающий через поколение. Златохвостый павлин вавилонянин. «Небесные метлы», записанные в летописи Чуньцю. Я не уверен... Сейчас... сейчас...

Улугбек подошел к одному из столов, на котором стояло сразу несколько светильников. Что-то записал, зачеркнул, написал снова. Вернувшись к ожидающему его Дамаду Али, он вложил в руку юноши тонкую полоску пергамента.

– Если, как говорит досточтимый паша, твоя дерзость не оставит тебя без головы и ты доживешь до означенного здесь срока, то ты увидишь в небе огненного дракона и вспомнишь старого звездочета, которого к этому времени уже не будет на свете.

Обернувшись к паше и увидев, как помрачнело его лицо, Улугбек весело произнес:

– Не печалься, мой друг. Для общения с тобой времени у меня достаточно. И зиджи¹, за которыми ты проделал столь долгий путь, уже переписаны и ждут твоего пытливого глаза.

* * *

Одной из самых больших нумизматических ценностей сегодня является серебряный дукат, отчеканенный в 1456 году Владом III Басарабом, больше известным как Дракула. На монете, отчеканенной «набожным» господарем к пасхе, помимо фамильного герба, изображена комета, которая в том году, по свидетельству очевидцев, появилась в небе только в августе. Сам

¹ Зиджи – астрономические таблицы, составлявшиеся в средние века во многих странах Востока и включавшие, как правило, каталоги звезд.

Влад считал «огненного дракона» покровителем и ждал появления кометы с уверенностью, пугающей окружающих.

О том, кто предсказал «колосажателю» появление кометы, истории неизвестно...

МУНИРА БАБАЯРОВА

НЕПОБЕДИТЕЛИ

«В детстве я папу любила больше, чем маму. Потому что, если мама говорила «нет», это означало нет. А папу можно было уговорить. Когда он ходил на выборы, то всегда приносил шашлык. И я очень долго думала, что выборы – это когда всем раздают шашлык и разные сладости.

На майские праздники все мамы в нашем большом дворе шили новые платья. А из оставшихся кусков материи – сарафаны нам, дочерям. Нередко можно было увидеть: идет глава семьи с женой, а позади – дети в одинаковых нарядах. Некоторые модницы посмеивались между собой: «Инкубаторские!».

От улицы Каблукова вниз к парку Тельмана шла улица Асакинская. До революции здесь находились дома инженеров, врачей и других специалистов. Здесь жила интеллигенция. По потолкам можно было догадаться, что просторные комнаты бывших хозяев, господ, были разделены перегородками, куда плотно заселились товарищи.

Мы жили на Асакинской, ворота номер пять. По примыкающей улице Каблукова с утра проходила демонстрация трудящихся. Нам, детям, строго-настрою было запрещено выходить со двора.

«Там пьяные, хулиганы и разные стилиаги», – запугивали нас.

Пьяных – раскачивающихся дяденек – я видела не раз. Стилиаги были, как мне казалось, какие-нибудь двоечники-второгодники, которых никто не уважает. А хулиганы... это слово внушало страх.

Самые смелые из нашей детворы открывали двери ворот и смотрели на проходившую мимо шумную толпу. А я с ужасом

отмечала, сколько их, хулиганов и стилияг. И еще нас пугали цыганами, которые воруют детей. Это сидело крепко в моем сознании, и я никогда не нарушала запрета.

Праздновать Первомай мы шли после демонстрации. В парк Тельмана. Красный песок вокруг фонтана, играет духовой оркестр...

Когда было немного народа и с нами был папа, он позволял от самых ворот сбегать по крутому спуску — прямо к накрытым праздничным столам, где продавались ореховые трубочки и слоеные язычки с сахарной посыпкой. Можно было свободно бегать и жевать на ходу.

А когда к нам присоединялась мама, мы вели себя «прилично». «Вы же девочки!» произносилось таким тоном, что руки невольно тянулись поправить сползающие белые гольфы, а страх потерять носовой платок омрачал радость праздника.

Не торопясь и не толкаясь, мы чинно спускались по главной лестнице. К празднику она всегда была выкрашена под ковровую дорожку. Проходили мимо белой скульптуры балерины, на которую не пожалели побелки. Края каждого перехода лестницы с обеих сторон украшали львиные головы, выкрашенные в золотой цвет.

Все это вызывало уважение и создавало торжественное настроение. Я со страхом заглядывала в открытые львиные пасти — руками трогать боялась: мама говорила, там водятся ядовитые змеи.

Оказавшись, наконец, внизу, мы с сестрой наперегонки бежали на детскую площадку к качелям. И вздымались к небу наши белые банты на туго заплетенных косах!

— Сильнее, сильнее, — просила я папу, хотя от страха замирало сердце.

Рядом слышались завистливые голоса:

— Я тоже так хочу...

— Нет, нет. Держись крепче.

И я, подталкиваемая самым лучшим папой на свете, вновь взмывала выше всех.

Повсюду мелькали нарядные платья, цветы, надувные шарики. А еще неотъемлемой частью майских праздников были жестяные дудочки, со всех сторон были слышны их пронзительные звуки.

Гулять в парк ходили часто, но майские гуляния были особо радостными. Возвращались уставшие, но довольные. От звука моей дудочки наша соседка Евдокия Федоровна жаловалась маме на головную боль. После чего дудеть мне запрещали. На следующий день инструмент вообще куда-то пропадал, шарики сдувались, лопались... Все, праздник закончился, до следующего мая!»

— Тимур, ты опять копаешься в маминых бумагах?

Полный мужчина в майке и шортах заглянул в комнату и недовольно посмотрел на сына. Мальчик с интересом склонился над разрозненными листами из толстой картонной папки.

— В кого ты у нас? — недовольно качал он головой. — Я в твои годы из интернета не вылезал. Бросай всю эту ерунду, пошли позавтракаем.

— Это не ерунда, пап, интересно.

— Да брось! Не теряй зря времени, сегодня поедем на боулинг.

Не споря с отцом, мальчик послушно сел за стол. Раздался звонок. Взяв трубку, отец тут же громко расхохотался. Зная, что это надолго, мальчик, взяв бутерброд, тихо вернулся в свою комнату и вновь раскрыл старую папку.

«...Но это только начало. Май — предвестник летних каникул. Вот оно — настоящее счастье! Уроки делать не надо, по утрам никто не будит. Свобода!

Выходишь в общий двор, он утопает в тени ветвистых акаций, в середине двора растет старый серебристый тополь, у которого мы всегда играли в куликашки. Около него — водопровод. А чуть подальше — беседка тети Кати. Она всегда в цветах:

то обвита фиолетовыми вьюнами, то шиповник зацветет, издавая тонкий аромат.

Сегодня с утра там возится дядя Вадим в старой клетчатой рубашке с засученными рукавами. Мы, детвора, уже знаем, что это означает, и наблюдаем сквозь зеленые прутья беседки.

На старой деревянной тумбочке устанавливается примус. Сначала в отверстие сбоку в него вливается керосин. Закрывается крышечкой. Движения дяди Вадима неторопливы, он аккуратно закручивает крышечку бутылки с остатками горючей жидкости, потом принимается за примус. Спичкой зажигает его, осторожно, не торопясь подкачивает. Когда примус с шумом разгорается, появляется тетя Катя с малиной. Мы оживленно переглядываемся. Она, в отличие от своего степенно-молчаливого мужа, более словоохотлива. Комментирует свои действия, ставя на огонь эмалированный тазик с водой: «Немного, — поясняет, — чтобы сахар растворить». На наших глазах белая горка оседает и превращается в желтоватый сироп. Тетя Катя помешивает его деревянной ложкой с длинной ручкой, приговаривая: «Он должен быть полностью прозрачным, только после этого можно бросать в него ягоды».

Первые малиновые бусинки расплываются по поверхности сиропа, становясь блестящими, словно отполированные. А ложка в руках тети Кати продолжает выгребать из бидончика оставшееся содержимое. И в этот момент по всей беседке разносится дивный малиновый аромат.

— Ну, ребята, бегите за хлебом, — командует тетя Катя.

Мы бежим врассыпную по домам, но уже через несколько минут вновь собираемся. И, как замороженные, смотрим на самый трепетный момент: из сгрудившихся ягодок закипающего варенья начинает вылезать розовая пена. О! Это кульминация!

Через прутья беседки тянутся детские ладошки с горбушками. Тетя Катя ловко собирает пенку и намазывает хлебушек.

У всех дома был и сахар, и варенье, но вот так всем вместе получить свою порцию живой пенки и тут же слизать ее с хлеба было в разы вкуснее...»

Тимур оторвался от чтения и посмотрел на недоеденный бутерброд. Из кухни доносился громкий смех отца.

«...Да, тетя Катя удивляла всех соседей не только вареньем. Ее не желтые, а коричневые от обилия доброй сдобы и яиц куличи поражали всех. Таких я за всю жизнь больше нигде не пробовала.

Говорили, что мама тети Кати, будучи в девках, работала на царской кухне. Каким ветром ее дочь занесло в Среднюю Азию, в Ташкент — неизвестно.

Кто только не жил в нашем дворе на улице Асакинской в доме номер пять!

И сосланные репрессированные, и немногословные интеллигенты, и те, кто при закрытых дверях ел форшмак, и те, кто из распахнутых горланил «Шумел камыш, дере-е-вья гнулись...»

Крыльцо тети Кати выходило на улицу, у них с дядей Вадимом на кухне был свой кран с холодной водой, что считалось верхом комфорта. Рисунки на их высоких потолках приводили в недоумение, но, если вы заглядывали к тете Зине через стенку, можно было понять, в чем дело.

Из окон следующего дома нашего двора часто разносилась прекрасная музыка. Это Елена Вадимовна играла на пианино. Мы, детвора, почтительно тихо проходили мимо ее окон. Приносили ей воду. Заносили алюминиевые бидончики в крохотную кухню-прихожую.

Одним взглядом можно было охватить небольшую комнатушку, где она жила. Пианино у стены, почти впритык — маленький круглый стол с двумя стульями, за красивой ширмой виднелся край железной кровати. И повсюду книги — в небольшом шкафу, на этажерках, даже на широких подоконниках.

Так доживала свой долгий век русская дворянка, дочь врача бухарского эмира, родившаяся в далеком Петербурге, успевшая присесть в глубоком реверансе перед последним царем, посетившим Смольный институт, где она училась.

Мы поняли, кто жил с нами рядом, спустя время, когда подросли, а тогда босоногая детвора носилась по старому двору, предаваясь удовольствиям счастливого детства.

Если во дворе появлялись древние старушки с палочками в каких-то необыкновенных туфлях с пряжками и круглыми каблуками, в накидках, шарфиках и обязательно в шляпках, мы уже знали, чьи это гости. Подходили, здоровались, с любопытством оглядывая сумочки на цепочках и зонтики. Старушки отвечали на наши приветствия, мило улыбаясь, и обращались к нам только на «вы».

Дальше жила тетя Ляля с сыном и младшей дочерью. Сухонькая старушка с неизменной папиросой во рту. Вообще-то старушкой ее назвать было бы, по-видимому, неверно – слишком властной она выглядела.

Я заходила к ним во двор, чтобы поиграть с ее внучкой. Никаких разговоров не помню, но в памяти отпечаталась старая книга, забытая на террасе, без картинок, с необычным мелким шрифтом, со странным названием «Псалтырь».

Тетя Ляля покровительствовала нашей маме – молодой соседской невестке. Через много лет мама расскажет историю, как эта семья попала в Ташкент, как чудом удалось сохранить дорожное украшение. И, когда возникали финансовые проблемы, тетя Ляля вытаскивала из него крупную жемчужину и шла на Алайский, чтобы продать ее одному старому еврею.

Какие фамилии были начертаны на почтовых ящиках нашего двора! Шаховы, Танеевы, Лебедевы, Цыбульские...

Дома у тети Гали устраивались детские праздники. Почти все дети двора ходили в музыкальную школу и играли на фортепиано. На черном полированном, с витиеватыми рисунками инструменте с канделябрами с обеих сторон игрались польки и этюды.

Я, встав на табуретку, волнуясь, «с выражением» читала стихотворения. Каждый раз новое. И попробуй только прочитать что-то из школьной программы – засмеют!

После культурной программы мы ждали, когда нас пригласят на чаепитие с пирогами, рулетами и другими печеными лаком-

ствами. Но и это было не все: уходя, каждый получал по два круглых заварных пирожных в салфетке. Сколько радости я испытывала, когда бежала уже в темноте через общий двор домой, чтобы поделиться впечатлениями и угостить сестру!

Дальше жила Евдокия Федоровна – дочь поляка-бунтовщика, сосланного в Сибирь еще в царское время. Отчество ее, скорее всего, первоначально звучало несколько иначе, но в те времена было довольно распространенным явлением называться русскими именами. Чтобы особо не выделяться.

Такой безукоризненной чистоты в доме, как у нее, наверное, не было ни у кого из соседей. Нигде ни пылинки, подушки в накрахмаленных, идеально выглаженных наволочках возвышались пухлыми квадратами на аккуратно застеленной кровати, а на них, как фата невесты, накинут полупрозрачный тюль. Потолки и стены – все белоснежное, только зеленый кактус и цветущая герань на подоконнике улыбались солнечным зайчиком, заглядывающим в окна сквозь прозрачайшие стекла.

А в самом конце двора, был наш дом...»

Тимур оторвался от чтения и прислушался к голосу отца. Он вспомнил, как позапрошлым летом, когда он еще не умел читать, мама, раскрыв эту папку, внезапно расплакалась и стала кричать на папу. Он оправдывался, говорил что-то о фотографиях, которые ему кто-то не вернул.

Вот бы взглянуть на них! Тимур бережно перебрал исписанные листы. Нет, ни одной не сохранилось. Как жаль. Он попытался представить себе дом его предков. С высокими потолками, толстыми кирпичными стенами, такими, что в самый знойный день в нем было прохладно без кондиционера...

Мальчик вновь склонился над папкой.

«...Наш дом... Он приходил ко мне еще долгие годы во сне. Сколько слез, сколько горьких упреков было высказано книжными девочками папе! За то, что допустил, что они, пишущие стихи, ведущие дневники, грезящие театром, мечтающие о славе,

из «дворянского гнезда», как негласно называли наш район, очутились на глухой окраине города. В безликой панельной многоквартирке. Вдали от любимой восемнадцатой школы, а главное – от родного парка Тельмана.

Как он мог, почему не добивался своего права, ведь мы, как «частники», могли остаться в центре?

Дочери плакали, не зная, как их отец сам себя корил бессонными ночами. Их добрый, мягкий папа не мог признаться (да они бы тогда и не поняли), что он не из породы «победителей».

И этот самый ген уже передан им. Его нерешительность трансформируется у них в неумение «вырвать свое» отразится на судьбах – неправильно выбранными профессиями, ненаписанными картинами, несочиненными стихами...

Его любимые дочери – принцессы на горошинах – всю жизнь проживут в золушках, так и не дождавшись своих принцев. Там, куда они попали, их просто нет...»

– Да здесь он, где же ему еще быть?! – опять ввалился в комнату развеселившийся отец. – Читает опять! В кого таким книжным червем уродился – не знаю. Мы с Ранешкой вроде бы нормальные. А? Ну да, в прабабку. – Тимур, ну-ка поздоровайся с дядей, скажи, как соскучился...

– Алло, здравствуйте... – только и успел сказать мальчик.

Отец выхватил телефон и продолжил громко что-то рассказывать и о чем-то договариваться, бросив, однако, недовольный взгляд на папку в руках сына.

«...Пятый номер. От тебя не осталось ничего. Только дорога и спуск к парку. Проходя, я вспоминаю, как летом босиком бежала здесь за мороженым. Не оглядываюсь на здание банка грязно-красного цвета за прочной решеткой, появившееся на дорогом месте.

Для меня по левую сторону до сих пор стоят ворота, а за ними – оно, мое детство, наш двор и соседи.

Елена Вадимовна, когда почувствовала, что уже не в состоя-

нии справляться со своими нуждами, приняла в один прекрасный вечер большую дозу снотворного.

Что она видела в своем последнем сне на этой земле?.. Детство в Петербурге, учебу в Смольном или ушедшую теперь уже Россию?

Пустой холодильник, потому что все надо было доставать? Но за свою долгую жизнь она так и не научилась договариваться с продавцами гастронома.

А потом — уже не закрывающаяся дверь: еду приносили бывшие ее студенты и знакомые, на что она очень обижалась.

А может, видела родного брата, с семьей проживающего в Париже, к которому ее не выпускали те, кто время от времени по ночам посещал ее крохотные апартаменты?

Елена Вадимовна Шумейко... Тоже «непобедительница»?

А тетя Ляля, а тетя Нюра, не боявшаяся в те времена распевать тоненьким голоском «Аллилуйя» перед иконкой?

Знаю, они все уже там, наверху. Поднимаю глаза и вижу над собой целое созвездие, парад «непобедителей»

Тех, кто учил нас читать хорошие книги, никогда не брать чужого и вести себя достойно.

Ценности, которые нам привили, не позволившие, как мне казалось, добиться в жизни больших успехов, оказались непреходящими. Они помогли мне прийти к Богу. И какое счастье, что не были достигнуты те обманчивые цели, за что потом пришлось бы расплачиваться!

Мой внутренний мир не разрушен, душа полна любви и готовности созидать.

А что же испытывала наша прабабушка, когда в небольшом приграничном городке она, оставшись без мужа и с маленькой дочкой на руках, вынуждена была перебраться в глиняную мазанку? Поднимаясь, каждое утро она видела сквозь верхушки деревьев крышу своей конюшни, в которой до шестидесяти годов прошлого столетия будет располагаться главпочтамт. Что испытывала эта женщина, когда проходила мимо своего дома, не смея к нему приблизиться?

Все, что ей удалось утаить от новой власти, — какие-то украшения, золотые монеты, — поменяли на муку и сахар во время войны.

В шестидесятые она приезжала к нам в Ташкент на Асакинскую, обычно летом. Маленькая, аккуратная старушка, никогда не повышавшая голоса. Выросла со служанками, а умирая, очень хотела надеть крепдешинное платье. В то время это был дорогой наряд: один метр ткани стоил шесть рублей.

Я знаю, ее звездочка тоже там, наверху.
Царство вам Небесное, «непобедители»...»

— Все! Собирайся! — опять влетел в комнату отец. — Ты поел? Иди выпей сок и переодевайся. Забросим Лолку с детьми в парк, а оттуда на боулинг!

— В какой парк? — оживился Тимур. Я хочу в парк Тельмана.

— Да прекрати, Тимур! Нет в Ташкенте никакого парка Тельмана, и не было никогда. Я здесь полжизни прожил, ни разу не слышал. Это выдумки твоей прабабки. Не читай ты эту чушь. Из-за этой макулатуры мы с твоей мамой сильно поругались.

— Это не макулатура, мама говорила, что здесь есть какая-то ценность.

— Нет там никакой ценности. Я тоже думал, может, бабка закопала клад где-нибудь под деревом и написала — нет, ничего такого. Писанина какая-то... Выдумки.

Заехав за тетей Лолой с ее дочками, папа и сын отвезли их в большой парк. Тимур здесь был впервые, и ему понравилось. Захотелось остаться с девочками, покататься на аттракционах, побегать, рассмотреть все. Вокруг столько всего интересного! Но папа его тянул за собой.

— Ну все, девочки, дальше вы сами? — нетерпеливо спрашивал он.

Стоя перед летней сценой в виде раскрытой раковины, Тимур повернул голову туда, где лестницу сверху в нескольких местах пересекали боковые переходы. Все утупало в зелени.

Мальчик пристально рассматривал, не мелькнет ли среди цветов тонкая фигурка белой балерины.

— А как называется этот парк? — спросил он у тети.

— Парк Бабура — с улыбкой погладила она своего любимца по голове. — Это знаменитый старый парк.

Он опять посмотрел на лестницу.

— А как он назывался раньше?

— Понятия не имею! Пошли, пошли, — торопил его отец, увлекая за собой.

Сев в машину, он начал перечислять, сколько им можно будет получить удовольствий за этот выходной день, если поторопиться.

Тимур послушно кивал, но ему больше хотелось оказаться сейчас в своей комнате и дальше читать пожелтевшие страницы дневников прабабушки, которыми никто никогда не интересовался. Ни папа, ни даже мама, которая гордилась бабушкой, берегла толстую папку, но не заглядывала в нее, ссылаясь на занятость. То она в командировке, как сегодня, то торопилась в салон, чтобы привести себя в порядок...

Пожелтевшие страницы терпеливо ждали своего маленького хозяина.

«...Наш двор, наш дом. Сколько раз во сне я испытывала несказанную радость, когда видела их. Вот они, родные, на месте. Раскрыли свои объятия цветущие акации, цветы в палисадниках, солнечные зайчики играют на деревянном полу... Крыша кладовки, на которой встречаются соседские кошки...

Канули в прошлое тенистые дворы с одноэтажными домами, покрытыми черепицей. Нет уже тех крылечек, палисадников, заборов из старых досок, тропинок, утопающих в цветах, ведущих к самодельным душевым, где под влажными досками внизу сновали мокрицы с разными жучками, а к уроненному кусочку колбасы быстро выстраивался ряд кусачих мурашей.

И того водопровода, к которому мы, набегавшись, с жадностью припадали и напивались вкуснейшей в мире водой, уж нет...

Землетрясение 1966 года изменило все. Выкошены дворы, на их месте выросли четырехэтажные дома. Баня на Дархане исчезла за ненадобностью.

Шестидесятые уходили под шум города, разрастающегося во все концы панельными окраинами.

И разнесло добрые семена «непобедителей» ветром стремительных перемен. Хватило ли закваски на всех? Или растворились они в потоке тех, кто устремился безудержным потоком во все концы земного шара?..»

МАРИЯ КРАСОВСКАЯ

ЭДЕЛЬВЕЙС

*И, вместо смеха, словно песнь,
Слеза скатилась с глаз
На недоступный эдельвейс.
Цветущий только раз.*
Сергей Феденков

Бодрая молодая женщина уверенно вела группу подростков к скоплению безжизненных холмов. Уже подуставшие, ребята вяло плелись за своей учительницей истории и подумывали остановиться передохнуть. Палило яркое солнце, в его ослепительном свете большие бугры казались миражом, чем-то призрачным, сказочным. Это завораживало. Многие останавливались и, разинув рты, любовались открывшейся их взору картиной.

– 8 «А»! Не расходимся, держимся вместе! – крикнула Дия Алишеровна, заметив, что ученики начали разбредаться и отставать.

– Хорошо, давайте немного отдохнем, а я пока расскажу вам о месте, куда мы пришли.

Послышались удовлетворенные возгласы, и ребята, сев на свои рюкзаки, принялись внимательно слушать.

– Перед нами Афросиаб. По легенде, правитель Турана царь Афросиаб основал этот город, который впоследствии стал древней согдийской столицей – Маракандой. Трудно поверить, но эти желто-коричневые бугры и бесформенные нагромождения хранят в себе множество историй и великие тайны прошлых веков. Просто представьте, что когда-то на этом месте стояли высокие и неприступные стены, цитадель – сила Великого Со-

гда, лавочки ремесленников и глиняные домишки. «Затем я, Ахура Мазда, создал несравненную Согдиану, богатую садами», — это слова Верховного бога зороастрийцев из их священной книги. Кто помнит, как она называлась?

— «Авеста»? — спросила Ясмина.

— Верно. Священная книга зороастрийцев называлась Авестой, — подтвердила Диля Алишеровна. — Руины Афросиаба помнят осаду Мараканды Александром Македонским. Древние согдийцы являлись великолепными воинами. Помните, я говорила вам о Спитамене? Так вот, он был согдийским военачальником, который поднял восстание против Александра Македонского.

— Но ведь Македонский все равно захватил Согд, — вмешалась Шахина.

Диля Алишеровна снисходительно улыбнулась.

— Не все так просто, моя хорошая. История — очень спорный и трудный предмет. Да, Спитамену не удалось освободить Бактрию и Согд от войск Александра. Однако в битве у Политимета Спитамен впервые смог разгромить войско Македонского, которое считалось самым непобедимым. После подавления восстания и смерти Спитамена Александр вошел в Мараканду и разрушил ее.

Шахина загрузила. Ей очень хотелось оказаться в этом некогда прекрасном городе, прогуляться между домами, сразиться за свободу родного края, как Спитамен. Почему люди не изобрели машину времени, чтобы ей, Шахине, удалось пережить эту историю? Девочка уже не слушала учительницу. Она осматривала руины и размышляла о людях, живших в этом городе. Интересно, какими они были? Внезапно около небольшой стены Шахина увидела девушку, одетую в бледно-желтое платье в пол. Незнакомка была необыкновенно красива: длинные каштановые густые волосы заколоты на затылке, но несколько прядей все же выбилось из идеальной прически и спадало на хрупкие плечи, обрамляя бледное лицо. Глаза девушки, которые она отвела от Шахины, выражали невыносимую скорбь. Любопытство заста-

вило Шахину тихонько, чтобы никто не заметил, подойти к прекрасной незнакомке и расспросить ее обо всем, что так интересовало девочку. Но, подойдя ближе к тому самому месту, где она видела девушку, Шахина никого не обнаружила. Только оплывшая глиняная стена безмолвно стояла посреди таких же бесформенных холмиков. «Наверное, показалось», — загрузив, подумала Шахина, но все же внимательно оглядела стену, ничего примечательного не заметив. Ну конечно, ведь столько лет прошло! Шахина дотронулась рукой до стены и закрыла глаза...

* * *

Меванча нетерпеливо стояла у стен храма, переминаясь от волнения с ноги на ногу. Мараканда пустела, а вместе с тем обливало кровью и сердце девушки. Она любила этот город, который был с ней с самого ее рождения. Обожала это тихое место у стены храма, где росло одно единственное гранатовое деревце, листочки которого шумно откликались на зов ветра. Солнце бледными лучами цеплялось за крыши домов и верхушки башен, дабы не позволить надвигающейся ночи хозяйничать в ее любимом городе. Впервые за столько лет Мараканда молчала. Угнетающая тишина некогда шумного и богатого города словно злорадствовала и казалась Меванче ужасно долгой. Но вот показалась фигура Эскотара, развеяв страхи и грусть девушки. Согдийский воин быстро шагал навстречу своей возлюбленной, держа в руках цветок алой розы.

— Эскотар! — воскликнула Меванча. — Я думала, ты уже не придешь.

Юная согдианка приняла розу и с благоговением взглянула на возлюбленного. Он был хмур и раздосадован, все время отводил глаза куда-то в сторону и мало говорил. Меванча не могла видеть, как мучается ее любимый, и спросила:

— Что случилось? Расскажи мне.

Темно-зеленые глаза Эскотара заволокло пеленой. Он бережно взял тонкую девичью кисть и накрыл ее своей ладонью.

– Спитамен убит. Не то массагетами, не то собственной женой. Александр уничтожает целые поселения из-за восстания. Становится опасно, Меванча. Мы не можем больше продолжать эту партизанскую войну.

Эта новость повергла девушку в шок. Она не могла смириться с тем, что происходит на ее родной земле. Меванча и Эскотар были в числе восставших, когда Спитамен взял на себя командование повстанцами.

– Ты должна укрыться в Ариамазе. Это самое безопасное место на данный момент. Войска Александра никогда не смогут взять эту крепость.

Меванча отрицательно покачала головой:

– Нет, ни за что, Эскотар! Я не брошу тебя здесь одного. И что это за война? Мы прячемся от Александра, словно трусливые мыши...

Согдийский воин перебил свою возлюбленную:

– Ты меня не слышишь, Меванча. Необходимо немного переждать. Возможно, мы сможем договориться с Александром и обойтись без жертв.

Меванча гневно взглянула на Эскотара:

– Что ты говоришь? Нельзя пожимать руку, держащую меч! Александр никогда не даст свободу Согду. Он хочет, чтобы мы слепо подчинились ему. А я не могу подчиниться человеку, который уничтожает мою родину!

– Прекрати, Меванча. Говорю тебе, уезжай на Согдийскую Скалу. Я не переживу, если с тобой что-то случится. Обещаю, я буду приходить сюда, на наше любимое место, и ждать тебя. Как только войска Александра будут повержены, мы сыграем свадьбу. А сейчас уходи, пока не поздно. Уходи!

Девушка не могла сдержать слез, не решаясь покинуть любимого. Дурное предчувствие овладело ею. Сомнение, гнев, досада, смятение – самые разные чувства одолевали согдианку. Она молча вертела в руках алую розу, не обращая внимания на острые шипы, которые впивались, оставляя на белых ладошках красные отметины.

— Меванча, мое священное пламя, — Эскотар взглянул в глаза любимой, утирая ее горькие слезы, — я клянусь тебе, мы еще встретимся. Но сейчас ты должна быть смелой и сильной. Побудь в Ариамазе, чтобы я был спокоен.

— Обещай мне беречь себя, Эскотар.

— Обещаю.

Меванча молча кивнула и, не глядя на возлюбленного, побежала прочь. Она знала, что Эскотар с грустью смотрит ей вслед. Понимала и то, что эта встреча с любимым может быть последней.

Горная крепость Ариамаз была самым неприступным местом Согдианы. Таковым ее делали высокие отвесные стены, затруднявшие подступы. Продовольствия, как заявила девушка Лала, хватит всем защитникам еще на десять лет. Находясь в крепости, Меванча каждую минуту думала о возлюбленном и не могла найти себе места. Красавица Роксана, дочь бактрийского вельможи Оксиарта, сидела спокойно, и лишь изредка можно было услышать ее тяжелый вздох. Бактрийская княжна порой угрюмо взирала на беспокойную Меванчу, метавшуюся из угла в угол.

— Прекрати, Меванча. Ты заставляешь меня переживать, — тихо произнесла Роксана. — Мой отец сказал, что нам опасаться абсолютно нечего.

Лала пожала плечами, а ее подруга Апана между тем встревоженно заявила:

— Я слышала, что Александр предложил нам сдаться.

— Да, но мой отец твердо решил стоять на своем, — успокоила девушку Роксана.

Лала вновь молча пожала плечами, продолжая смотреть в одну точку.

Роксана, заметившая, что ее слова несколько не успокоили девушек, пустилась в разъяснения:

— Александр пообещал помиловать всех сдавшихся. Естественно, эти слова ничего, кроме смеха, у наших людей не вызвали. Отец лишь посоветовал Александру где-нибудь приобрести крылатых воинов, потому как иначе эту крепость взять не удастся.

— И что же Александр? — оживилась Лала и придвинулась ближе к бактрийской красавице.

— Не знаю, — честно призналась Роксана. Ей хотелось со-
вратить своим новым подругам и сказать, что Александр решил
сдаться и снять осаду крепости. Но она не могла этого сделать.
Ложь никогда не бывает оправданной.

Наконец, Меванча присела и скорбно склонила голову.

— Что мы делаем?

Апана, Роксана и Лала не сразу поняли, что вопрос Меванчи
был риторическим. Немного помолчав, последняя продолжила:

— Этот мир даровал человеку столько возможностей. У нас
есть все для жизни: еда, одежда, дом, огонь, земля, воздух, вода.
Но людям мало. Они предпочитают воевать, чтобы уничтожить
все, что нам было даровано богами. И тут уже дело за малым:
либо мы прекратим войну, либо война уничтожит всех нас.

Лала попыталась изобразить улыбку, но она вышла какой-то
наигранной и вымученной. Роксана открыла рот, чтобы что-то
добавить к словам Меванчи, но остановилась и просто опустила
глаза.

— Но, если захватчики угрожают твоей родине, что тогда?
Смириться и не воевать? — спросила Апана, внимательно глядя
на Меванчу.

Юная согдианка встала на ноги, быстро прошла по комна-
те, оглядела подруг и произнесла безапелляционным тоном:

— Никогда я не смирюсь с этим. И вам не советую.

Внезапно послышались крики и чьи-то голоса, которые
с каждым мгновением приближались к комнате, где разговари-
вали девушки. Подруги сгрудились в углу и испуганно смотрели
на вход. Апана решительно двинулась к стулу, схватила его
и подперла им дверь, затем вернулась в угол. Обстановка на-
калилась до предела, нервы девушек были натянуты, словно
струны чанга. Вдруг голоса затихли и стало пронзительно тихо.
Секунды ожидания чего-то страшного и неминуемого казались
целой вечностью. Напряжение не спадало, и Меванча, немного
поразмыслив, заключила, что надо бы узнать, что же происхо-

дит снаружи. Она медленно направилась к двери, и в этот самый момент в комнату ворвались воины. Мужчины говорили на незнакомом языке, что-то кричали и, схватив девушек за руки, выволокли из крепости. Захватчики особо не церемонились с пленными, выталкивая из цитадели женщин с детьми. Сам Александр Македонский наблюдал за этой картиной, сидя на своем коне. Подле него стоял мужчина маленького роста, непохожий на элина, скорее всего, бактриец. Он с серьезным выражением лица оглядывал заложников, а затем, получив команду Александра, громко закричал:

– Теперь вы принадлежите единственному Царю Азии – Александру Македонскому.

Чей-то ребенок горько заплакал, и Александр посмотрел в сторону, откуда доносился плач. С минуту завоеватель молчал, видимо, размышляя и обдумывая свои слова, а потом что-то тихо сказал бактрийцу и спешно покинул крепость. Согдийская Скала пала.

Девушек привезли в какой-то дом, где их нарядно одели и накормили. Но Меванча есть не могла. Все люди, взятые в крепости, теперь будут рабами. Без воли и каких-либо прав. Для свободолюбивой согдианки это было равносильно приговору. Роксана разговаривала с Апаной об Александре, рассказывая подруге, как он смог захватить неприступную крепость. Меванча заметила, с каким восхищением говорила бактрийская княжна.

– Лала, – шепнула согдианка, придвинувшись к подружке. – Мне нужна твоя помощь.

– Да, Меванча.

– Мне необходимо уйти. Ненадолго. Я должна встретиться кое с кем в городе. Пожалуйста! Помоги мне, дорогая Лала! – взмолилась Меванча, целуя руки девушки. Лала после некоторых колебаний решила все же невзирая на опасность помочь подруге с побегом. Все, что требовалось от Лалы, – отвлечь внимание охранника, который караулил девушек у входа.

Меванча затаилась в тени, ожидая, когда освободится путь. Подойдя к охраннику, Лала тихо спросила его о погоде. Тот, ра-

зумеется, не понял слов девушки и затолкал ее обратно в помещение. Но Лала не собиралась сдаваться. Она ловко вывернулась и побежала прочь от охранника, увлекая его вглубь темных улиц. Меванча, улучив момент, шмыгнула в проход и понеслась к стенам того самого храма.

Согдианка никогда не бегала так быстро. Она не чувствовала ни голода, ни холода, ни усталости, летя на встречу с любимым и молясь богам, чтобы ее прекрасный Эскотар был жив и ждал у гранатового дерева. На небе уже показалось луна, освещающая руины разрушенной и догорающей Мараканды. Стены храма и даже маленькое погнувшееся деревце граната все же выстояли перед натиском македонского войска. Теперь они с трепетом ожидали юную Меванчу, которая безумно любила это тихое и тенистое место. Дул сильный холодной ветер, но девушка будто его не замечала. Она смотрела вдаль, пытаясь отыскать фигуру Эскотара. Но тщетно. Юная согдианка предположила, что произошло самое худшее – гибель любимого. Девушка горько заплакала и без сил упала на колени перед стеной храма. А ведь они так мечтали о свадьбе... Хотели уютный домик, детишек, завести скот и даже начать заниматься торговлей. Все как у всех... Неожиданно в пустынной тишине послышались быстрые шаги. Меванча подняла голову и вскочила, увидев Эскотара, который приближался к храму, обходя руины домов. Он был так же прекрасен и серьезен, как в прошлый раз, когда прощался с возлюбленной. Только теперь в его руках была не алая роза, а белоснежный цветок эдельвейса.

– Эскотар!

– Меванча!

Два любящих сердца трепетали и выпрыгивали из груди, а души ликовали и наслаждались минутами покоя. Возлюбленные были не в силах разомкнуть объятия.

– Если бы ты знал, как я испугалась, что больше тебя не увижу! – Меванча взяла в руки эдельвейс и улыбнулась, но счастье длилось недолго. Девушка вдруг осознала, что ее жизнь и честь в опасности.

— Согдиана теперь принадлежит Александру, — сухо произнес Эскотар, внимательно глядя на девушку. — Мне жаль, Меванча.

— Нет, нет, нет! Мы не должны сдаваться. Нужно что-то придумать...

— Что, Меванча? — огрызнулся воин. — Смирись. Это конец.

Девушка бросила эдельвейс и закрыла руками уши, чтобы не слышать этих ужасных речей.

— Как ты можешь так говорить, Эскотар? Он камня на камне не оставил от города, а ты просишь смириться с поражением и служить врагу? Согдийская Скала пала. А я, Эскотар, могу стать рабыней варвара. Прошу тебя! Спаси меня от этой унижительной участи, молю! Давай тайно поженемся и уже никто не сможет нас разлучить!

Эскотар сжал кулаки и отвел глаза. Ему было стыдно сказать возлюбленной о своем решении. Но только так он смог сохранить себе жизнь.

— Меванча... Я теперь служу Александру.

Несколько мгновений девушка думала, что все это ей послышалось. Ее любимый Эскотар не мог так поступить с ней, с друзьями, с Согдианой. Не мог... Или мог? Наступившее осознание было как удар камнем по голове. Эдельвейс... Он ведь растет на скалах... Осада крепости... Эскотар участвовал в осаде Ариамаза! Это добило Меванчу. Как же низко он пал!

— Предатель! — закричала юная согдианка, и тишину ночи рассек звук звонкой пощечины. — Уходи!

— Меванча, я могу просить Александра о милости, и он позволит нам пожениться...

— Никогда! Я не упаду на колени перед человеком, который разрушил мой город! Ненавижу тебя, уходи! Оставь меня! Я...

Меванча не успела договорить. Она почувствовала невыносимую боль, а когда опустила глаза — увидела кинжал, который воткнул ей в сердце Эскотар. Мгновение... Негодуя, шумел ветер в ветвях гранатового дерева. Звезды и луна скрылись, не желая светить убийце. У стен храма Эскотар крепко обнимал безды-

ханное тело возлюбленной и горько плакал, проклиная войну. Не в силах остановить поток слез, он положил Меванчу у той самой стены и вложил в руки выпавший цветок эдельвейса. В этот момент Эскотар обрек себя на вечные муки. «Предатель!» — этот возглас любимой девушки ни на секунду не затихал.

— Прости, мой милый символ стойкости и мужества. Ты любила Родину больше, чем собственную жизнь. О такой преданности можно только мечтать. Согдиане с тобой повезло. Анаграоча примет тебя, дитя Согда. Прощай, любовь моя! Прощай, Меванча!

Эскотар ушел не оглядываясь. Он знал, что его возлюбленная не смотрит ему вслед. Понимал, что собственными руками убил свое счастье...

* * *

— Шахина! Шахина!

Девочка медленно открыла глаза и увидела у своих ног тот самый белоснежный цветок эдельвейса. Она подняла его и в ту же секунду заметила юную согдианку. Меванча стояла у стены и грустно улыбалась Шахине. Меванча исчезла также внезапно, как и появилась, но девочка не могла оторвать глаз от того места, где стояла согдианка.

— Шахина! Сколько можно тебя звать? Ты почему не отзываешься? Мы тебя потеряли, пойдем, — Ясмина подошла к своей однокласснице. — Ты меня слышишь?

Наконец, Шахина отвела взгляд от стены и, обращаясь к подруге, спросила:

— Ты знала, что если прикоснуться к памятнику, то можно увидеть связанные с ним исторические события?

АНИТА ЭЛИВ

В ДВИЖЕНИИ

— В общем, так, — начал Максим, — у нас с Ларисой только один свободный день — ночью рейс в Москву. Так что вот список мест, которые я хотел бы сегодня посетить, и давайте побыстрее к делу, время дорого.

Тимур бросил взгляд на протянутую бумагу: Арк, торговые купола, летний дворец, комплекс Накшбандий, Чашмаи-Аюб... дальше Тимур даже не стал читать.

— Вы собираетесь за один день осмотреть все достопримечательности Бухары? — он очень старался, чтобы ирония его осталась незамеченной, но гость все же почувствовал.

— Молодой человек, я Рим за неделю осмотрел, — внушительно произнес он. — А ваш городишко, простите, все-таки не Рим, это понятно?

— Понятно, — кратко произнес Тимур. — Извините меня, я на минуточку, и почти бегом побежал к шефу.

— Наймите ему профессионального гида.

— Гида он не хочет. Да и времени мало, сейчас уже никого не найдем, — даже не посмотрев в сторону Тимура, шеф продолжал копаться в бумагах на столе. — Прогуляйся с ним, покажи основные достопримечательности — Ляби-Хауз или там Мохосу... Постарайся, чтобы ему у нас понравилось.

— Не думаю, что ему здесь хоть что-то понравится, — проворчал Тимур, уже понимая, что от неприятной прогулки ему не отвертеться.

— Тебе что, трудно один день потерпеть? — явно начинал сердиться шеф. — Просто покажи ему Арк, Мохосу, еще что-нибудь. Расскажи какие-нибудь местные легенды, проверять на до-

стоверность никто не станет. Шашлыком покорми и посади на самолет. Это так тяжело?

Возражать было бесполезно, и Тимур, тяжело вздохнув, потащился на улицу, заранее решив не обращать внимания на причуды заезжего гостя.

— Наконец-то! — Максим строго нахмурился при виде Тимура. — Сколько можно ждать, мы ведь торопимся, молодой человек!

— Меня зовут Тимур, — сухо ответил вынужденный гид, отметив про себя нелепое обращение «молодой человек», — Максим выглядел намного моложе его самого. — Простите за задержку.

— Здравствуйте, Тимур, я Лариса, — вмешалась девушка, и Тимур улыбнулся в ответ на ее приветливую улыбку.

— Приятно познакомиться. Пожалуйста, садитесь в машину, сейчас уже поедем.

— Вот и прекрасно. Но учтите, у меня свой тайм-менеджмент, — заявил гость, усаживаясь в машину. — Чтобы все успеть, нужно находиться в постоянном движении, не выпадать из ритма. В моих правилах, никогда нигде не задерживаясь, проводить концептуальные осмотры достопримечательностей. Это экономит кучу времени.

Тимур не рискнул спросить, что такое концептуальный осмотр, но Максиму поощрение и не требовалось.

— Достаточно понять концепцию архитектуры или направление искусства, и детали станут совершенно неважны, — изрек он. — Как только я пойму концепцию, я тут же двигаюсь дальше. Поэтому всегда все успеваю.

— Не слушайте его, он невыносим со своими концептуальными осмотрами и принципами, — улыбаясь, сказала Лариса. — Лучше расскажите нам что-нибудь про ваш город.

Тимур подумал, что денек с этими двоими, видимо, предстоит непростой, но вслух только сказал:

— С удовольствием. Мы сейчас как раз подъезжаем к крепости Арк, там я вам все расскажу, — Тимур показал рукой на возвышающуюся за поворотом крепость.

Лариса сразу заахала и схватилась за телефон, стараясь запечатлеть песочные стены крепости, издалека казавшейся игрушкой на фоне пасмурного бухарского неба. Максим тоже рассматривал огромную постройку, щуря то один, то другой глаз и наклоняя голову, — видимо, готовился подвергнуть крепость «концептуальному осмотру».

Несмотря на кажущееся воодушевление гостей, экскурсия началась неудачно, в основном потому, что они проявили редкое равнодушие к зимней резиденции Эмира Бухарского.

Максим слушал объяснения, недоверчиво выпячивая губу, то и дело презрительно задирая вверх брови, откровенно фыркал при виде манекенов узников, уложенных внутри Зиндана, а стоило Тимуру затянуть рассказ более, чем на пять минут, как Максим начинал тихонько, но выразительно стучать ногтем по циферблату дорогих часов, давая понять, что пора закругляться и двигаться дальше. Лариса, как могла, старалась смягчить обидное равнодушие своего друга и с извиняющимся видом улыбалась Тимуру, но было очевидно, что и ее крепость не впечатлила. Она не отрывалась от своего смартфона и общалась с друзьями на ходу в живом чате, не слишком заботясь о том, что перебивает Тимура.

В общем, экскурсия оказалась настолько тягостной, что Тимур не сдержал вздоха облечения, когда они наконец покинули Арк и спустились в старый город к старинным торговым куполам.

Здесь дело пошло немного лучше: Лариса оживилась и ринулась покупать сувениры, с азартом торгуясь с продавцами и беспрестанно фотографируя и выкладывая в соцсети любой попавший в поле зрения предмет. Этот бесконечный процесс по обогащению соцсетей фотографиями захватил ее настолько, что Тимур, сначала еще пытавшийся вставить какие-то комментарии по поводу исторического происхождения и значения торговых куполов Бухары, в конце концов просто замолчал, понимая, что общение с соцсетями и торговцами Ларисе намного интереснее, чем его рассказы.

Максим был верен себе и придерживался «концептуального осмотра»: на все восторги Ларисы он только говорил: «Ну, если тебе так понравилось, покупай», — и отступал на два шага, всем своим видом давая понять, что не одобряет такого времяпровождения. Он тоже не выпускал телефона из рук, но его разговоры были куда более загадочны и сложны, чем социальная жизнь Ларисы: он то и дело строго вопрошал смартфон: «Вы уже закончили подготовку к бизнес-ревью?» — или констатировал: «Очевидно, ваши данные не совпадают с YTD, придется пересчитать», — и так без конца.

Тимур чувствовал себя тающим куском масла в сендвиче из двух вибрирующих, непрерывно жужжащих смартфонов: с одной стороны, его оглушали восторженные возгласы Ларисы, прерывающиеся стеклянными звуками прилетающих неведомо откуда эсэмэсок, а с другой — в уши назойливо вползал высокомерный голос Максима, настойчиво требующий от собеседников выполнения каких-то срочных задач. Двигаясь параллельно в шумном потоке туристов и торговых лотков, эти двое совершенно не обращали внимания друг на друга и все-таки каким-то загадочным образом составляли пару, гармоничную в своем равнодушии к древнему городу.

«Скорее бы уже в аэропорт их отвезти», — тоскливо думал Тимур, машинально продвигаясь с гостями от купола к куполу. Он с надеждой глянул на часы — они, к сожалению, показывали только начало второго, а значит, экскурсия продолжается, надо ехать дальше. Например, в летнюю резиденцию. Тимур надеялся, что изящный летний дворец Ситораи-Мохи Хоса произведет на трудных гостей впечатление.

Но, вопреки его ожиданиям, визит в летнюю резиденцию запомнился только одним эпизодом: Максим провел рукой по спрятанному за роскошной занавеской подоконнику и показал Тимуру испачканный пылью палец.

— Как вы сказали? Шестнадцатый век? — насмешливо спросил он. — Ну что ж, концепцию этого места я понял. Двигаемся дальше.

Направляясь в комплекс Баховуддин Накшбанд, Тимур твердо решил не огорчаться, если и эта экскурсия окажется неудачной. Но здесь ситуация неожиданно изменилась.

Величественный комплекс Баховуддин Накшбанд странным образом повлиял на Ларису: она притихла, спрятала телефон в сумку и долго бродила среди широких айванов, рассматривая выбитые на потолке узоры и прикасаясь руками к резьбе на деревянных колоннах. Наверно, устала фотографировать, решил Тимур и поискал глазами Максима — тот сидел на лавочке недалеко от читающего молитву «домлы», подставив лицо нежаркому осеннему солнцу, и задумчиво жевал жареный пончик.

— Я видел, тут все брали пончики, и тоже взял один, — пояснил он. — Их раздают бесплатно? Всем можно брать?

— Их приносят паломники и оставляют здесь. Всем можно брать, — ответил Тимур, присаживаясь рядом.

В этот момент мулла закончил чтение молитвы, и все присутствующие сложили ладони вместе.

— А что он говорит? Почему все руки сложили?

— Он желает благополучия и исполнения желаний всех паломников и гостей, — пояснил Тимур. — У нас обычно всегда так говорят после прочтения молитвы.

Максим сложил ладони вместе и тоже, как и все, провел ими по лицу. А потом снова надолго задумался и уже не торопился вернуться в привычное «плановое движение».

— Странное место, — наконец, произнес он. — Очень странное. Есть здесь что-то непонятное... Вроде место старинное, а выглядит как новенькое...

«Ага, пробирает тебя все-таки!» — почти злорадно подумал Тимур, а вслух произнес:

— Этот комплекс был отреставрирован сравнительно недавно, возможно, поэтому здесь все выглядит новым.

— Напрасно вы все реставрируете, улучшаете, — Максим как будто очнулся и укоризненно покачал головой. — Древние места должны оставаться древними, нетронутыми, в этом их сила. А вы своими улучшениями лишаете место первоначаль-

ного смысла. Жаль, что нельзя увидеть этот комплекс в перво-
зданном виде.

— Вообще-то мне тоже не очень нравится реставрация, — осторожно заметил Тимур. — В моем детстве мы приезжали сюда с родителями, и тогда эта мечеть была почти разрушена, но ощущения были совершенно иные. Однажды мы с сестрой даже забрались внутрь мечети. Это было так интересно и странно: мы как будто попали в другой мир...

— Вот именно, — с жаром подхватил Максим, — древности — это и есть другой мир. А после реставрации это просто здание, без смысла и истории. Я надеялся увидеть здесь по-настоящему древние, нетронутые места, а вы мне показываете новостройки.

Тимур удивленно посмотрел на него: вот кто бы мог подумать, что такие мысли водятся в этой красивой, причесанной и выдрессированной тайм-менеджментом голове? Слова «нетронутые места» неожиданно навели его на мысль.

— Я знаю одно старинное место. Но туда далеко ехать.

— Что за место? — сразу заинтересовался Максим.

— Это захоронение одного из суфийских святых. Называется Чибардон-ота. Там уж точно не было никакой реставрации, — уверенно сказал Тимур и сразу спохватился: — Но ехать далеко, почти 60 километров от Бухары.

Максим глянул на часы и сразу поднялся.

— До рейса еще 8 часов. Успеем!

Концепция постоянного движения имела свои плюсы: Тимур еще не успел осознать, зачем он предложил такую странную прогулку, как Максим уже усадил удивленную Ларису в машину, пресек возражения водителя и умело смотивировал его дополнительной оплатой — и все это за какие-нибудь пять минут. Отказываться было поздно, Тимуру ничего не оставалось, кроме как поехать, надеясь, что новый маршрут не принесет неприятных сюрпризов. Однако не обошлось...

Стоило выехать за пределы города, как машина сразу запрыгала на ухабах.

– Почему дорога в таком отвратительном состоянии? – возмутился Максим, стараясь перекрычать натужный рев и жалобные всхлипы старенькой машины. – Столько денег с туристов дерете, неужели трудно привести дороги в порядок?!

– Мы сейчас едем в сторону Каракуля, этот маршрут в стороне от обычных туристических маршрутов, – хладнокровно ответил Тимур, наблюдая за тем, как Лариса пытается напиться из бутылки с расплескивающейся водой. – Сюда мало кто ездит, поэтому и дорога плохая.

– Давайте вернемся! – Лариса раздраженно трясла свой смартфон. – Здесь даже сеть не ловит, вокруг ничего нет. Макс, у нас же ночью рейс, давай вернемся в отель!

– Ну уж нет! – покачал головой Максим. – Ты же знаешь мои принципы. Раз запланировали, надо довести дело до конца. Я хочу увидеть это место.

– Макс, ты что, псих? – чуть не плакала Лариса. – Посмотри вокруг! Здесь же даже света нет! Голая степь кругом!

– Я хочу увидеть это место, – упрямо повторил Максим. – Не волнуйся, на рейс успеем.

Спустя какое-то время дорога стала немного лучше, водитель прибавил скорость, но октябрьские сумерки опережали их, и совсем скоро путь освещал лишь слабый свет фар, выхватывающий небольшие участки разбитой дороги.

Вскоре они свернули, и все стало намного хуже: машина проваливалась в такие глубокие ямы, что пассажиров буквально швыряло то вперед, то назад, то друг на друга. Промучившись какое-то время, Тимур твердо решил ехать обратно, и уже открыл было рот, чтобы заявить об этом, как вдруг машина взлетела, наткнувшись на очередное препятствие, с грохотом рухнула на дорогу и остановилась.

Пока ошеломленные пассажиры приходили в себя, водитель, чертыхаясь, безуспешно пытался завести машину.

– Все, приехали, – проворчал он. – Говорил я, нет сюда дороги! – добавил он, снова и снова поворачивая ключ зажигания и прислушиваясь к стонам поврежденного автомобиля. Машина

как будто сама силится завестись и обратиться отсюда подальше, но все-таки сдалась и наконец совсем затихла. Водитель, чертыхаясь, вывалился наружу, разгоняя рукой клубы пыли, и сразу же углубился в недра машины.

– Ну, теперь мы точно опоздаем на рейс, – расстроилась Лариса, но Максим беспечно махнул рукой:

– Ничего страшного, улетим следующим.

Это было так непохоже на ярого приверженца тайм-менеджмента, что и Лариса, и Тимур изумленно уставились на Максима, который даже смутился.

– Что так смотрите? Мы же не можем изменить ситуацию, значит надо ее принять, – сердито сказал он. – Улетим завтра утром через Ташкент, и нечего на меня так смотреть!

Лариса, наконец, тоже рассердилась.

– Улетим через Ташкент? Значит, мы еще сутки будем здесь торчать? Зачем тебе вообще приспичило сюда тащиться? Смотри, какая темнота, что здесь можно увидеть?

– Ну конечно, если нечего фотографировать, то и ехать незачем, – язвительно бросил в ответ Максим. – Выложи хештег «застряли в пустыне», получишь утешительные сердечки от своих подруг.

– Я так и знала, что ты начнешь придирааться к моим подругам!

– Ребята, не ссорьтесь, пожалуйста, – устало попросил Тимур. – Сейчас машину починят, и вы прекрасно успеете на свой рейс. Можем пока подняться к мавзолею Чибардон-ота, если хотите, – здесь совсем недалеко.

Идти пришлось медленно, ощупывая ногами дорогу, но включать фонарик никому не хотелось. Тимуру казалось, что свет современного гаджета выхватит из темноты что-то жуткое, вполне соответствующее заброшенности и пустоте этого места в самом сердце степи. Лучше уж поберечь нервы и не смотреть по сторонам, к чему лишнее напряжение?

Стало немного легче, когда он увидел впереди темную стену холма.

– Вот и пришли.

Едва сказав эти слова, Тимур сразу почувствовал, как в сердце медленно вползла особая густая тишина этого места.

Здесь ничего не изменилось со времен его детства. Воздух был неподвижен и наполнен смыслом. Тимур не мог объяснить, каким именно, но ощущал, что здесь все приобретает другое значение – он сам, ночь, темнота и даже эти случайные туристы, не знающие куда и зачем они забрели.

Тишина была такой плотной, что, казалось, ее можно есть ложкой, как кашу. Ни малейшего ветерка, никакого движения – только смутный силуэт старинного полуразрушенного мавзолея на небольшом холме и неподвижные разлохмаченные кусты саксаула вокруг, похожие на охраняющих сокровище чудовищ. И над всем этим безмолвием куполом нависло огромное звездное небо: мелкие россыпи светящихся веснушек спускались к самому горизонту, а прямо над головой сияли крупные, до блеска начищенные звезды, казалось, можно протянуть руку и сорвать с неба круглый светящийся пряник.

Тимуру потребовалась минута, чтобы отдышаться, прийти в себя и вспомнить о гостях. Он обернулся и увидел, что те двое стоят молча, окаменев под звездным небом, и, видимо, чувствуют примерно то же самое.

– М-да, – наконец выдавил из себя Максим, – это действительно необычное место.

– Макс, помолчи, а? – попросила Лариса, нервно озираясь по сторонам. – Мне и так нехорошо. Страшно здесь как-то...

– Мне тоже не по себе, – согласился Максим и повернулся к Тимуру: – Ну что ж, Тимур, настал ваш звездный час. Отвлеки-те нас, расскажите что-нибудь про это место, пока мы в штаны не наложили от страха.

Тимур почесал затылок. Его знания о месте захоронения Чибардон-ота ограничивались только далекими детскими воспоминаниями.

– Если честно, я почти ничего не знаю, – признался он. – Когда я был ребенком, говорили, что похороненный здесь свя-

той был очень строгим, — он криво усмехнулся, — несправедливых желаний он не выполняет, уверяли, даже может наказать дурного человека за грехи.

— Большое спасибо за эту информацию, — саркастически поблагодарила его Лариса. — Теперь мне точно не хочется туда идти.

— А мне, наоборот, очень любопытно, — заявил Максим. — Пойдем, Лара, не трусь. Все-таки ты здесь не одна.

— Нет, Макс, я одна, — неожиданно серьезно ответила Лариса. — И ты тоже совсем один. Я только сейчас это поняла.

— Зато я что-то не понял, — Максим остановился и посмотрел на нее: — Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказала. Мы слишком долго задержались друг с другом, если следовать твоей теории, — криво усмехнулась Лариса. — Нам давно пора начать плановое движение в разные стороны.

Некоторое время царила тишина, двое на дороге молча смотрели друг на друга. Потом Максим медленно сказал:

— И ты не нашла другого случая сказать мне это? Могла бы подобрать другое время и более подходящее место...

— А по-моему, место самое подходящее! — отрезала Лариса. — Здесь ведь нет твоих вечных заседаний, тайм-менеджмента и дурацких принципов «планового движения».

— И твой смартфон приказал долго жить, верно? — ехидно вставил Максим, но Лариса только мотнула головой, не отвечая на насмешку.

— Пусть так, и смартфона нет. Здесь только мы, и никого на сто километров вокруг.

— Вообще-то не на сто километров, — нехотя вставил Тимур. — Здесь рядом есть деревня.

— Да идите вы к черту со своей деревней! — выпалила Лариса. — Оба!

Она круто повернулась и пошла назад, в сторону лязгающих звуков машины.

Максим молча смотрел ей вслед, а потом сделал пару шагов в сторону и со вздохом уселся на обочине прямо на землю, не слишком беспокоясь о костюме.

– Сигаретки не найдется? – самым обиденным тоном спросил он. – Я обычно не курю, но меня только что девушка бросила...

– Найдется, – Тимур присел рядом и протянул ему пачку.

Они молча закурили, невольно прислушиваясь к тишине, как будто и желая, и боясь расслышать в безмолвии какие-то звуки.

– А ты не соврал: место действительно необычное, – неожиданно произнес Максим. – Давно не видел таких красивых звезд. Хорошо бы здесь поставить палатку и пожить с недельку в тишине и покое...

– А как же твой принцип? – поинтересовался Тимур. – Ну, этот – «быть все время в движении»?

Максим слабо усмехнулся:

– Ну, как видишь, этот принцип успешно разрушил мою личную жизнь. Поэтому придется его пересмотреть. Может, и впрямь плюну на все и поживу тут в палатке. Хотя... может, и не стоит, – тут же вздохнул он. – Когда долго смотришь в бездну...

– Бездна смотрит на тебя, – закончил Тимур, и Максим откровенно удивился.

– Надо же, ты читал Ницше... – но сразу же осекся под взглядом Тимура. – Извини, я, наверно, веду себя как придурок.

– Есть немного, – легко согласился Тимур. – Но я уже привык.

Теперь засмеялись оба, а потом снова надолго замолчали.

– Наверх, наверно, уже не пойдешь? – понимающе спросил Тимур.

– Пожалуй, не пойду, – поколебавшись, согласился Максим. – Уж если на полдороге сюда меня девушка бросила, то, пожалуй, дальше будет только хуже. Видимо, ваш святой сразу разглядел во мне грешника...

– А может, просто нужно больше времени, чтобы понять это место? – улыбнулся Тимур. – Не все можно осмотреть концептуально, как считаешь?

Максим кивнул головой, оживившись.

— Знаешь, только сейчас понял, какой я был дурак. Ведь полмира объездил, — признался он, — и на все смотрел вполглаза, концепцию выискивал. И будто нигде и не был — ничего не помню. Придется начинать все сначала, — мрачно заключил он.

— Ну, если что-то понял, значит, не дурак, — улыбнулся Тимур. — Можешь начинать сначала, прямо сейчас.

Разумеется, они опоздали на рейс, но Максим легко решил эту проблему, переговорив с агентством по телефону и заказав новые билеты. Они с Ларисой старались не смотреть друг на друга и на Тимура, но, даже не видя их, он чувствовал, как они изменились за несколько коротких часов.

— Что, хочешь убедиться, что я убрался отсюда подальше? — ухмыльнулся Максим, когда Тимур предложил проводить их в аэропорт.

— Да нет. Просто шефу надо отчитаться, что ты... убрался подальше.

Они посмеялись, и Максим сказал.

— Не волнуйся, шефу я отпишу, что все было в лучшем виде. Но в аэропорт мы все-таки поедем сами. Мне надо с Ларой еще о многом переговорить, без посторонних. Да и тебе надо от нас отдохнуть. Да, вот еще что, — он придвинулся ближе, — я решил приехать сюда еще раз...

Видимо, Тимур так явно изменился в лице, что Максим расхохотался.

— Да ты не волнуйся, концептуальных осмотров больше не будет.

— Я надеюсь на это, — Тимур уже справился с собой и улыбнулся: — Если без планового движения, то могу снова сводить тебя на экскурсию.

— Вот и договорились. А теперь извини, мне надо неконцептуально восстановить свои отношения с девушкой, — Максим подмигнул ему и ушел.

— Домой подвезти? — спросил водитель, когда Тимур вышел из гостиницы, но тот покачал головой.

– Я лучше пройдусь. В плановом движении, – пошутил он, но водитель только хмыкнул и сразу уехал, не оценив шутку.

А Тимур медленно пошел домой под неконцептуально неподвижными звездами Бухары.

МАЛИКА РАСУЛОВА

СИНЕГОРЬЕ¹

Мы с коллегой только приступили к обеду, когда в столовую ворвалась наша неугомонная активистка Нигора из бухгалтерии.

– Так, – закричала она, – дружно записываемся в поход на воскресенье. Едем в Синегорье, нашу узбекскую Швейцарию, форма одежды спортивная, еду берем с собой.

Мне Нигора нравится, симпатичная девушка, но уж больно боевая, а я человек спокойный, походам предпочитаю тюлений отдых. Я бы давно к ней подкатил, но побаиваюсь.

Ну что, Алиш, пойдем в поход? – в шутку спросил я соседа, который о чем-то задумался. – О чем размышляешь? Думаешь, идти или нет?

- Да так, вспомнилось кое-что.
- Расскажи.
- Давай закончим обед и пойдем покурим.
- Хорошо.

С Алишем мы работали в одном отделе несколько лет, оба молодые специалисты, но он уже успел стать счастливым мужем и отцом, а я, к огорчению родителей, все еще был холостяком.

- Ты же знаешь Лолу?
- Твою жену? Конечно.
- Но ты не знаешь, что жениться я должен был совсем на другой, ее звали Мадина.
- Вот это поворот! – присвистнул я.

¹ Синегорье – заповедник в Ахангаранском районе Ташкентской области.

— Да, крутой поворот, скажем так. И произошел этот поворот именно в Синегорье.

...Все началось давно. Наши с Мадinou отцы были близкими друзьями со школьной скамьи. Они выросли, сделали карьеру, обзавелись семьями, и дружба их только крепла. У Мадины тоже есть старшая сестра. Обе они уже замужем, есть дети. Мы тесно общались семьями, и я привык относиться к Мадине как к своей сестренке. Мы и дрались, и ругались, и играли, и спали вместе на полу. Но в подростковом возрасте возникли явные противоречия в наших характерах. Мадина перешла в школу с математическим уклоном, увлеклась программированием, ночами не спала, сидела за компьютером и читала запоем толстенные книги. Я тоже в общем-то учился хорошо, но и не упускал возможности потусить, развлечься. Пристрастился к горным походам, путешествиям и экскурсиям. Родители постоянно выговаривали, что я не беру с собой Мадину, но тут я был бессилён: она всегда категорически отказывалась. После окончания школы Мадина умоляла родителей отпустить ее учиться в Германию, но ее непустили. Короче, оба мы стали студентами одного вуза, но разных факультетов. Мадина фанатично вгрызалась в гранит науки, попутно совершенствуя свой немецкий, а я продолжал жить продуктивно и весело. На последнем курсе она заявила, что с нее хватит, она теперь взрослая и после окончания института поедет продолжать учебу в Германию. И вот тут у наших родителей созрел гениальный план. Они решили нас поженить и даже начали приготовления к свадьбе. Мадина срочно предложила встретиться на нейтральной территории и обсудить ситуацию.

— Ты меня знаешь — сказала она — я пока вообще не собираюсь замуж. Моя цель — дальнейшая учеба и карьера. К семейной жизни я не готова, даже яичницу готовить не умею. И детей заводить тоже не тороплюсь.

— Я тоже не готов к женитьбе, хочу погулять еще. Да и ты мне как сестра, ну как я на тебе женюсь? Но и родителей обижать не хочется...

– Слушай, ну ты же мужик, давай откажись от меня, скажи, что любишь другую.

– Нее, ты что?! Не люблю я никого. Мама плакать будет... И твоя тоже.

– Даа, дела. Ну ладно, время еще есть. Жизнь сама все по местам расставит, – философски заключила Мадина. – А пока давай делать вид, что мы поссорились.

– Ок, – согласился я.

Через неделю родители, встревоженные таким развитием событий, решили помирить нас, для чего организовали совместную поездку на природу.

– В Синегорье? – догадался я.

– Аха, точно, именно в Синегорье, нашу узбекскую Швейцарию, как сказала Нигора. Кстати, по-моему, ты ей тоже нравишься.

– Что значит тоже? Я разве говорил, что она мне нравится?

– Нет, но я же вижу!

– Оставим Нигору в покое, продолжай!

Так вот, приехали мы в пансионат, разместились в коттеджах и приступили к отдыху. Ну, как обычно, родители делали шашлыки, подолгу сидели за столом, прогуливались по территории, спали, мужчины пропускали по рюмочке, женщины неспешно беседовали и исподтишка наблюдали за нами. В первый же день я облазил все окрестности, сходил к водопаду, обследовал близлежащие склоны. Мадина сидела, уткнувшись в книгу, и на все уговоры матери пойти погулять со мной только отрицательно качала головой.

На следующий день мы еще завтракали, сидя на топчане, как вдруг мимо нас с шумом и гамом прошел отряд туристов с рюкзаками. Они протопали по асфальтированной дорожке, вышли за ограду и устремились к тропинке, ведущей к водопаду. Я с завистью посмотрел им вслед. Когда завтрак закончился, я решил тоже пойти к водопаду вслед за отрядом, меня тянуло к веселому обществу. Выйдя за ограду, прошел с полкилометра и вдруг увидел двух девушек. Одна из них сидела на камне

и плакала. Вторая, сидя на корточках напротив, растирала ей лодыжку. Широкополая шляпа закрывала ее лицо.

– Здравствуйте, девушки! Что случилось?

– Да вот Зухра подвернула ногу и не может идти.

– Ясно, дайте посмотреть.

– А вы врач?

– Нет, но я опытный турист.

Девушка поднялась, посмотрела на меня и вдруг улыбнулась – Вот это встреча, кого я вижу? Алиш, это ты?

– Лолка, привет, сто лет не виделись. Как ты?

– Потом поговорим, давай сначала поможем моей подруге.

– Да, конечно. Девочки, у вас есть платок или шарф?

– Найдется.

Я туго обвязал лодыжку Зухры, помог ей подняться.

– Ну как, полегче?

– Ой, да, спасибо!

– Давайте уйдем с дороги вон туда на склон, под большую ель. Там прохладно и бежит ручей. Мы немного отдохнем, а потом вернемся в пансионат, там есть медпункт.

– Хорошо.

Медленно, поддерживая Зухру с обеих сторон, мы дошли до спасительной тени. Лола расстелила каремат и уложила подругу, подложив ей под голову рюкзак. Я взял второй рюкзак и подложил его под ногу девушки.

– Ну как, Зухра, не больно?

– Совсем чуть-чуть, спасибо!

– Ну, ладно, ты лежи, подремли, рано же встали сегодня, а мы тут с Алишем поболтаем, вспомним молодость, – засмеялась Лола.

– Ладно, я, пожалуй, посплю немножко.

Мы отошли в сторону, сели на пригорок и посмотрели друг на друга. Прошлое пронеслось перед глазами. Лола была моей одноклассницей, мы дружили, как дружат все мальчики и девочки, беззлобно подтрунивая друг над другом, танцевали на школьных вечеринках, пару раз ходили в кино. И все. Ника-

кой первой любви, никаких поцелуев, ничего этого не было. После окончания школы мы не виделись. Я слышал от друзей, что она учится в языковом вузе, у нее всегда были пятерки по английскому.

– Лола, как я рад тебя видеть!

– И я.

– Как жизнь, как дома, все живы-здоровы, замуж не вышла?

– Спасибо, все хорошо. Я учусь, хочу стать переводчиком.

Замуж пока не собираюсь. А ты женился?

– Нет, я старый холостяк!

– Ясно все с тобой. Ты что здесь делаешь?

– Отдыхаю с родителями, гуляю, вчера на водопад ходил.

– Мы с Зухрой так хотели пойти в этот поход, дойти до водопада, но, видать, не судьба. Правда, и здесь очень красиво.

Меня осенило.

– Слушай, пока Зухра спит, давай покажу тебе волшебную поляну, я ее вчера обнаружил.

– Ты что, как мы ее бросим одну?

– Мы не бросим, эта поляна находится чуть выше, вон за теми елями. Мы быстро. И тут никого нет, безопасно.

– А поляна и вправду волшебная? – Лола засмеялась.

– Да, я там счет времени потерял. Пойдем, не пожалеешь, там такие клевые фотки получатся, выложишь в инстаграм.

– Ну, раз фотки клевые, то пойдем, только быстро.

Мы побежали вверх по склону, миновали ряд высоких мрачных елей и вышли на поляну.

– О-о-о... – Лола застыла с в изумлении.

Поляна была овальной формы, мы стояли в самом начале, а противоположный край уходил в бесконечность. Огромные стройные ели и пышные кусты шиповника с крупными желтыми и розовыми цветками обрамляли ее с трех сторон. Зеленый цвет травы растворялся в сиреновом половодье зарослей дикого лука. Среди высоких стеблей проглядывали синие колокольчики, желтые лютики, крупные малиновые головки клевера. Дурманяще благоухали шалфей, чабрец и мята. В тишине было слышно

жужжание тысяч пчел, порхали разноцветные бабочки, летали стрекозы, прыгали кузнечики, кто-то стрекотал в траве. И надо всем этим великолепием гордо возвышались царственные эремурусы во всей своей зрелой красе. Лола в полном восторге бегала по поляне, делала селфи, и то и дело восклицала:

— Какая красота, ах, какая красота!

Я сидел в высокой траве, смотрел на ее раздумавшееся лицо, и у меня вдруг защемило сердце от какого-то совершенно сумасшедшего восторга. Вчера я был на этой поляне, посидел и ушел, сегодня пошутил, что она волшебная, а теперь она действительно казалась мне волшебной. Лола вписалась в нее так органично, что сама стала частичкой этой божественной красоты. Она подбежала ко мне, сунула свой телефон и уселась среди цветов с криком:

— Алиш, пофоткай меня, плииз!

— Ты не поверишь, у меня дрожали руки, когда я наводил на нее камеру, я всеми силами пытался успокоиться и сделал чертову кучу фоток. Я боялся, что сошел с ума. И не подумай, что у меня были какие-то нечистые мысли, нет, там это было невозможно. Просто мне хотелось остаться с Лолой на этой поляне навсегда и испытывать это блаженное чувство восторга и восхищения.

Алишер замолчал и снова задумался, на лице его появилась улыбка.

— Ну, а дальше? — спросил я нетерпеливо.

Он пожал плечами.

— А что дальше? Мы начали встречаться, поженились, у нас сынишка, на подходе второй, и я счастлив. Вот так, брат.

— А как же Мадина? Что с ней?

— Она все-таки уехала в Германию, закончила магистратуру, ей предложили хорошую работу в том же университете. Она тоже счастлива, приезжает в гости. Ну вот и вся моя история про Синегорье. Пошли, обеденный перерыв закончился.

— Алиш, ты иди, я сейчас приду.

Проводив его взглядом, я отправился в бухгалтерию. Подошел к столу, где сидела Нигора, посмотрел в ее красивые глаза и решительно сказал:

— Запишите и меня в Синегорье...

НАДЕЖДА МИЛАШЕВИЧ

ГЛИНЯНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Открытие

– Объявляется посадка на рейс «Самарканд – Ташкент».

По трапу самолёта устало поднимается седой человек с портфелем. Он возвращается домой после насыщенной событиями командировки. Лазарь Израилевич садится в кресло у окна и сразу погружается в дремоту. Через несколько минут гонит сон прочь, достаёт папку и начинает писать отчёт о командировке. Работая в двух местах, он ограничен во времени.

Устав от писанины, Ремпель посмотрел в иллюминатор. В лучах заходящего солнца рельефно освещался курганной комплекс, ядро которого окружено концентрическими рядами малых курганчиков. Доктор искусствоведения и профессор стал протирать глаза и снова вглядываться вдаль. Рядом с курганами он увидел железную дорогу, а дальше извивалась и играла бликами горная речка. Что это?

– Где мы летим? – спросил Ремпель стюардессу.

– Над Джизаком.

Лето 1966 года. Яркое вечернее солнце выявило микрорельеф местности, отбрасывая длинные тени курганчиков...

– Вот это да!!!

Пульс 120...

Вечером Ремпель решил позвонить своему другу Митхату Сагадатдиновичу Булатову, доктору архитектуры:

– Я не смогу заснуть, если не расскажу тебе о том, что я сегодня увидел под крылом самолёта...

Сообщение Ремпеля очень заинтересовало Булатова, и он

вспомнил, что в 1941 году с борта самолёта было сделано открытие на другой стороне земного шара: заведующий кафедрой истории Лонг-Айлендского университета Пол Касок увидел календарно-обрядовый комплекс Пампа-де-Наска.

– Давай поищем на картах и в архивах сведения об этой местности, – предложил Булатов.

– Надо поехать на место и взять с собой молодого археолога Эдика Ртвеладзе, – сказал Ремпель.

Архивные поиски положительных результатов не дали. Известные археологи Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. об этом комплексе информации не имели.

Исследование

И вот трое учёных отправилась сначала в Джизак, где узнали, что курганный комплекс, именуемый в народе «Шахид-тепе», находится на землях колхоза Галля-Арал, у линии железной дороги Самарканд – Ташкент.

Директор колхоза внимательно выслушал и сразу дал согласие на аэрофотосъёмку.

«Нас вместе с дефолиантами погрузили в самолёт-кукурузник (это был сезон обработки полей перед сбором хлопка), и мы поднялись в воздух, – вспоминает Булатов...»

Взору открылись курганчики, ряды которых образуют шесть концентрических кругов, расположенных вокруг огромного кургана. Часть курганчиков была распахана под хлопковые и пшеничные поля, а северная часть оказалась под трассой железной дороги, построенной в 1885–1889 гг.

После аэрофотосъёмки одержимые учёные решили провести некоторые замеры на обследуемом участке. Искусствовед, архитектор и археолог взобрались на центральный курган высотой двенадцать метров. В центре его обнаружился след золы от большого очага. Версии, догадки и гипотезы...

– Было бы хорошо организовать археологическую экспеди-

цию, возможно под курганчиками захоронения воинов? – предположил Эдвард Васильевич Ртвеладзе.

Остатки 120 курганчиков диаметром 12–14 м. и высотой 1 м. в шесть рядов окружали большой курган диаметром основания 84 м., а по верху – 30 м. Диаметр всего комплекса по внешнему абрису составлял 550–600 м.

В какое время построен? Кем? Зачем? Возникали самые разные догадки, но основной версией был календарь.

– «Три чудака в одном тазу поплыли по морю в грозу!» – развеселил всех Булатов, вспомнив Джерома К. Джерома.

Солнце спускалось к горизонту. От реки потянуло свежестью, усилились запахи высохшего шалфея и душицы. Состояние умиротворения в конце дня после насыщенной исследовательской программы усугублял пейзаж с пасущимися конями на берегу Санзара и медленно движущимися по небу золотистыми лёгкими облачками.

В этот же вечер Митхат-ака проявил фотоплёнку. Жена Булатова Вера Андреевна, археолог, с замиранием сердца слушала восторженный рассказ и очень сожалела, что не могла поехать с мужем, так как руководила раскопками в медресе Кукельдаш. Вера Андреевна была хорошим советчиком и помощником во всех начинаниях Булатова.

По возвращении в институте искусствознания, где работали наши исследователи, организовали семинар. Сенсационное сообщение всколыхнуло и подтолкнуло к обсуждению многих преподавателей, учёных из других институтов, что оказалось полезным для дальнейшей работы.

Искусствовед Рафаил Хадиевич Такташ предложил другу Булатову разобраться в топонимике, считая, что она может помочь в определении названия объекта. А Митхату Сагадатдиновичу было сейчас не до топонимики, хотя он так же, как и Такташ, владел многими древними восточными языками. Это был 1966 год, когда все архитекторы были перегружены работой по новой застройке Ташкента после землетрясения, и Булатов,

проработавший 23 года главным архитектором города, был основным консультантом в Главном архитектурно-планировочном управлении при разработке генерального плана города.

Поздно вечером после работы над современной застройкой любознательный архитектор, несмотря на усталость, сел за рабочий стол и нанёс на миллиметровку аэрофотосъёмку исследуемого комплекса. Курганчики, которые уже были утрачены, он изобразил на чертеже в масштабе, равном расстоянию между существующими. Когда он посчитал общее количество, то их оказалось 365, что соответствовало количеству календарных дней в году!!!

Какой это был восторг!

– Вера, ты представляешь?!

Опять новые обсуждения в кругу специалистов...

Исследование продолжается, или «Искатели жемчуга»

И вот в 1969 году археологическая экспедиция в составе Л. И. Ремпеля и Э. В. Ртвеладзе в результате натурных исследований памятника не обнаружила захоронений, предметов быта и искусства, определив по ряду косвенных данных, что календарный комплекс относится к сакскому периоду – I веку до н. э.¹

Настало время, когда Митхат-ака достал с полки словарь древнетюркского языка. Топоним Джизак состоит из двух слогов: «GI» – календарь, «SAQ» – этноним народа саки. Следовательно, решил учёный, «GISAQ» – сакский календарь, то есть слово, от которого и произошёл топоним Джизак. Далее Булатов узнал, что в древнетюркском календаре год состоял из шести сезонов.

– Вот откуда шесть концентрических окружностей! – воскликнул учёный.

¹ Саки – ираноязычные племена Приаралья, низовий Сырдарьи и Амударьи.

И опять в его глазах блеснули звёздочки.

В окно ярко светила полная Луна, затмевая блеск звёзд на бархатном небе.

Наступил новый день.

В вестибюле архитектурного факультета Булатов встретил знакомую – архитектора-проектировщика Умиду. О его исследовании Умида узнала от Такташа, с которым дружила.

– Собирая хлопок в колхозе Галля-Арал, я видела далеко на горизонте холмистую местность Нуратинского нагорья за окаймлявшими поля деревьями тутовника, – вспомнила пологие холмы Умида и сразу задала Булатову вопрос: – Как определить первоначальную высоту курганчиков, за тысячелетия размытых дождями?

– Такого вопроса мне ещё никто не задавал, – ответил исследователь, – приходите с Рафаилем Хадиевичем в гости, я покажу вам фотографии новых объектов и заодно обсудим кое-что.

К Митхату Сагадатдиновичу подошли преподаватели и стали благодарить за недавно изданную книгу «Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX – XV веков», в которой он описал более пятидесяти памятников архитектуры.

– Значит, недаром трудился более 20 лет, – отвечал Булатов.

– Ваша книга стала настольной для многих архитекторов, одним из основных пособий для студентов-архитекторов и вызвала интерес в учёном мире, – поблагодарил Осахан Саттарович Джаббар, бывший ученик Булатова, ставший теперь преподавателем.

– Поэтому у меня появилась задумка написать книгу «Космос и архитектура», – ответил ему Митхат-ака.

Космические тайны курганов

Ещё в школьные годы Умида интересовалась древними цивилизациями и археологией, но пошла учиться на архитектора.

– Зачем Булатову моё мнение? – удивлялась она. – Вокруг и так много опытных специалистов.

В назначенный час Рафаил Хадиевич с Умидой пришли к Булатовым. Вера Андреевна пригласила всех на террасу, где пышно цвела глициния. В сад манила дорожка меж кустов махровой сирени.

– Вот здесь и сядем, – предложил Митхат-ака.

– Друзья, более двадцати архитектурных памятников Центральной Азии, исследуемых мной археоастрономическим методом и анализом соразмерности сооружений, я включил в новую книгу «Тенгри-нома, космос и архитектура Турана (Туркестана)», это связь человека через архитектуру с Небом – Тенгри. На эту тему я готовлю выставку, посвящённую 600-летию Мирзо Улугбека. Выставка состоится в Союзе архитекторов в апреле, и тогда окончательно определится план книги, – сообщил Булатов. – Умида напишет о выставке в «Правде Востока». – Разложив на столе массу фотографий, Булатов продолжил: – У меня возник вопрос: надо ли сравнивать исследуемые памятники с космическими памятниками архитектуры Европы? Ведь о них (западных) очень много и подробно написано в разных изданиях. Не будет ли это повторением известного?

– Если вы сравниваете Сакский календарь со Стоунхенджем, – сказала Умида, – то краткая информация не помешает, так как Курганый комплекс саков своими конструктивными особенностями и материалом исполнения отличается и в 5 раз превышает размеры солнечно-лунной обсерватории Стоунхенджа.

– Тема «Восток – Запад» даёт возможность сравнивать и анализировать развитие космических объектов на протяжении веков, – дополнил Такташ.

– Итак, – продолжил Булатов, – календари древности отражали не только времена года, но и хозяйственные особенности жизни общества и специфику природы страны. Так, у шумеров два сезона – холодный и тёплый. В древнем Египте год был

поделён на три фазы: время разлива Нила, время посева и время сбора урожая. В древней Индии год был поделён на 6 сезонов, связанных с временами года.

По окружности земного шара в очагах древних цивилизаций наблюдается множество астрономических объектов. Собравшиеся долго обсуждали и рассуждали.

– Теперь давайте рассмотрим вопрос: почему сакский календарь овальной формы? – предложил Митхат-ака. – У множества календарей в Причерноморье, выполненных также из лёсса, такая же форма, но в меньшем масштабе, так как в основе было верование древних, что в день весеннего равноденствия Солнце-желток вылупляется из яйца. Яйцо – символ жизни.

– Знаете ли вы, что в некоторых районах Китая сохранилась древняя традиция к празднику весеннего равноденствия разрисовывать яйца, – замечает Умида, – и аналогичные календари были и в Китае, но они утрачены во время строительства Великой китайской стены?

– Возможно, из-за больших размеров – 600 * 550 м. – в сакском календаре форму яйца сохранить было сложно, – отметил Булатов.

– Милые мои, – обратилась к гостям Вера Андреевна, – ваша беседа длится уже шесть часов, Митхату Сагадатдиновичу 86 лет, и ему надо соблюдать режим. Но без ужина я вас не отпущу.

– У-у, а мы ещё не добрались до ацтеков и инков... – сожалел хозяин.

Чтобы обсуждение не продолжалось во время еды, Вера Андреевна включила радио. Диктор торжественно объявил: «В исполнении Нормумина Султанова, солиста ГАБТ имени Алишера Навои, прозвучит ария Надира из оперы Жоржа Бизе „Искатели жемчуга“».

– Это про нас, – пошутил Булатов.

– И для вас, – добавила Вера Андреевна.

– «Неутомимый труд не создаёт жемчужин, Бесплодный разум с жемчугом не дружен», – процитировал наизусть Митхат-

ака из Анбар-Атын и продолжил: – «В веках течёт печально Сыр бескрайный, Лишь избранным свои вверяя тайны».

Такташ вспомнил Насира Хосрова: «Ты можешь сотни лет о жемчуге твердить, Но, если не нырнёшь, – он твой лишь в сновиденье».

– У Низами Ганджеви такие строки, присоединился Булатов: «Постигнет кто наук глубины, Тому все жемчуга, алмазы и рубины».

Коли у нас мушоира, я тоже прочитаю из Алишера Навои, – добавила Вера Андреевна: «Дороже всех богатств тебе дана Бесценная жемчужина одна: И это – разум. Не сравнится с ним Рубинам и алмазам дорогим. В жемчужнице земного бытия Заключена жемчужина твоя. В ней дар познания тайн и высоты – Вот чем при жизни удостоен ты!»

– Умида, а ты? – спросил Булатов.

– Можно тоже Алишера Навои? «Я славлю жемчуг слова! Ведь оно Жемчужницею сердца рождено. Четыре перла мироздания в нём, Всех звёзд семи небес блистанье в нём».

Проводив гостей, неутомимый трудоголик, почерпнувший в общении новые идеи, до ночи работал над новой книгой.

В древнетюркском календаре год был поделён на шесть сезонов по два месяца в каждом. Год начинался с весны, а сезоны назывались «СЕСЕКЛИГ» (буквально – «имеющий цветы»). Весна начиналась 8 марта, за две недели до дня весеннего равноденствия (22 марта). Примечателен тот факт, что у народов Средней Азии начало года отмечалось дважды: ранней весной и в день весеннего равноденствия («Навруз»).

Глиняный «Стоунхендж» раскрывает свои тайны

Каждое утро Булатов садился за рабочий стол. За его режимом следила Вера Андреевна.

Учёный предполагал, что на главном кургане была создана система лунок, расположенных концентрическими кругами, подобно Тагискенским. Лунки, расположенные по внешнему кругу,

были «инструментом» для определения времени наступления солнечных и лунных затмений, аналогично лункам в храмах-обсерваториях Бактры (XVII в. до н. э.), Кутлуг-тепе (V в. до н. э.), Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.).

Луч солнца обозначал тень от шеста, установленного на одном из 365 курганчиков археоастрономической обсерватории. Сотрудник «службы времени» извещал о дне весеннего равноденствия — начале пахоты и сева.

Зёрна знаний, посеянные в I в. до н. э., стали пищей для размышлений и исследований в наши дни.

Во второй половине дня Булатов делится с единомышленниками:

— Сегодня я вам расскажу о проделанной работе...

И собравшиеся высказываются о новых главах космогонической концепции храмов — обсерваторий, таких, как Чилпак (I в. до н. э.), Халчаян (II — III вв. н. э.), Еркурган (IX в. до н. э.), Шаш-тепе (II в. до н. э.), Топрак-кала (III в. н. э.) и других.

Все сведения Митхат-ака анализирует и компактно излагает академическим языком, сопровождая чертежами и фотографиями.

— Рассматриваемый археологический памятник может быть музеефицирован для дальнейшего исследования как объект на Великом шелковом пути, — предлагает учёный.

— Ну что, «Шлиман», спать пора! — прекращает «совещание» вошедшая в кабинет Вера Андреевна.

На следующий день чета Булатовых, как старатели, промывающие золотой песок, тщательно редактирует каждое слово.

Листки отрывного календаря, как осенние листья, уносят дни, недели, месяцы...

Настал день, когда Митхат-ака, знающий наизусть множество стихов, процитировал Саади Ширази: «...Я кончил труд, хоть

у меня была В запасе перлов полная пола. Душа ещё даров своих стыдится, Ведь с перлами и перламутр родится».

Ему было 97 лет, и он мечтал об издании книги, которой отдал всю энергию Добра, Труда и Знания. Он умер, не увидев её. Это был 2004 год.

Издать книгу «Космос и архитектура» Вере Андреевне удалось с помощью отзывчивых учеников и коллег в 2009 году.

Из прошлого в будущее

4 сентября 2014 года в архитектурном институте Ташкентское Общество Рерихов совместно с Институтом Искусствознания проводило научный семинар на тему «История культуры Средней Азии и сопредельных стран».

Вера Андреевна тоже получила приглашение. От столетия ее отделял один месяц...

На эту же конференцию была приглашена и Умида, готовая компактно изложить суть исследований Булатова. Регламент 15 минут. Умида задумалась...

Сакский календарь должен быть музеефицирован

Каково было удивление Умиды, когда, войдя в конференц-зал, она увидела на стене планшет с памятником IV в. до н. э. Кой-Крылган-кала (работа студентов), который исследовал Митхат-ака, сравнивая его с Сакским календарём.

Доклад Умиды сопровождался видео, фотографиями и чертежами Булатова М. С.

В заключение докладчица сделала выводы:

— Для того, чтобы оставить потомкам бесценный дар предков, следует подумать о воссоздании утраченных курганчиков или хотя бы их части, тем более что для этого нужна лишь глина и энтузиазм людей, желающих внести свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Работы должны обязательно проходить под контролем института археологии и института астрономии.

В отличие от множества подобных календарей, утраченных в Европе, восстановленный Сакский календарь может стать жемчужиной истории на Великом Шелковом Пути.

Календарь Саков как объект туризма...

В день весеннего равноденствия здесь можно будет отмечать Навруз, который в годы Независимости стал государственным праздником, возможно проведение уроков астрономии для школьников и студентов, познавательных лекций для любителей музыки Урании.

В перспективе возможны строительство остеклённого лифтового стержня с обзорной площадкой или экскурсия на воздушном шаре.

При невозможности восстановления комплекса Сакского календаря следует рассмотреть возможность создания дубликата или макета на неиспользуемых землях с учетом туристических маршрутов.

Задача каждого нового поколения – сохранить бесценный дар предков.

ЕКАТЕРИНА ПОПОВА

МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

Меня зовут Рустам, мне 23 года, и я работаю в САЮГе (социальное адаптирование юных граждан). Работа не пыльная и местами довольно скучная, так как многие к своему 16-летию уже знают, чего хотят и как этого добиться. Моя же работа заключается в том, чтобы, сопоставив их цели с врождёнными качествами, определить, где и с какими людьми им будет комфортно. Прошли годы, прежде чем мы поняли, что если человеку не помочь с местом в обществе в нужное время, то он будет потерян как личность. Потому и создали САЮГ, место, откуда подростки выходят абсолютно готовыми к взрослой жизни.

Новый Ташкент, 2526 год. Если бы я только мог описать всю красоту города словами, то мне не хватило бы и недели непрерывной работы, — слишком уж он огромен и величественен. Высокие и изящные здания, парковые зоны на крышах, такси-беспилотники, снующие среди домов, и люди, такие чистые и светлые, что могли бы освещать улицы в тёмное время суток.

Сегодня на рабочем месте было скучно, хотя я всем старательно улыбался. Работа! Правда в нашем отделе были случаи, когда к нам поступали люди с «неправильно» настроенным мышлением. (Чего только я тут не слышал!) Говорили о поэзии, искусстве, истории и ещё о многом запрещённом. У нас нет истории! Мы живём только будущим! «Только вперёд» — наш девиз.

С утра поступило всего три заявки, и я (если честно) думал о вечернем матче в кювербок. Надеюсь наши снова выйдут в финал. Но надо приниматься за работу.

Первым был парень по имени Джамі, 16 лет, старательный и вежливый. Мечтает стать инженером. Я провёл рукой над голографической панелью передо мной и добавил данные о Джамі. Система тут же выдала список людей, с которыми необходимо познакомиться парню и предлагаемые вакансии. Взяв список, он направился в следующий кабинет на диагностику здоровья.

Потом были близнецы, решившие стать хирургами. Так... учебные заведения на отлично, общительные, выносливые, все данные соответствуют их стремлениям. Через три минуты они, довольные, покинули кабинет, чтобы, возможно, стать великими врачами.

Следующей по списку была девушка по имени Зулі, но она не входила в кабинет, хотя и была в здании. Выждав десятиминутную паузу, я выглянул за дверь. На мягком белом мини-креслице, пождав под себя ноги, сидела, склонив голову, прекрасная девушка. Длинные волосы цвета вороного крыла были распущены, изящные тонкие руки и... В голове у меня даже стали всплывать стихотворные строчки о женской красоте...

Желая избавиться от наваждения, я тряхнул головой и сел рядом в маленькое креслице.

— Привет! Почему ты не зашла? — спросил я, глядя не на девушку, а на дверь своего кабинета. Помолчав, она прошептала:

— Я боюсь.

— А знаешь, я тоже немного боюсь. То захожу в кабинет, то выхожу, — ляпнул зачем-то я.

— Вы тоже не знаете, чем должны заниматься? — спросила Зули, поднимая голову.

Вот тут я растерялся — что сказать-то? Мне до этого ни разу не задавали таких вопросов. Обычно уже детьми мы к чему-то тянемся и делаем хоть и неосознанный, но выбор. А тут... Получается, что ей до сих пор никто не помог разобраться в себе. Куда смотрели если не учителя, то родители? Я встал.

– Может, спустимся в кафетерий и подумаем, как тебе помочь?

Она посмотрела на меня не то с опаской, не то с интересом, но всё же встала. Мы пешком спустились на два этажа. Зули сама направилась к аварийной лестнице, абсолютно игнорируя лифт. Наверное, наверх она тоже поднималась по лестнице...

Мы сели за столик, нам принесли два стакана с прохладительными напитками ярко-изумрудного цвета. Зули была как натянутая струна, готовая в любой момент лопнуть. Не зная, как разрядить обстановку, я просто улыбался. Похоже, я не справляюсь со своими обязанностями.

– А что, наши предки любили пить при встречах? – заглядывая в стакан спросила она.

Пить? При встречах? О чем это она? Но я уже почему-то доставал из кармана штанов портативный МИУ¹. На дисплее высветилось меню, и я дотронулся пальцем до раздела истории.

– МИУ, что пили наши предки при встречах?

– Древние узбеки, а также другие народности, проживавшие на территории Средней Азии, всем напиткам предпочитали зелёный чай. Чай, тонизирующий, согревающий и насыщенный антиоксидантами напиток из высушенных листьев, пили в любое время, в любой компании и даже в одиночестве.

Выслушав информацию, что нам поведал МИУ приятным женским голосом, мы синхронно заглянули в свои стаканы.

– Вот бы его попробовать... – мечтательно произнесла Зули. И тут я, сам не знаю зачем, вместо того чтобы собрать данные о девушке, задал вопрос МИУ:

– МИУ, а где можно выпить чай?

– В Новом Ташкенте уже не осталось мест, где подавали бы чай. Но в закрытом «Музее древностей» остались экспонаты чаепития, отлично демонстрирующие эту церемонию.

Зули отодвинула свой стакан, так и не притронувшись к нему.

¹ МИУ – малое информативное устройство.

— А где находится этот музей? — заговорщическим шёпотом спросила она. В её глазах появилась искорка, которой я не видел ни у кого из своих знакомых. На щеках заиграл детский румянец. Ох, что со мной происходит? Я должен просто отвести её в кабинет и расставить точки над *i*. Правила работы я знаю, так что же мне делать? Я пристально посмотрел в глаза прекрасной девушке: искорка, бушевавшая там до этого, начала угасать, румянец стал бледнеть. Я встал из-за столика, понимая, что нарушаю правила и подрываю устои идеального общества. Но, если честно, сильнее хотелось увидеть этот странный музей. По-видимому, на лице отразились все обуревавшие меня эмоции, и Зули встала, приготовившись идти, куда бы я ни направился. Мы, стараясь быть незамеченными, вышли из здания САЮГа.

— МИУ, как добраться до Музея древностей?

— Музей древностей располагается в черте Старого Ташкента — в центральной части города в здании бывшего Государственного музея истории Узбекистана.

Несколько минут мы молча ждали такси, а уже сидя в беспилотнике, я спросил девушку:

— Почему ты сама не поинтересовалась чаем через МИУ?

Она пожала плечами и скромно ответила:

— Я не умею

— Как?! — изумился я. — Ведь этому учатся ещё в группах юного формирования!

— Меня воспитывали бабушка с дедушкой. Они считают, что наше общество должно стоять лицом не только к будущему, но и периодически оглядываться на прошлое.

Произнеся это, девушка резко замолчала, поняв, что сказала лишнее.

— Так это твои родители выступали на площади Идей за цветные одежды?

И тут я окончательно понял, что теперь мне точно придётся увольняться! Я так глубоко задумался, что, когда голос из беспилотника сообщил о приближении к месту назначения, мне стало

дурно. Девушка неподвижно, словно кукла сидела и невидящим взглядом смотрела вперёд.

Так, сейчас зададим обратный маршрут, вернёмся в САЮГ, и я сдам эту девушку местным властям. И тут я увидел Старый Ташкент.

Ни разу в жизни не видел Старого Ташкента! Он находился вдали от Нового, но нам просто незачем было туда ездить, хотя вход в Старый Ташкент не запрещен. Вместо огромных белых небоскрёбов нашим взорам открылись невысокие, разнообразные по стилю здания. И, хоть дома не были одинаковыми, во всех проскальзывал какой-то определённый архитектурный стиль. И стены!!! На них были мозаичные картины огромных размеров, изображающие парней и девушек в цветных одеждах и с непонятными инструментами в руках. Город был заброшен, многие сооружения просто обвалились, но открывшаяся картина была ошеломляющей. Я вышел из такси, совершенно забыв, что 3 минуты назад хотел вернуться в САЮГ. Деревья росли вдоль дорог, и, скорее всего, так и было задумано. Мы с Зули, не сговариваясь, вместе пошли по дороге, не в силах скрыть изумление. Очень заинтересовал наземный транспорт, попадавшийся на глаза то и дело. Как он передвигался? И на чём? В груди возникло странное чувство: вроде всё очень интересно, но в тоже время осознаешь, что так не положено. Плохо!

Зули, дёрнув меня за рукав перед странным квадратным зданием, стены и окна которого украшали узоры, а ко входу вели каменная лестница с широкими ступенями. Зули почему-то решила, что нам сюда. Перед нами были три деревянные двери, время и стихии не смогли полностью уничтожить рисунок, который был вырезан прямо на цельном куске дерева. Работа поражала.

— Слышала, что раньше мастера делали это вручную, — с восхищением, произнесла Зули и, потянув одну из дверей, скрылась в полумраке.

— Ах ты ж! Куда ты? — крикнул я уже в пустой дверной проём и побежал за ней, спотыкаясь о гнившие доски и мусор под

ногами. Внутри было сыро, темно и пахло чем-то старым и ветхим. Верхний этаж огромного холла весь обвалился, открыв дорогу свету, который проник сквозь останки крыши, заполнив помещение мягким светом. Перед нами вновь появились ступени, на этот раз из мрамора. По бокам с двух сторон я заметил 4 чёрные колонны, тоже покрытые мелкими узорами. Из-за большого количества пыли было тяжело дышать. Снова возникло желание вернуться домой, снова стать правильным гражданином. Зули же ловко скакала среди обломков, казалось, нет предела её счастью. Вдруг, резко остановившись, она тихо спросила:

– А как тебя зовут?

Ну надо же, я даже не представился?!

– Рустам.

– Рустам, я нашла один незаваленный зал, пойдём посмотрим?

– Ты неправильная! Что ты хочешь здесь найти? То, что ушло, уже невозвратно, от прошлого никакого проку! Давай вернемся к беспилотнику!

– Нет! Я лучше тут останусь, чем вернусь в вашу «правильную» жизнь!

Выйдя из музея, я направился к такси, но в крайнем раздражении пошёл не в ту сторону. Я злился, хотел оставить девушку в Старом Ташкенте и не мог. С другой стороны, если привезти Зули обратно, ее не минует наказание. Как всё сложно!

Остановившись у двора дома, я увидел детскую площадку прямо на улице. Неужели люди прошлого позволяли детям гулять самостоятельно, а не отдавали их в группы юного формирования?.. Да, жизнь здесь протекала по совсем другим правилам... Какой же была эта жизнь? Свободной, непредсказуемой, полной спонтанных решений?

Я вернулся к музею. На ступенях стояла Зули в чем-то вроде халата, выцветшие радужные цвета которого плавно переходили один в другой, в шапочке на голове, тоже некогда цветной. Как же красива была она в этом наряде!

— Они были в герметичном стеклянном шкафу. И время их не тронуло, — пояснила девушка, поняв мой восхищенный взгляд как немой вопрос об одежде.

— А как ты достала?

— Разбила... — виновато уткнувшись взглядом в мраморную плитку, произнесла Зули. И тут же встрепенулась: — Там такое! Тебе надо увидеть, а то не поверишь!

И я снова поплёлся в музей, спотыкаясь, кашляя от пыли и стараясь не упустить из виду свою спутницу. Мы пролезли под стеной, облокотившейся на свою соседку под углом в 45 градусов, и в лучах заходящего солнца открылась глазам картина — да нет — целая стена, расписанная от пола до потолка!

— Видишь, какой статный и красивый. — показала Зули на всадника в самой середине панно. — Слева, наверное, послы других земель, а справа — ученые. Видишь, какие у них умные лица! И знаешь, не всегда определялось с рождения, кем будет человек, иногда приходилось менять весь уклад жизни, подстраиваясь под обстоятельства, и в этом не было ничего плохого.

Я не мог оторвать взгляда от поеденной временем, дождями и ветрами стены: рисунок в натуральную величину, сладостно волнуя, проникал в самую глубину души.

— А вот ещё! — Зули несла мне длинную железную палку. — Это меч!

— Откуда ты знаешь, как это называется? — недоверчиво спросил я.

— Мама с папой немного обучили меня древнему языку, что-бы я могла читать старые книги.

— Но зачем читать книги, когда есть МИУ?

— С книгами всё намного интереснее.

Вот уж, действительно, неправильная девушка! Но какая красивая в этой шапочке... Я разглядывал меч: для оружия, пожалуй, тяжеловат, да и инкрустации драгоценными камнями в рукояти показались мне излишними. Впрочем, что мы знаем о боях в прошлом?

– А вот ещё! – Зули подвела меня к стеклянному коробу, в котором, как я понял, была большая книга. – Это Коран! Ну да, Коран!

Я молча хлопаю глазами – подумаешь, книга с закорючками... Зули, сверкнув на меня глазами, продолжает:

– Раньше эта книга считалась самой священной, её и читать-то могли не все.

Отойдя от панно, я чуть не врезался в стол с макетами смешных и странных домиков, каждый был огорожен садиком с деревцами. Значит, у каждого жителя были свои деревья, да ещё и животные? Дико, конечно, но в то же время от этого веяло теплом и заботой. Луч солнца переместился, осветив угол, и мы с Зули потеряли дар речи.

– Это и есть чай? – спросил я, подойдя ближе. Девушка кивнула и приблизилась к муляжам людей. Несколько «человек» сидело на столе с короткими ножками, а в середине был ещё один такой же столик. Мужчины были в плотных халатах, а девушки – в платьях, широких «брючках» и в расшитых шапочках. В руках все держали маленькие чаши, на столике поменьше лежало что-то круглое непонятного цвета.

– Зули, что это круглое у них?

– Что-то вроде хлеба, по-моему.

– О-о-о... – удивился я.

У сидящих было довольные и счастливые выражения лиц.

Садилось солнце, и в музее становилось сумрачно и неудобно.

– Пора возвращаться, – сказал я.

– А как всё это?.. – голосом обиженного ребёнка спросила Зули, показывая на свой экзотический наряд.

– Сними и оставь. – Я видел в её глазах слёзы, когда она снимала халатик и шапочку и аккуратно складывала на какую-то полочку. Когда мы садились в беспилотник, уже совсем стемнело, и Старый Ташкент погрузился во мрак.

– Знаешь, мне кажется, люди, которые тут жили, были счастливы, – задумчиво предположил я.

— Ты тоже понял это! Мои бабушка и дедушка рассказывают удивительные истории из прошлого...

— Я бы хотел с ними познакомиться, можно?

Я понял, что жизнь моя уже никогда не станет прежней. Да мне и не хотелось. Я думал о Зули и о том, как поведать другим о прекрасном мире прошлого, в котором мы побывали.

УМИДА КАРИМОВА

ЧИМБАЙЛИК

Вы слышали о Чимбайлике?

Нет?! Ну конечно... Откуда вы можете знать об одном из многочисленных живописных кишлаков в предгорьях Чимгана?

Не спешите недоумевающе пожимать плечами. Я вам расскажу об этом достопримечательном месте и его весьма достойных жителях.

По жизненным обстоятельствам я застряла в этом небольшом селении, которое расположилось на склоне Каранкульских гор, окруженное с одной стороны плотиной водохранилища, с другой – Газалкентом.

Это место – настоящая природная аэродинамическая труба. Здесь постоянно дуют ветры, летом освежающие, а зимой пронизывающие, чуть ли не штормовой силы... воющие, как шакалы, которых здесь водится неисчислимое множество.

Такое ощущение, что вся погода, вернее, непогода в Ташкенте зарождается именно здесь. Шквалистый ветер воет так, что от этого звука сносит голову, и, сидя в крепком уютном доме, начинаешь вздрагивать от ударов оторвавшихся оцинкованных листов на крыше.

Итак, я застряла в кишлаке Чимбайлик, терпеливо ожидая опаздывающего водителя. Я не удивлялась, что его нет, ведь в Чимбайлике всё по-другому. С некоторых пор кишлак стал местом курортным и, следовательно, праздным, и этот факт наложил свой отпечаток на жизнь местных жителей.

Мужчины здесь вальяжны, неторопливы и все поголовно занимаются извозом. Любимая трасса – от Чимбайлика до Газалкента – всего-то километров пять. В центре кишлака

на так называемом пяточке собирается разношерстная кавалькада автомобилей полувековой изношенности... в основном это Жигули... битые-перебитые, выкрашенные во все цвета радуги. Они набирают по четыре пассажира и отвозят в Газалкент и обратно.

Ожидание следующего рейса может длиться часами, но никто из водителей не суетится, не торопится... они лениво переговариваются... курят, спорят о футболе, ремонте машин, обсуждают цены на базаре в столице. Многие уходят отдыхать домой... этакая сиеста. Ну чем не Испания!..

Автомобили – это вообще отдельная тема! Как-то приехал по вызову молоденький старательный водила... мальчишка совсем. Услышала машину ещё раньше, чем она подъехала к мне: лязг, звон, треск, свист, скрежет – казалось, она вот-вот распадётся... во всяком случае, разнообразные звуки она издавала, в основном трагические, как при последнем издыхании. Подъехав, паренёк с предупредительной поспешностью выбежал из автомобиля и распахнул передо мной дверь. «Надо же, какой галантный», – подумала я. Когда доехали до базарчика, хотела выйти, но паренёк остановил меня: «Опа, посидите, я сам открою!»

«Какое прекрасное воспитание!» – едва успела подумать я, как от рывка дверца автомобиля каким-то образом оказалась в руках «воспитанного мальчика». Так вот в чём причина его джентельменской предупредительности!

Кишлак, как уже было сказано, расположен в предгорье Чимгана. Здесь живут люди разных национальностей и вероисповеданий. Этаким маленький Вавилон, расположившийся на Великом шёлковом пути.

Особо хочу отметить красоту женщин-таджичек. Жгучие брюнетки, белолицы, статные, независимо от возраста. Так и хочется вспомнить наследие греков... наверняка войско Александра Македонского в своё время прошло по обширной территории, часть которой ныне занимает Узбекистан.

Кроме таджиков и узбеков, много уйгуров, казахов, киргизов, русских, татар. Татары вообще самый фантастический на-

род: их выживаемость и приспособляемость к любым условиям жизни удивительна. Известная поговорка «поскреби русского – найдёшь татарина», приписываемая и Пушкину, и Карамзину, и Тургеневу, и даже французам, верна однозначно. А русских в Чимбайлике немало. Впрочем, узбеков больше. Интересно обещение этих людей: они свободно переходят с одного языка на другой, смешивая их даже в рамках одного предложения.

Я попала в Чимбайлик именно в послеобеденный перерыв. Чтобы скоротать время, прошла к маленькому мавзолею. Одни называют его Икром-ата, другие – Усмон-ота. Хранителем этого мавзолея ныне является Усмонали-ака, называющий себя предком святого, который захоронен здесь. Это он извлёк из небытия древнюю легенду о святом, а ведь все легенды зачастую граничат с жизненной реальностью. Надо только верить. Ведь в своё время именно так Генрих Шлиман открыл клад царя Приама при раскопках Трои.

Смотритель и внешне отличался от жителей Чимбайлика. Худощавый, голубоглазый, с прекрасным чувством юмора и, конечно, великолепный рассказчик. Правда, росточком не дотянул до своего предка: все святые, по поверьям, дошедшим до нас, были под три метра.

Когда-то в юности Усмон-ака оказался в больнице. Находясь в состоянии между жизнью и смертью, он увидел, как к нему сошёл дух святого и призвал восстановить мечеть. «Почему я? – удивился будущий смотритель. – Ведь есть родственники более достойные!» Но пока он не пришёл к этому святому месту, не было ему покоя. И вот уже десятилетия у старой грунтовой дороги среди холмов он верно служит памяти своего предка. Его семья переехала сюда же... среди деревьев и цветов бегают его внуки – рыжие и русые с голубыми глазами. Там, где сейчас находится усыпальница с надгробием святого, ныне стоит мечеть, построенная им самим, а напротив – маленький каравансарай, дабы было где отдохнуть случайному путнику.

А легенда гласит, опять же со слов Усмона-аки, что в давние-давние времена по еле заметной тропе вдоль холмов с неболь-

шим караваном шёл путник из далёкой Аравии. Сначала добирался по морю на груженном товарами корабле и чуть было не погиб, но во время шторма уверовал в Аллаха единого и милосердного... Затем принял ислам.

На этом пути он потерял родственника, друга и сподвижника. Похоронил его на высоком холме среди одиноких могил, воткнув в мягкую землю свой посох с клочком материи на конце, дабы могила не затерялась. Слез не было, была только щемящая боль одиночества и неумное желание идти и идти по бесконечной дороге жизни...

Вскоре караван вступил в долину, свежий ветер донёс запах пахучих трав и дым костра... рядом шумела стремительная река. Показался караван-сарай со скопищем верблюдов... слышны были понукающие крики, визг и смех.

«Благословенные места!» — подумал араб. У него было ощущение, что он нашёл своё, родное, что пришёл именно туда, куда ему и было предназначено. И он остался здесь. Здесь закончилась его дорога и началась новая жизнь.

С помощью своих единомышленников Икрим, а именно так звали аравийца, построил мечеть, разбил сад и нёс слово истины, а ведь истина превыше нас самих... Своим примером он множил ряды верующих. Но были у него и враги — идолопоклонники, которые пытались его убить. Икрим встречал их с улыбкой на лице и с поднятой вверх рукой с открытой ладонью, обезоруживая своей добротой.

Однако подлость и предательство многолики в своём проявлении. Однажды, лъстиво улыбаясь, под масками друзей враги вывели у святого, как можно его убить, ведь он такой сильный. Икрим никогда не обманывал и, как всегда, сказал правду, что убить его можно во время молитвы, когда он совершает поклоны Аллаху.

Враги пришли в мечеть во время его молитвы и отрубили аравийцу голову мечом. Но случилось чудо! Святой взял голову в руки и пошёл в гору. За ним пошли все верующие... следом побежали враги. На самой вершине была площадка, откуда непре-

рывным потоком вода срывалась вниз. Вот там-то и произошло сражение, в котором были повержены все идолопоклонники.

До сих пор сохранились могильные холмики... к ним протоптаны тропинки... любопытствующие приходят к водопаду... но подъём очень опасен.

Тело святого принесли в мечеть, но голову его так и не нашли.

Прошло много веков... В годы, когда разрушали мечети и церкви, мечеть в Чимбайлике тоже не миновала печальная участь.

Новая власть приказала разрушить мечеть, но могилу тронуть побоялись. Горе и болезни пришли в семьи к тем, кто разрушил мечеть. Один утонул на мелководье, запутавшись в стременах, у другого рождались дети-уроды, третий ослеп, да как-то страшно: вместо глаз у него были гнойные раны. В кишлаке говорили о каре небесной, настигшей осквернителей святого места.

Прошли годы. Постепенно люди восстановили макбара (место захоронения), зашумели карагачи вдоль дороги, а власть предрержащие старались не вмешиваться... ещё свежа была память о случившемся.

Но его уже не было... Он ушёл. Это чувствовалось по потемневшему небу, притихшему ветру, исчезнувшему роднику. Ещё год назад Он был здесь, в развевающейся белой одежде, излучающий доброту. С мягкой улыбкой Он смотрел на людей, которые пришли к его гробнице и просили о помощи... читали молитвы или просто сидели на глиняной супе под кроной раскинувшейся над их головами урючины и думали о чём-то своём. Он ходил среди них, гладил по голове и плечам, и люди чувствовали тепло и успокоение. Солнце светило сквозь кроны деревьев, журчал и вздыхал арык с чистой водой, благоухали

розы, летали разноцветные бабочки, и ветерок овеивал лица людей, как будто сам святой, дотрагиваясь до них, шептал: «Успокойтесь! Всё будет в этом мире: и любовь, и мир, и здоровье, и дети, и нежность».

Но вновь пришли люди со стороны и сказали, что за посещение мечети надо платить налог... закатали в бетон заросшую травой тропу, по которой так мягко было идти босыми ногами... поставили забор из шлакоблоков, который закрыл горизонт... притих родник... куда-то девались птицы, которые порхали и пели на солнышке... и всё вокруг стало серым.

Я закрываю глаза... за мной молчание, пустота. В гробнице лежит прах, но дух святого покинул её. Равнодушие людей уничтожило святость места... горсть глины осталась от супы, над которой шептались деревья... высох арык, воду которого пили в летний зной и люди, и птицы.

В ослепительном потоке знойного марева уходит вдаль размашистым лёгким шагом высокая фигура в белой развевающейся одежде. Время от времени она оборачивается, прикладывая руку козырьком к прищуренным глазам, будто стараясь лучше видеть.

«Люди! Может, вы одумаетесь! Не сейте зло, не разжигайте вражды, избегайте несправедливости!» А в ответ лишь молчание. И только иногда в надежде на исцеление возносится молитва одинокого путника во славу Аллаха...

МИХАИЛ ГАР

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ МАХАЛЛИ

Ташкент, Ташкент...

Здравствуй, старина. Семнадцать лет не виделись. Спасибо, что узнал меня.

Много историй могу вспомнить. Память вообще — это и лучшее, и худшее, что дано человеку. Потому что память — это наша совесть. Можно, родной, я вспомню только безгрешное?

Я родился в махалле, на Шейхантахуре, в ста шагах от мавзолея святого, в чью честь названа махалля. Голопузые, в чёрных семейных трусах, остриженные наголо, коричневые от загара, одинаковые, будто обожжённые одним гончаром, мы носились по кривым переулкам — и золотая пыль обжигала наши ступни.

Любимой игрой маленьких была лянга — круглый кусочек бараньего руна, ровно подстриженный или с длинным ворсом, кому как нравилось. К внутренней стороне проволокой прикреплялась свинцовая бляшка, чтобы лянга была тяжелее, но не настолько, чтобы не могла подлетать, отправляемая ногой вверх. Казачки, джанзы, люры, виси... это приёмы лянги, которые следовало выполнять в определённом порядке и, желательно, мастерски — если не хотел потом, проиграв, «маяться». Махалля учила нас, босоногих, стремиться к победе.

Наигравшись, мы отправлялись обедать. Пища была бесхитростной: под кривоносым водопроводом с ручной накачкой мы мочили куски подсохших лепёшек и уплетали их с неопишным удовольствием. Лепёшки пекла в тандыре мама моего махаллинского друга Хамида — одного из одиннадцати детей в их се-

мье. Жили они скромно, но никто — ни ребёнок, ни взрослый, зашедший в их двор, не уходил, не выпив пиалу чая с горячей лепёшкой.

На главной улице имени Горького, которая уводила вглубь махалли, на одинаковом расстоянии друг от друга стояли деревянные столбы с железными колпаками, прикрывавшими тусклые лампочки. На провисших проводах висели обрывки бумажных змеев: одни упали сюда недавно, другие — ещё до войны. И каждый день в небо взмывали новые птицы, сотворённые из кальки, камыша и клейстера, и, держа в руках упругую, суровую нить, мы управляли ими, задрыв головы, и отпускали их всё выше и выше. Махалля учила нас летать. Мы стояли по щиколотку в золотой пыли, и наши сердца переполнялись радостью оттого, что у нас вырастали свои бумажные крылья.

...О махалле я мог бы долго петь под звуки бубна и ная. Но песня оборвалась в 1966-м. Землетрясение порушило всё. Дом, казавшийся крепостью, в несколько минут стал калекой. Нанесённые ему раны были неизлечимы. Два месяца всей семьей мы жили в военной палатке во дворе. В дом заходить опасались, потому что подземные толчки следовали один за другим и неумолимо добивали жилище. Дом стоял в трёх шагах, но был уже необитаем. Мы ютились в тесной, душной, брезентовой палатке, поставленной под тем виноградником, где так часто собиралась наша большая родня; где почти все махаллинские соседи праздновали великое событие — мне делали обрезание. И горели лампы в тысячу свечей, и мотыльки, презрев неизбежное, плясали перед ними, как одержимые. Было, было... И кончился праздник. Прощай, дом. Прощай огромный двор с цветущими розами и фруктовыми деревьями; двор, изрытый мной вдоль и поперёк в поисках мифического клада. Прощайте, друзья, разъехавшиеся неизвестно куда.

Махаллю снесли. Мы переехали в какой-то безликий квартал, в узкую «хрущобу» с двумя смежными комнатами под низ-

кими потолками. Теснота душила. Однообразная архитектура загоняла в тоску. Переулок с золотой пылью сменила улица с серым асфальтом. И на этой улице жили совсем по другим правилам. Я пошёл в новую школу, и не увидел ни одного знакомого лица. В классе не было дружбы. Прозвище «чужак» прилепилось ко мне с первого же дня. (Тогда я еще не знал, что это прозвище будет следовать за мной долгих семнадцать лет). Каждый день приходилось отстаивать свое право на *существование*. Мы никогда не дрались в махалле; спорили, ссорились, но не дрались. А здесь, в новой, дикой для меня среде, кулачное «общение» было нормой. Я много раз был битым — пока не научился крепко сжимать кулаки и попадать ими в цель.

Через два года мы покинули ненавистную «хрущобу» и вернулись в родные пенаты. На щедрой земле нашей махалли вырос огромный жилой массив, построенный ленинградцами. От нового дома, где мы поселились, до старого, на месте которого поднялась четырёхэтажка, было ровно сто шагов.

...Семнадцать лет мы не виделись с тобой, Ташкент. Ты заметно похорошел за эти годы, чего не скажу о себе: седины прибавилось, сердце пошаливает... — чувствую себя чуть ли не ровесником тебе.

Подъезжая к дому, первое, что увидел, была яркая вывеска — «Махалля Шейхантахур». Эти два слова — больше, чем ковровая дорожка от трапа, оркестр и букеты цветов! Конечно, не было ни дорожки, ни оркестра. А были просто эти два слова — «Махалля Шейхантахур». И означали они радостное: я — дома. А на следующий день соседи принесли плов, сладости, горячие лепёшки... Салам аллеюкум!

Два дня мы с сестрой посещали кладбища: тридцать семь могил, вся наша некогда большая семья. Разве можно их оставить, забыть?

Мой сын, твой внук, Ташкент, служит сейчас в российской армии. Через несколько месяцев он демобилизуется. В своём письме он пишет: «После армии мне положен один бесплатный проезд по „железке“. Угадай, отец, куда я поеду? Угадал: в Ташкент».

Я вернулся, чтобы дописать свой роман. Угадай, Ташкент, о чём он? Угадал: о твоей махалле.

На днях соседская девочка, шестилетняя черноглазая красавица Жасмина, очень серьёзно предупредила меня:

– Знаете что, вы не ходите через футбольное поле около школы.

– Почему?

А там столько пыли!

Милая Жасмина, я не послушал тебя и пошёл на это самое футбольное поле, снял башмаки и отправился напрямик – от одних ворот до других. И золотая пыль махалли обжигала мои ступни. А высоко в небе парил бумажный змей. Значит, снова у кого-то из маленьких выросли крылья.

СТИХОТВОРЕНИЯ КОНКУРСАНТОВ

СВЕТЛАНА ЯРЦЕВА

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Я грезила тенью твоих лазуритовых улиц,
Насыщенной летнего неба жгла синь куполов.
Мы будто на долю мгновения в сказку вернулись,
Где джинн создал принцев из юношей с взором богов.

Свирепые львы, скаля зубы с фасада мадрасы,
Грозили бродящим глазеющим толпам людей.
Твой дух утомлён и могуч, твои лики прекрасны,
Ты помнишь и кровь, и улыбки в веков череде.

Хранит сто желаний мечеть в честь прекрасной принцессы,
Склоняются головы в память и в вере в рассвет.
Блеснут бирюзой яркой арки, укроют навесы —
И будто бы нет всех последних стремительных лет.

И будто бы плитка бульваров не стёрта ногами,
И в синем дворце восседает вновь грозный эмир,
Ведут к небесам усыпальницы шахов, как ране,
Молитвы и взгляд и древний сверкающий мир.

Я грезила ветром на пыльной горячей дороге,
Нам солнце жгло плечи, не веря в восточную ночь.
Но выше тянулись, отринув земные тревоги,
Твои минареты, что время смогли превозмочь.

Мы встретимся снова, ведь путь безрассудно недалог.
Тут громче кричит наше время, жизнь хлещет ключом.

Но где-то внутри будет биться и цветом, и словом
Такой Самарканд, что предстал взору тем летним днём.

РАИСА КРАПАНЕЙ

ЗДЕСЬ ВАСЯ БЫЛ!

Лазоревый покой – обманчивый Восток...
В прорезь веков таращатся тираны.
И ветер рвёт суглиновый платок,
Безвременья зализывая раны.
Под дремлющим курганом, где Сиаб
Вбирает тайну родниковой силы,
Чьи письма невятные таят
Ослепшие, оглохшие могилы?
Кем велено во все столетья чтить
Бессмертье мысли... божью кару... силу?
Восьмнадцатиметровую хранить
Святую длань Пророка Даниила¹?
«Здесь Вася был!» Чудак и баламут,
Шагающий по глиняным обломкам.
Его ли современники поймут
Клокочуще-торжественное «welcome!»?
Лазоревый покой – обманчивый Восток...
Лишь ветер рвёт суглиновый платок.

¹ Хаджи Данияр (святой Даниил). Его мазар (могила) находится у городища Афросиаб на берегу реки Сиаб. По преданию, воды источника, который забил у могилы святого, обладают целительной силой.

ГУЛИКО

ОБИТЕЛЬ ЖИВОГО ДУХА

Караваны истории бросают здесь тень,
Играет память с ними в догонялки,
А я спешу на свидание в сень
Былых событий, легенд и тайны.
Пыль ковыльная в мир особый манит,
Остановились там времени стрелки.
Эпох ушедших тихий голос звучит,
Незыблема истины суть – всё бrenно.
На холме открывается божественный вид –
Величавый, словно Ангел-хранитель.
Многих судеб он загадки таит –
Шахи-Зинда – «царя живого» обитель.
Лестница в сорок ступеней священна –
Путь покаянья, прощенья, молитвы,
К мавзолеям ведёт и мечетям,
Где, очищаясь, светлеют и мысли.
Гробница Куссамы ибн Аббаса –
Надпись на камне, резная решётка,
Глазурь мозаики – услада для глаза,
Расписная майолика и терракота.
Не один мавзолей – целый город могил,
Вечный символ трансформации духа,
Летают голуби, гнёзда здесь свив,
Суры Корана, всепрощенье Аллаха...

НИКОЛАЙ ИЛЬИН

АНХОР

Среди дворцов в осенней дреме
Известных улиц, площадей
Река в полуденной истоме
С улыбкой льнет к жилью людей.

Без волн и гордого величья
Под светлой неба высотой
Плывет в оседлости столичной
С ее домашней простотой,
Богатством крон, аллея соседством,
Пологим спуском берегов,
С причастностью к движениям сердца,
С воспоминаниями детства
И пеньем непонятных слов.

Круговорот воды в природе,
Круговорот эпох и лет! —
Река свои уносит воды,
Где сон и явь теряют след.

Она хранит изгибы улиц,
Мостов пролеты над собой,
Стволов застывших караулы
На страже осени самой.

И здесь, с листвы озябшим хором,
Я в силах время двинуть вспять,

Чтоб с желтолиственным Анхором
О жарком лете вспоминать.

ЕВГЕНИЯ КАЗАНДЖИДУ

БУХАРЦУ

Сияет светом небосвод.
Пред взором в мареве встаёт
священный город Бухара.
Входящий в город караван,
прибывший из далёких стран,
встречает криком детвора...

Пока звучит в нём детский смех,
он жив, мой город, в смене вех.
Великий город Бухара!
Чор-Бакр, Арк, Пои Калян
увидят гости разных стран.
Но о другом сказать пора.

Пусть глина — прах, но дух — гранит.
Он душу города хранит.
И нескончаем его век.
Пока живёт в нём и творит
и о прекрасном говорит
влюблённый в город человек.

Он красоты его исток
и вечности живой поток
от кишлака и до Двора.
Он древних тайн живой устой.
Зовёт народ его — Усто.
Да славится с ним Бухара!

НАДЕЖДА МИЛАШЕВИЧ

У МАВЗОЛЕЯ АБУ БАКРА МУХАММАДА КАФФАЛЬ ШАШИ¹

Орнаментов святая вязь
По стенам вьётся беспредельно,
Народов древних с нами связь
Идёт как будто параллельно.

Смотрю и вижу сквозь узор
Я мастеров уставших лица.
Такой изысканный декор —
Нарядна древняя столица.

И не забыты имена,
Написанные на портале²,
Но поржавели стремяна,
Пока века сюда скакали.

¹ Покровитель города Ташкента.

² На портале в майоликовом панно куфической вязью написаны стихи, содержащие имя архитектора — Гафура Хусейна, имя каллиграфа — Катыба Кудрата и дата постройки — 1541/42 гг.

НАТАЛЬЯ БЕЛОЕДОВА

ТАШКЕНТ – ДЖИЗАК

Собрались на вокзале – живые шумные, распахнутые.
не для всех уютные, единицам понятные. Как нас много! Нас
для себя много!

Расселись по местам, началась дорога.

Говорили о жизни, искусстве, шахматах. Ставили шах – ох!
ох! Ставили мат – ох! ах!

А вдоль полосы железной неслись километры соли.

Словно кто-то взял и перевернул море, или выпил море,
или перелил куда-то море. Главное – не оставил ни капли.

А на обратном пути картина меняется. Ты смотришь с другой
стороны бинокля.

В автомобиле водитель врубает музыку. Не оглохнуть бы!

Стараешься сосредоточиться на пейзажах. Колючек уже
не видно, зато видны аисты.

Они вьют гнезда на столбах электропередач.

Каждый столб – это карагач, что держит метровые гнезда.

Птицы покачиваются на одной ноге, засыпают на одной ноге.

Где они? Нет их нигде! Только по дороге Джизак – Ташкент.
Пока не сойдут на нет.

Вместо соли вдоль дороги гранаты – жёлтые, бардовые,
алые.

Катятся, под колёса бросаются, и брызжет их свежая кровь.
Омывает колёса, попадает в глаза. Останавливаешься, поднимаешь пару.

— Куда же вы катитесь? Куда же вы?

Держишь в руках по гранату. Держишь сердце под кожей.
Говоришь привет саксаулу. Говоришь привет метафизическим карагачам.

Говоришь привет степи. Говоришь себе сам:

— Джизак — Ташкент. Ташкент — Джизак. Ты как? Гораздо лучше!

РАБОТЫ ЧЛЕНОВ СУДЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ

ДЖАСУР ИСХАКОВ

«ДЕСПОТ ТЫ МОЙ ВОСТОЧНЫЙ!..»

Восторженно-сладкая и политически выдержанная сентенция «Счастье – это когда утром хочется бежать на работу, а вечером – возвращаться домой!» для Маруфа Умаровича Санатова звучала неубедительно по той причине, что на работу он шел к семи или даже к восьми часам вечера, а возвращался домой далеко за полночь. Он был певцом в ресторане при гостинице «Шарк», которую старожилы называли «Националь». Двухэтажная солидная гостиница с парадным подъездом по углу, с куполом и слуховыми окнами. Она стояла на пересечении улиц Ирджарской и «Правды Востока».

...Певцом Маруф стал почти случайно. Он служил в роте связи Южной группы войск в Венгрии недалеко от озера Балатон. Благодаря отличному слуху и врожденному чувству ритма, Маруф быстрее всех в роте освоил азбуку Морзе, мог установить радиостанцию или телефонную связь за нормативный срок на «отлично», размотать сто метров провода со стальной струной за рекордные тридцать секунд. За это он уже через семь месяцев службы получил желтую лычку ефрейтора. Кроме того, Маруф был запевалой. К смотру строевой песни рота готовилась добрых полтора месяца, отрабатывая чеканный шаг на плацу. От усердия отлетали каблучки кирзачей, а салаги падали в обморок.

Звучал хриплый голос бати:

– Взвод, слушай мою команду! С песней строевым! Ша-агом марш!

И сотня ног начинала синхронное движение, а ефрейтор Санатов запевал сильным и звонким голосом:

*Там, где пехота не пройдёт
И бронепоезд не промчится,*

И каре связистов дружно подхватывало:

*Тяжёлый танк не проползёт,
Лежит Советская граница!*

— Ну-ка, пригласите ко мне этого чернявенького... — задумчиво произнес незнакомый капитан, стоя на трибуне рядом с командиром полка.

Так ефрейтор Санатов весеннего призыва пятьдесят пятого года стал участником хора, а затем и солистом ансамбля песни и пляски ЮГВ. От природы он обладал хорошим тенором, а в ансамбле с ним занимался и ставил голос сам майор Соллогуб, профессиональный певец, руководитель коллектива. Одинаково хорошо Марику, как называли его сослуживцы, удавались песни военных лет — «Землянка», «Эх, дороги», «Темная ночь», итальянские — «Санта Лючия», «Вернись в Сорренто», русские романсы — «Я встретил вас...» и, конечно, озорные «Наманганские яблочки». В 1956 году на смотре армейских коллективов художественной самодеятельности стран Варшавского договора в Софии за танцевально-вокальную сюиту «Катюша» Маруфу Санатову в числе других присудили почетное второе место. А роль «Катюши» исполняла молодая танцовщица вольнонаёмная Оксана Лопатко. Ещё на репетициях в армейском клубе Маруф влюбился в голубоглазую девушку. Как позже выяснилось, и она давно заприметила голосистого солиста, по-восточному красивого «парубка» с большими выразительными глазами. Многие тогда спорили, на кого больше похож паренек из Ташкента, — на Раджа из фильма «Бродяга» или на Рашида Бейбутова, особенно, когда тот исполнял песню «Севгилим», подражая сладким интонациям азербайджанского «соловья». За два месяца до дембеля Оксана и Маруф расписались, и девушка, не раздумывая, взяла фамилию Маруфа, стала Санатовой, сменив свою, не очень благозвучную. Они сыграли скромную свадьбу в офи-

церской столовой воинской части, где локализовался ансамбль. Начальство уговаривало молодоженов остаться. Но Маруф мягко отклонил предложение: «Мама одна. Какой я сын, если брошу её?»

Когда они уезжали из части, их провожал весь ансамбль. Оркестр у ворот сыграл «Кукарачу», а потом «Прощание славянки».

Маруф не сообщил матери о возвращении: хотел сделать сюрприз. В Будапеште, в привокзальном универмаге, по настоянию Оксаны купили для неё подарки: драповое пальто «реглан» светло-коричневого цвета, фетровую шляпу и полусапожки чешской фабрики «ЦЕБО» под цвет пальто.

Они добирались поездом через Москву шесть суток. Майский Ташкент встретил их сорокаградусной жарой. «Привыкнесь», – приободрил Оксану Маруф. Та только нервно улыбнулась.

Сюрприз Маруфа вышел неуклюжим, совсем не радостным. Мама, Лобар Гиясовна, уже полгода болела. И тоже не сообщала Маруфу об этом, не желая огорчать сына. С чемоданами и коробками молодые взбежали по расшатанной лестнице наверх. Маруф вошел в комнату с приготовленной фразой: «Гостей не ждали? А вот и...» Он осёкся на полуслове. Медсестра, которая именно в этот момент делала Лобар Гиясовне обезболивающий укол, укоризненно бросила:

– Стучаться надо!

Положение усугубила Оксана. С простодушием настоящей станичной казачки она подошла к кровати и сказала уверенным, громким голосом:

– Здравствуйте, мама!

Лобар Гиясовна вздрогнула, подняла на незнакомку глаза. Повисла тяжелая пауза. Медсестра торопливо собрала свои припиндалы: шприцы, кипятильник, спирт, вату и, хмыкнув, ушла.

– Мама, здравствуйте... Это моя жена Оксана, – тихо произнес Маруф.

Лобар Гиясовна молча отвернулась к стене.

...Маруф смутно помнил отца. Умар Санатов погиб в самом начале войны, когда сыну было пять лет. Всю свою нерастраченную любовь Лобар обратила на Маруфа. И вот, как снег на голову, эта девушка, чужая во всем. К физической боли прибавилась и эта, душевная. Драповое пальто, шляпка и полусапожки негодились Лобар Гиясовне. Инсульт, диабет и ещё целый букет всяких гадостей накрепко приковали её к постели. Она беспомощно плакала по ночам. Лобар мечтала, что сын женится на дочери её ближайшей подруги Фатимы, продавщицы из гастронома номер один. И в мечтах представляла, какими красивыми будут её будущие внуки.

...Начальник райвоенкомата майор Назаров перелистывал документы и дипломы Маруфа.

— Товарищ Санатов, буду рекомендовать вас в ансамбль песни и пляски Туркестанского военного округа, не против? Зарплата хорошая, со временем — квартира, медобслуживание в Центральном госпитале... Решайте.

— А маму... можно в госпиталь? — дрогнувшим голосом спросил Маруф.

— Конечно, прикрепим всю семью, — Назаров улыбнулся, выпустил клуб дыма. — Решайтесь, я сегодня добрый.

— Соглашайся, сынок! — всхлипнула от радости Лобар, когда Маруф рассказал о предложении военкома. — В этом госпитале очень хорошие врачи... Я слышала. И форма тебе очень к лицу.

На следующий день ефрейтор запаса Санатов уже подписывал контракт на сверхсрочку для работы в ансамбле ТуркВО.

Шло время. Постепенно между Лобар и Оксаной сложились теплые отношения. Оксана делала свекрови массаж, натирала лекарственными мазями ее больные ноги, подкладывала и выносила эмалированное судно. Лобар Гиясовне нравилось, что эта русская очень экономна. Из скромных припасов Оксана могла приготовить вкусную еду. Занимая у соседей большой медный таз, варила в нем варенье из клубники и вишни, осенью со-

лила огурцы и помидоры. Шила на старинной машинке «Зингер» нехитрые вещицы — ночнушки, фартуки.

Каждый день Маруф уходил на репетиции в Окружной дом офицеров на углу Братской и Энгельса, ездил в командировки с концертами по клубам военных городков и гарнизонов пяти южных республик.

Жизнь постепенно входила в нормальное русло. Так пролетел год, потом два.

Сколько ни намекал Маруф начальству об обещанной квартире, о лечении мамы в военном госпитале, всё оставалось по-прежнему. Да и зарплата сильно отличалась от той, какую обещал военком. С премиями выходило восемьсот шестьдесят рублей, которые в январе 1961 года превратились в восемьдесят шесть...

Перед Новым годом самочувствие Лобар Гиясовны резко ухудшилось. Оксана сидела у её постели, массируя холодные руки женщины, кормила с ложки. Лобар Гиясовна таяла на глазах, уже не могла говорить, только внимательно смотрела на сына и невестку, и подобие улыбки появлялось на её измученном лице. Маруф и Оксана по очереди выходили из комнаты и плакали.

Умерла Лобар тихо. Просто не проснулась утром.

После похорон матери Маруф уволился из ансамбля.

По рекомендации дяди Сапара, брата отца, который работал в Октябрьском райисполкоме, начал работать в оркестре ресторана «Октябрь». Руководитель ансамбля и одновременно скрипач Ефим Самуилович Левин попросил его что-нибудь спеть. Маруф спел сентиментальную трошинскую песню:

*Помнишь, мама моя, как девчонку чужую
Я привёл к тебе в дочки, тебя не спросив,
Строго глянула ты на жену молодую
И заплакала вдруг, нас поздравить забыв,
Нас поздравить забыв.*

Маруф пел без оркестра, а капелла, получалось очень проникновенно, с чувством. На глаза старого скрипача навернулись слезы.

*Я её согревал и теплом, и заботой,
Не тебя, а её я хозяйкою звал.
Я её целовал, уходя на работу,
А тебя, как всегда, целовать забывал,
Целовать забывал.*

— Беру, беру! Куда деваться, Сапарчик? — воскликнул он с фрикативным «р» и неповторимым одесским акцентом. Остроумцы-лабухи Ташкента в шутку называли Ефима Самуиловича «Наш Левин в Октябре!». Он, начавший работать в ресторанах ещё довоенной Одессы, хорошо знал, как растрогать или порадовать клиента, готового за повтор песни заплатить свои кровные.

Оксана к тому времени устроилась работать машинисткой в паспортный стол при одиннадцатом отделении милиции, что располагалось рядом с Алайским базаром. Она уходила рано утром, когда Маруф Умарович крепко спал после прокуренной ресторанной кутерьмы. Поэтому нормально они встречались по праздникам, по воскресеньям и ночью, в постели — на металлической кровати с никелированными блестящими шариками. Так как детей у них не было, вся её материнская нежность проецировалась на Маруфа. Жили они на Кашгарке в коммунальном дворике «с удобствами» у ворот. За забором стучали допотопные станки табачной фабрики, и в воздухе постоянно витала махорочная пыль. В квартире, которая располагалась на втором этаже каркасно-глинобитного дома с узкой деревянной верандой, было две комнаты. Одна служила одновременно и гостиной, и спальней, и кухней — с гудящим примусом и (на всякий случай!) с керогазом. По выходным комната становилась ещё и душевой — с мочалками, тазиками и кружками. Вторая комната была обычной пристройкой без окон. В ней и поселились в первые годы молодые. После смерти Лобар Ги-

ясовны они перебрались в большую комнату. В первые дни Оксана купила в комиссионке на Тезиковке туалетный столик и складывающийся трельяж. Там же нашла часы-ходики с выпрыгивающей каждый час кукушкой на пружинке. «Ку-ку, куку!» — значит, два часа. Циферблат ходиков был в виде мордочки кота, хитрющие глазки которого бегали взад-вперед в такт убегающим секундам. «Точь-в-точь, как у нас дома!» — радовалась Оксана. Она умело вела хозяйство, упорно откладывала на сберкнижку деньги. «Вот дадут квартиру, тогда и сервант румынский купим, и люстру чешскую, и кровать новую...» — мечтательно шептала она, глядя волнистую шевелюру Маруфа в редкие минуты полуночного общения. А ещё любимой присказкой, обычно в самом конце сладкой близости, была её фраза, которую она говорила с придыханием: «Ах ты мой восточный деспот!..» — целовала его благодарно и загадочно улыбалась. По утрам она готовила ему завтраки, накрывала тарелку с морковными котлетками салфеткой и писала записки типа: «Маруф, золотой, не забудь купить хлеб и иголки для примуса. Целую, твоя Ксюха».

Из того, что Маруф когда-то привез из армии, кроме подарков для мамы, был немецкий электрический проигрыватель и коробка пластинок как на 78 оборотов в минуту, так и на 33 с половиной. По выходным Маруф ставил проигрыватель на табуретку, заводил пластинки, и с веранды на радость соседям звучала хорошая музыка. Но главное, что он привез «из-за границы», это «европейский лоск». Его замечали все старые друзья-приятели. Он объездил с ансамблем ЮГВ не одну страну, видел, как там живут люди, как одеваются, как общаются, как улыбаются друг другу. Он был хорошим учеником и здесь, в родном городе, никогда не позволял себе носить мятую одежду, грязные туфли, каждый день брился, опрыскивая лицо рижским одеколоном «Миф», с помощью бриолина делал аккуратный пробор. Курил мало — берег связки, предпочитал московскую «Яву», которую покупал из-под полы по пятьдесят

копеек за пачку. А ещё он отпустил над верхней губой тонкие усики, и немало женщин невольно оглядывалось на него, когда он шел по узкому переулку, перепрыгивая с кирпича на кирпич в арычке с черной водой с неприятным запахом. Вода текла из подпольной артели по выделке и покраске кожи. Подобных цехов на Кашгарке было немало.

Вскоре оркестрик «Левина в Октябре» в силу вкусовых разногласий с директором «Октября» перебрался работать в самый центр Ташкента, в ресторан «Шарк». И одним из магнитов для степенных, солидных клиентов был Маруф Санатов, элегантный певец с красивым голосом, в костюме с иголки, хорошими манерами и, главное, продуманным репертуаром. Он мог спеть все что угодно. Но он, как и Ефим Самуилович, отлично усвоил психологию и вкусы слегка подвыпившего солидного посетителя. Он не пел дешёвых эстрадных поделок, которые звучали во всех ресторанах и питейных заведениях большой страны. Маруф называл эти песенки туфтой и полной лажей. Сначала, для «разгона», что-нибудь медленное, потом сентиментальное, прошибающее до слез, потом зажигательное типа хорезмского «Лязги» или «Баригал». Когда клиент устал от еды и выпивки – что-нибудь томное и слезливое.

А потом можно спокойно включать магнитофон, и клиент, уже поголовно пьяный, будет считать, что оркестр продолжает играть для него...

Маруфа не раз приглашали работать в филармонию, но он предпочитал вольные хлеба ресторанный певца. Кроме твёрдой зарплаты были левые чаевые, «халтуры» на свадьбах и юбилеях, что заметно пополняло семейный бюджет, но главное – у Маруфа было свободное время. А он это ценил.

Сегодня Маруф Умарович опаздывал. Ефим Самуилович недовольно поглядывал на часы, заполняя время медленными блюзами и фокстротами Цфасмана.

– Что стряслось, Марик? Ты похож на мою бабушку Цилю в гробе – такой же хмурый... – старый скрипач был отменным

психологом, и ему было достаточно взглянуть на человека, чтобы определить его настроение. — Я вижу, ты плакал? Марик, посмотри на меня...

— Я вам потом всё расскажу... — махнул рукой Маруф, переодеваясь в концертный костюм и лакированные туфли.

— Ладно, работаем... Сбациаешь «Кошку и плов». А то гости совсем скисли...

«Левин в Октябре» вышел на сцену со скрипкой в руках. Весь ресторан сегодня был отдан двум юбилярам, друзьям детства.

— Дорогие гости, мы хотим подарить нашим уважаемым виновникам торжества шуточную песенку про неверную жену и мудрого мужа! Не дай Бог, такое пережить Арсену Багдасаровичу и Анвару Турабовичу! — широко улыбаясь, сказал в микрофон Ефим Самуилович. — На сцене — известный вам Маруф Санатов!

В зале зааплодировали. Большею частью это были завсегда-таи заведения, хорошо знавшие не только прекрасную солянку и сочные кебабы, которые здесь давали, но и репертуар ресторана. Один из юбиляров был негласным хозяином всей потребкооперации, второй контролировал крупные автосервисы и сеть маленьких мастерских.

Взмах руки, и маленький оркестр — скрипка, флейта, аккордеон, контрабас и ударная установка — заиграл вступление.

Маруф вышел на сцену. Обычно улыбчивый и приветливый, сегодня он не был похож на себя. Какой-то удрученный, сумрачный.

*На востоке любят Насреддина
За веселый ум и мудрость слов,
Вот одна забавная былина
Про жену, про кошку и про плов.*

Он пел сто раз спетую песенку, но смысл её вдруг представился совсем иным.

Обычно эту известную песню Рашида Бейбутова Маруф пел с юмором, мастерски передавая нюансы анекдота. Но сегодня его словно подменили.

Гости, большей частью напомаженные женщины в дорогих вечерних платьях с глубокими вырезами, увешанные золотыми украшениями, недоуменно переглядывались. Особенно не понравилось им одно место в песне:

*...А жена-плутовка не дремала,
Как уснул – соседа позвала,
Угощала пловом, целовала,
А ушел – посуду прибрала.*

Ефим Самуилович играл на скрипке, беспокойно поглядывая в зал и, видя презрительно сжатые губы и подозрительно суженные глаза высокопоставленных жён, сожалел о том, что посоветовал эту песню. «К черту! Выкину эту дребедень!» – думал он, судорожно водя смычком по струнам.

Он подошёл к Маруфу сзади и шепнул в паузе:

– Марик, хватит минора... Эти жирные коты нам бóшки сне-сут! Веселей, улыбайся, умоляю...

Маруф же был погружен в свои мысли, витал в другом мире. Он просто не слышал страстного шёпота своего шефа.

*...И спросил мудрец без лишних слов:
– Если это плов, то где же кошка,
Если это кошка, где же плов?*

Голос Маруфа с каждой нотой становился всё сильнее. Старый скрипач страдал, физически ощущая нависшую угрозу. «Скорее бы уж конец!»

*Если это плов, то где же кошка?
Если это кошка, где же плов?!!*

И вдруг после финальной фразы Маруф заорал прямо в микрофон:

– Сволочи!!! Дряни, шлюхи!!! Все вы!

Мощные «кинаповские» динамики разнесли по всему залу эти отчаянные крики. Маруф ушёл со сцены, а женщины, обмахиваясь китайскими веерами, возмущенно вставали из-за столов. Слышались гневные реплики: «Нет, вы слышали?!», «Что здесь происходит?», «Что он себе позволяет?», «Какой негодяй! Гнать его в шею!», «Подонок!», «Прибить его мало!», «Идиот! Его место в психушке!»

То, чего так боялся Ефим Самуилович, не произошло: мужчины как-то спокойно отнеслись к ресторанному инциденту. А некоторым даже понравилась неожиданная концовка песенки. Сытые, захмелевшие, они перешептывались: «Слушай, Равиль, а мне понравилось! Как он врезал правду-матку!»

Вскоре все успокоились, и флейтист Жора подменил Маруфа. Пел подряд «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» и «Ландыши, ландыши...».

И снова в зале слышался звонкий женский смех, звучали поздравления и тосты. А Ефим Самуилович за сценой принимал нитроглицерин, успокаивая расшалившееся сердце.

Банкет приближался к концу. Уже вкатили юбилейные торты со свечками, подали чай и кофе. Гости кучковались, покуривая, негромко обсуждая свои дела. Кто-то уже спал, уютно положив голову между блюдами с нетронутым ассорти. Женщины обсуждали своё: новый салон красоты на Пушкинской, цены на искусственный жемчуг из Вьетнама... Крутились бобины МАГа-59, и в зале звучало «Воларе» Доменико Модуньо.

Маруф сидел с Ефимом Самуиловичем в костюмерной – так называли убогую комнатушку за сценой с треснутым зеркалом, продавленным диваном и раковиной, полной окурков. На колченогом столике стояла тарелка с закуской, рюмки и пустой графин.

– И ты поверил этому босяку? – возмущенно спрашивал Ефим Самуилович Маруфа, который сидел напротив, опустив голову. – Он что, свечку держал? Или на люстре висел? От деше-

вого вина у этого придурка в голове вместо мозгов — говно! Никогда не поверю, что твоя жена может тебе изменить! Никогда! Она же ангел! Красавица!

— Он видел её... с Торчаком... — тихо произнес Маруф и горестно вздохнул. — Он ей цветы подарил...

— Марик, не роняй себя в моих глазах! Дарить цветы и изменять, как говорят в Одессе, — это две большие разницы! Кто этот... Как ты сказал?

— Торчак, майор, заместитель начальника одиннадцатого отделения... Шеф Оксаны.

В комнатку заглянула рыжая официантка в накрахмаленном кокошнике.

— Дядь Фима, ещё? — подмигнула она.

— Да, золотце, принеси ещё... Ты слышала, что тут кричал этот ненормальный?

— Да все слышали! — засмеялась девушка. — Молодец, Марик!

— Прости меня, Зиночка, но я чуть не наложил в штаны из-за этого молодца! Нашелся тут Фидель Кастро!

Забрав графин, официантка скрылась за дверью.

— Ты хоть знаешь, что это за люди? Одно слово любой сидящей здесь профурсетки — и мы вылетим отсюда как пробки! — скрипач не мог найти себе места, ходил по комнате взад-вперед. — Ты просто не представляешь, какие это страшные люди... Особенно Арсен...

Он замолчал, присел рядом с Маруфом, обнял его за плечи.

— Как сказал один старый еврей, «Всё проходит. Пройдет и это...», — тихо произнес Ефим. — Даже если Оксана тебе изменила...

Маруф поднял на него глаза.

— Не надо было сегодня орать и обвинять всех! Не ты первый, и Оксана твоя не единственная... Не делай трагедию... Ты молодой, красивый, а вокруг рыскает столько голодных женщин...

Увидев в этот момент глаза Маруфа, он осекся на полуслове.

— Ну и где эта Зина застряла? Как никогда хочу выпить... — отвернувшись, проворчал он.

И, пряча глаза, раздраженно прикрикнул:

— И не смотри на меня глазами больной коровы!

...Обычно Оксана возвращалась с работы около семи часов вечера, и Маруф часто встречался с ней, отправляясь на работу. Сегодня, не дождавшись Оксаны, уже в восьмом часу Маруф спускался по лестнице. Внизу, сидя на корточках, его поджидал сосед Вячеслав Качурин, Славик-артист. Пять лет назад его уволили из театра Горького за систематическое пьянство и срывы спектаклей. Пить он стал ещё больше. На водку денег, да и физических сил, уже не хватало, и Славик давно перешел в стан «бормотологов», то есть потребителей плодово-ягодного крепленого вина по рубль десять копеек за 750 грамм. Он опускался всё ниже и ниже, но, сопротивляясь, продолжал носить лоснящиеся от старости галстуки, бриться до синевы, жевать мускатный орех от перегара и употреблять «интеллигентные» выражения и словечки. Частично они были почерпнуты из ролей, которые он когда-то (и, главное, с успехом) играл на подмостках театра на улице Карла Маркса, напротив ГУМа, то есть на ташкентском «Бродвее».

— Моё почтение добрым соседям! — с деланной улыбкой приветствовал Славик, поднимаясь навстречу Маруфу.

— Добрый вечер, — ответил Маруф.

— У меня для вас есть книжка... — Славик вытащил из пиджака тонкую брошюрку «Афоризмы мудрецов»... — Вы только послушайте... «Довольствуйся малым и будешь счастлив!» Это сказал Конфуций. Как здорово, а?

— Сколько?

— Отдам за два рубля... Неохота тащиться к букинистам. Цена ей рубля три.

Понимая, что красная цена брошюрке тридцать копеек, Маруф протянул деньги, чтобы скорее отвязаться от соседа.

— Книжку потом возьму.

Славик неожиданно взял его за руку.

– Знаете, Маруф Умарович, я вас очень уважаю, поэтому... – Славик закашлялся, – не могу вам не сказать...

– О чем? – Маруфа кольнуло какое-то неприятное предчувствие.

– Знаете, это неправильно, что муж всегда обо всем узнает последним... – отведя глаза, тихо произнес Славик. – Несправедливо это... Хочу это исправить...

– Что там бормочешь?

– Ладно... – со страхом выдохнул сосед. – Правда любит ясность. Ваша жена изменяет вам. Вот.

– Что ты сказал? – Маруф схватил Славика за галстук. – Повтори!

– Оксана вам неверна! – на всякий случай Славик скрестил руки перед лицом.

– Ты, debil, ты соображаешь, что говоришь?

– Я говорю это только ради уважения к вам! Нас, артистов, легко обидеть... По себе знаю! Не хочу, чтобы вас обманывали... Оксана встречается с Торчаком Алексеем Петровичем... Майором. Который похож на Олега Стриженова... Такой высокий блондин... – торопясь, на едином дыхании говорил Славик. – Он возит её на машине, дарит цветы. Я вчера их видел, они уединились в вашей квартире, когда вы на работе были. И надолго... Не верите? Клянусь памятью моей матери! Вы сами убедитесь...

Маруф отпустил галстук Славика и пошел к воротам.

– Может, добавьте? – крикнул Славик.

Маруф вынул деньги, бросил их на землю.

Славик сделал «испанский поклон» и ловко подцепил зеленый трояк.

Маруф шел, не видя ничего вокруг. Голова стала словно чуждая. Несколько раз останавливался, прислонившись к дереву. Подошла сердобольная старушка: «Вам плохо?» Маруф покачал головой: «Нет... Ничего... Спасибо...» Хотя ему было плохо как никогда. Чего в Маруфе было с избытком – это фантазии. И, по-

что поверив бывшему артисту, он представлял всё в красках, со звуками, деталями. Видел их кровать с никелированными шариками, лицо майора, похожего на знаменитого киноактера, лицо Оксаны. От этих видений кровь прилиwała к голове, куда-то к темечку, и он мычал, сжимая зубы. «Ненавижу... Ненавижу... Ненавижу –у-у-у!!!» – звучало внутри в ритм неровно колотящегося сердца. Так он дошел до ворот гостиницы, прошел хоздвор, поднялся по ступенькам ресторанной кухни. Не отвечая на приветствия удивленных поваров, прошел в комнату, громко называемую костюмерной. Из зала доносился медленный блюз.

– Что стряслось, Марик? Ты похож на мою бабушку Цилю в гробе, – такой же хмурый... Я вижу, ты плакал? Марик, посмотри на меня... – как в тумане говорил Ефим Самуилович...

Маруф поднимался по ступенькам скрипучей лестницы. Никогда она не казалась такой длинной и крутой. Каждый шаг давался с трудом.

Он открыл дверь. В нос ударил запах ацетона. Крутилась пластинка, бархатный голос Карела Готта уютно заполнял полутемное пространство.

Комната была освещена только настольной лампой в виде грибка, которая стояла на туалетном столике. Рядом краснел букет тюльпанов в двухлитровой банке.

Оксана в полупрозрачной нейлоновой ночнушке делала себе педикюр. Она сидела под лампой в неудобной позе, согнув в колене ногу, старательно покрывая ярко-красным лаком ногти.

Сказала, не отрываясь от своего занятия:

– Привет, Каррузо! Извини... В сковороде картошка, в термосе чай... Поухаживай за собой, ладно? Я сейчас закончу...

Маруф промолчал, подошел к ней сзади. Мягкий свет лампы освещал её голые плечи, руки, шею с тонкими завитками, ушную раковину, овал щеки, ресницы.

Она почувствовала его взгляд, подняла голову, посмотрела в отражение зеркала. Створки трельяжа дробили её лицо. Оксана приветливо улыбнулась и снова склонилась над стопой.

– Цветы... Откуда? – стараясь говорить небрежно, спросил Маруф.

– Алексей Петрович подарил... – она подула на сохнувший лак. – Они на выходные в Черняевку ездили. На майские предложил присоединиться... Поедем?

Маруф промолчал.

Не получив ответа, Оксана оглянулась и удивленно спросила:

– Что это с тобой? – засмеялась. – Да ты пьян! Ладно, иногда можно! Давай раздевайся и ложись, постель готова. Я скоро...

Она снова склонилась было с кисточкой, но затем подняла глаза.

– Что-то случилось? – уже тревожно спросила она.

– Я всё знаю, – играя желваками, тихо произнес Маруф.

– Ну хватит шутить! Это не смешно, Санатов.

– Давно ты с ним?

– С кем?

– Со своим майором Торчаком?

– С Алешей? Почему «моим»?

– Потому что ты с ним... трахаешься!

– Ты дурак, Санатов?

– А ты – обыкновенная шлюха...

Оксана медленно завинтила пробку-кисточку, поставила флакон с лаком на столик. Неспешно встала и повернулась к Маруфу:

– Повтори, – угрожающе тихо сказала она, глядя на него немигающим, каким-то мертвым, взглядом.

– И повторю! – набирая воздух от подступившего страха, прошептал Маруф. – Ты – дешёвка...

Со всего размаха Оксана хлестанула Маруфа по лицу. Так сильно, что тот с трудом сохранил равновесие.

– Это тебе за «шлюху»... – Оксана схватила банку с тюльпанами и с силой грохнула её об пол. – Это – за «дешёвку»!

Распластанные тюльпаны валялись посреди мокрых осколков.

Следом за банкой на пол полетели тарелки.

Не спавшие соседи с удивлением прислушивались к звукам из квартиры на втором этаже: вместо приятной музыки оттуда доносились крики и звон бьющейся посуды.

...Часа через два, когда и Оксана, и Маруф утомились, ссорясь, она рассказала, что да, майор подарил ей эти злосчастные тюльпаны, как и всем сотрудницам, включая уборщиц, что да, привозил её на машине, потому что надо было перевезти к ней громоздкую пишущую машинку «Оливетти». Она бы сама не смогла её и поднять. Торчак настоял на том, чтобы его кандидатскую диссертацию Оксана печатала дома, а не на работе (Ты не знаешь, какой это халявщик и трус!) Да, они провозились с установкой машинки целый час, потому что вилка итальянской машинки не подходит к отечественной розетке! Да, на лестнице Алексей Петрович поцеловал меня в щёчку! Ну и что?

Всё это Оксана рассказывала, собирая мусор в совок. Маруф сидел, опустив голову.

— Я знаю, кто тебе наступал, — она со звоном ссыпала осколки в ведро. — Эта гнида, артист недорезанный... Качурин из третьей квартиры... Собственными руками удушю эту мразь! Не хотела тебе говорить, но этот гадёныш клеился ко мне... Когда я его отшила — послала на три буквы, он и пообещал мне устроить... «аутодафе», как он выразился! Подонок.

Маруф встал, пошел к двери.

— Ты куда?

— Прогуляюсь, — неопределенно ответил Маруф.

— Ты к этому Славiku? — догадалась Оксана и встала перед дверью. — И не вздумай... Не трогай говно — вонять не будет.. Прошу тебя, успокойся.

...Робкий рассвет апрельского утра слегка высветил окно. Звякнула створка ходиков, выскочила кукушка, истошно прокуковала пять раз.

Маруф курил, стряхивая пепел в форточку. Оксана лежала в кровати, отвернувшись к настенному коврику с оленями. Оглянулась.

— Занавеску не сожги, — сказала она.

Маруф не ответил, даже не повернулся в её сторону. Оксана встала, взяла со стола пепельницу, поставила перед ним на подоконник.

— Так и будешь молчать?

— Давай не будем, а? — после паузы хрипло произнес Маруф.

— Давай...

За окном неожиданно раздался лай собак. Нет, не тот обычный, что всегда звучит по ночам. Это была какая-то страшная собачья какофония из лая, визга, воя. Из-под козырька крыши с шумом резко взлетела голубиная стая.

Оксана растерянно стояла посреди комнаты.

— Ты мне так и не поверил... — сказала она устало. — Но между мной и Торчаком ничего не было! Не бы-ло-о-о!!! — закричала она. — Провалиться мне на этом месте!!!

И вдруг откуда-то снизу, из самой глубины, раздался утробный, низкий, страшный гул. Окно засветилось оранжево-красным заревом. И первый удар сдвинувшихся на неведомой глубине земных плит достиг поверхности и беззащитного города на ней. И твердь, основа, ушла из-под ног. И привычное, земное притяжение вдруг исчезло. Дом закачался, как небольшая лодка при шторме. И к утробному гулу снизу прибавился страшный скрип балок, стропил, полов, крошащихся стен и пронзительные крики людей.

— А-а-а-а! — закричала Оксана.

С грохотом упала и разбилась настольная лампа. Сорвались со стены ходики с ухмыляющимся котом на циферблате. Полетели с полок тарелки, чашки. Этажерка накренилась, с нее разлетелись книги.

Дом раскачивался, скрипел, пыль изо всех щелей застилала всё вокруг.

— Что это? — кричала Оксана, оглядываясь вокруг в животном ужасе. И, как финал театрального спектакля, со страшным грохотом рухнула левая стена их квартиры вместе с ковриком, фотографиями, обоями, открыв кусок светлеющего уже неба и апрельскую листву сирени.

Часть потолка нависла, в один момент обнажив камышовые потолки, стропила... На мгновение повисла кирпичная труба...

— Оксана! — крикнул Маруф, но было поздно — труба рухнула на голову Оксаны.

Маруф подбежал к ней, упал на колени.

— Оксана... — прошептал он. Она не отвечала.

Он поднял её на руки и бросился к выходу. Старую дверь заклинило. Маруф что было сил ударил по ней ногой, и она вылетела вместе с трухлявой коробкой. Во дворе в клубах пыли ничего нельзя было различить...

Бежали с криками люди — старики, дети, женщины и мужчины, инстинктивно шарахаясь от ненадежных стен. Большинство полуголые — в трусах, майках, ночных рубашках и пижамах...

На глазах закричала и покосилась лестница. Маруф ступил на неё — она предательски закачалась под ногами.

Он нёс Оксану, выверяя каждый шаг, проверяя на надёжность каждую ступеньку.

Нёс, как бесценный хрупкий сосуд, ощущая, словно в первый раз, её тепло, мягкость кожи, запах волос, упругость груди.

Маруф спустился вниз. От напряжения дрожали руки. Ноги были будто ватные. Он положил её на землю в центре двора, у водопроводной колонки. Тяжело дыша, упал рядом.

Пыль постепенно оседала, рассеивалась, люди уже не кричали, громко и оживленно переговаривались, возбужденно обсуждая, сколько баллов было — семь или восемь?

Где-то вдали гудели сирены пожарных машин, завывала скорая помощь. Голуби летали над домами, целыми и разрушенными, снижались, уставшие, занимая свои места под козырьками и в голубятнях. Собаки жалась к людям, доверчиво заглядывая им в глаза, повизгивали, виляли хвостами, радуясь, что все кон-

чилось... Кошки неподвижно сидели под ветками чахлой сирени. Только дрожащие кончики хвостов выдавали их волнение.

Город медленно приходил в себя.

Маруф сидел рядом с Оксаной и, никого не стесняясь, плакал, уткнувшись головой в колени.

Оксана застонала и шевельнулась:

– Пить...

Маруф торопливо принес в ладонях воду и вылил на её пересохшие губы.

Перемазанная с головы до ног печной сажей, пылью и кровью, выглядела она ужасно.

Маруф провел мокрой ладонью по ее лицу. Она открыла глаза. И вдруг улыбнулась.

– Деспот ты мой восточный... – прошептала она тихо, взяла его руку и устало закрыла глаза.

Первый луч солнца коснулся её лица.

И словно исчезли следы гари и лёссовой мелкой пыли.

Куда-то на второй... нет, на десятый, сотый план ушли все перипетии вчерашнего и сегодняшнего дня. Растворились, унеслись, как пыль ветром.

Он ещё не знал, что начинается жизнь, которая будет теперь делиться на «до» и «после» не только для них, но и для всех жителей его города.

Сейчас для него самым важным было то, что на её щеке билась, пульсировала голубая жилка, а дыхание становилось ровнее и спокойнее.

Маруф прижал ладонь Оксаны к губам.

ВЛАДИМИР ФЕТИСОВ

ВЫСТРЕЛЫ В БУХАРЕ

Криминальная история конца XIX века

Увы, не было своего Шекспира в благословенной Бухаре, чтобы живописать дворцовые интриги, перевороты, таинственные убийства и казни, происходившие в этом государстве на всём протяжении его существования.

История, о которой пойдёт речь в этом повествовании, произошла очень, очень давно, весной 1888 года.

Во второй половине XIX века в Бухарском эмирате господствующее положение занимала родственная партия сановников персидского происхождения, состоящая из кушбеги (визирь, высший сановник) Муллы-Мехмет-Бия, его сына — диван-беги (первый министр) и главного зякетчи (министр финансов), — Мухамеда-Шарифа, и внука — Чарджуйского бека Астанкулина (полковника). Эта весьма влиятельная партия пользовалась безграничным доверием у молодого эмира Сеид-Абдул-Ахат-хана, который испытывал к её главе особую благодарность за верное служение бухарским правителям мангытской династии.

В 1820 году, ещё мальчиком, Мулла-Мехмет-Бий был захвачен туркменами из персидского селения Караи, близ Мешхеда и отвезён на бухарский невольничий рынок. Здесь он был куплен за несколько червонцев первым министром Бухары Хакимом-кушбеги. Этот человек, ярко олицетворяющий собой вероломный, коварный тип феодального царедворца сыграл настолько значительную роль в истории эмирата, что следует рассказать о нём несколько подробней.

Хаким-кушбеги своей карьерой и благосостоянием был обязан эмиру Хайдар-хану. В благодарность за это, он, — опять вспоминается Шекспир, — травит ядом своего благодетеля и пытается посадить на освободившийся трон Насруллу-хана, второго сына покойного эмира. Интрига не удалась — эмиром становится, как и положено, старший сын Хуссейн. Через несколько месяцев от яда, который ему подсыпал неутомимый кушбеги, умирает и он, перед смертью назначивший своим преемником младшего брата Умар-хана. Хаким даёт клятву верности последнему, но вскоре предаёт и его, посодействовав воцарению на бухарском троне Насруллы Багадур-хана. Через десять лет эмир сполна расплатился с Хакимом-кушбеги, конфисковав всё его богатство, а самого отправил в тюрьму, где того тихо прирезали в 1840 году. А мальчик-перс, который к тому времени превратился во взрослого мужчину, перешёл к новому хозяину — наследнику трона Сеид-Музаффар-Эддину.

Вскоре будущий эмир обращает внимание на выдающиеся способности Мехмед-бия и, став, после смерти отца, правителем Бухары, последовательно назначает талантливого слугу миршабом (полицейским чиновником), мирабом (управляющим ирригацией) и серкердом (батальонным командиром).

Как военачальник Мехмед-бий участвовал в сражениях с русскими войсками в Джизаке, Самарканде и Зерабулаке. После подписания мирного договора с Россией он был назначен беком Шахризябса — бекства, возвращённого Бухаре русским генералом Абрамовым. Как правитель области Мехмед-бий зарекомендовал себя деятельным и энергичным администратором и в 1870 году занял пост первого министра. Преданно служа на протяжении почти 20 лет двум эмирам, он снискал их абсолютное доверие. Любил его и простой народ, в отличие от придворных чиновников, считавших его чужаком. Состарившись, он отходит от дел, а место первого министра переходит к его сыну.

Мухамед-Шариф-диван-беги также зарекомендовал себя как талантливый чиновник и преданный слуга. Между прочим, эмир Сеид-Абдул-Ахат-хан, своему царствованию во многом был

обязан именно Мухамед-Шарифу. Когда скончался Музафар-хан, Мухамед Шариф запер в комнате, где лежал покойник, всех слуг, которые об этом знали и послал двух верных людей к наследнику в Кермине, – где тогда правил наследник бухарского трона, – прося того немедленно приехать в Бухару и, во избежание случайностей, провозгласить себя эмиром. Получив это известие, Сеид-Абдул-Ахат без промедления отправился в путь, сопровождаемый несколькими джигитами. По дороге он встретил генерала М. Н. Анненкова, который в то время строил железную дорогу из Ашхабада в Самарканд и уговорил русского генерала поехать с ним в Бухару. Анненков согласился, и наследник въехал в Бухару как бы под покровительством русских властей. Собрав в Бухаре всех почётных жителей и духовенство, Сеид-Абдул-Ахат объявил себя эмиром. Всё прошло, таким образом, без волнений и неизбежных в таких случаях на Востоке семейных распрей. Случилось это событие 4-го ноября 1885 года. После этого Мухамед-Шариф стал ближайшим советником молодого эмира-реформатора и занял пост, ушедшего на покой отца.

Ну, и, наконец, младшим представителем этой выдающейся династии являлся сын Мухамед-Шарифа, чарджуйский правитель Астанакул – парваначи. Красивый, умный молодой бек пограничного с Россией владениями Чарджуйского округа оказал значительные услуги русскому правительству при постройке Закаспийской железной дороги, за что был награждён орденом св. Анны 2-й степени.

Таковы были обстоятельства, сложившиеся к 1888 году, – году, когда случилась эта трагическая история.

В то время жил в Бухаре некий Гаиб-Назар, афганец по происхождению. Когда-то при правлении эмира Музаффара, он занимал должность сборщика податей в Кермине, где правил сын эмира Абдул-Ахат. Вскоре после смерти Музаффара, новый эмир уволил Гаиб-Назара за банальное воровство – тот присваивал себе часть налогов. Подозревая в своём отлучении от должности Мухамед-Шарифа, проворовавшийся чиновник затаил на того смертельную обиду. Поселившись в своём доме

в Бухаре, он только и думал о том, как бы отомстить своему обидчику.

Весной 1888 года Эмир отправился в поездку по своим владениям. В городе Шахризьябе, брат Гаиб-Назара, Хайд-караулбеги, служивший в бухарском войске, поднёс эмиру донос на Мухамед-Шарифа и некоторых сановников. Донос на верно-го слугу правителя Бухары произвёл прямо противоположный эффект. Абдул-Ахат-хан, догадываясь о его подоплеке, приказал арестовать Гаиб-Назара и конфисковать всё его имущество. Причём, исполнение приказа он возложил на первого министра.

Ранним утром 21-го марта 1888 года, Мухамед-Шариф, в сопровождении двух стражников, прибыл в дом Гаиб-Назара. Войдя в помещение, он передал хозяину дома фирман об аресте и конфискации, попытавшись при этом как-то утешить арестованного, пообещав за него похлопать перед эмиром. Молча выслушав всё это, Гаиб-Назар сказал, что в женской половине, куда посторонним вход воспрещён, находятся ценные вещи, которые он сейчас вынесет для описи. Оттуда он вернулся с револьвером в руках, и с криком «шиитская собака, предатель», два раза выстрелил в Мухамед-Шарифа. Смертельно раненый министр, тем не менее, бросился на Гаиб-Назара, попытавшись отобрать у него оружие. Завязалась борьба. Стражники, опомнившись, схватили и связали преступника. Умиравшего Мухамед-Шарифа положили на арбу и отвезли домой. Генерал Анненков, который в это время находился в Бухаре по делам, связанным со строительством дороги, узнав о происшествии, немедленно прислал раненому доктора Гейфельдера. Однако, раны были смертельные и несмотря на все усилия русского врача, Мухамед-Шариф скончался.

Смерть этого выдающегося человека болью отозвалась не только в сердцах эмира и его подданных, но чрезвычайно огорчила туркестанские власти. Россия в лице покойного потеряла искреннего и верного друга.

Узнав о кончине своего диван-беги, эмир написал безутешному отцу Мехмед-бию сочувственное письмо, в котором отме-

тил, что никогда не смотрел на своего первого министра как на слугу, а только как на старшего брата и что теперь сделает всё, чтобы заменить ему сына.

Убитый горем отец, ненадолго пережил эту трагедию, 10 ноября 1889 года он скончался на 81-м году жизни. Сын первого министра, погибшего от руки убийцы, занял пост своего отца. Что касается убийцы, судьба его была ужасна. Эмир мог отрубить преступнику голову, мог сбросить с минарета, как это не раз делали его отец и дед, но он, очевидно, не хотел омрачать своего правления кровавым приговором и поступил в соответствии с мусульманским правом – отдал убийцу родственникам убитого. Результат получился ещё более ужасающим. Несчастного привязали к хвосту лошади (согласно другим источникам это был осёл) и при огромном стечении толпы протащили по улицам, площадям и базарам Бухары. Затем ему раздробили кисти рук и ступни ног и ещё живого бросили за городские ворота в месте, где сбрасывали нечистоты, на съедение бродячим собакам.

Так закончилась эта кровавая история достойная шекспировского пера.

ГАЛИНА ДОЛГАЯ

МАВЗОЛЕЙ САМАНИДОВ

Пока я жив, я — стена Бухары!
Исмаил Самани¹

1220 год. Холодные февральские ветра напевают тревожные песни, сжимая страхом сердца и без того напуганных жителей Бухары. Чингисхан пришел в Мавераннахр² с мечом, который не просыхает от людской крови. Орда стремительно приближается к священному городу, оставляя за собой разрушение и смерть. Сколько простоит Бухара под безумным натиском ураганной мощи монголов?

У старого визиря не было ответа на вопрос, от которого кровь ударяла в голову.

— Господин, — слуга бесшумно приблизился к софе, — гонец...

Визирь кивнул, и у порога на колени упал воин в запыленных доспехах.

— Говори! — визирь встал.

— Монголы в дне пути... войско разбито...

Взмах руки — и гонец удалился.

День! Один лишь день — и райский сад превратится в пустыню!

Горло сдавило железным обручем — не вздохнуть. Наши святыни! Монголы камня на камне не оставят от мечетей

¹ Строки из труда Наршахи «История Бухары»

² Мавераннахр — историческая область в Центральной Азии между реками Сырдарья и Амударья.

и мавзолеев. Как спасти? Как сохранить хоть что-то? Люди умеют выживать. Жизнь не остановить, разве что на время, но святое наследие предков!.. Первым среди них он считал мавзолеем Саманидов¹. Жемчужина Бухары! Прах великого эмира Ахмад ибн Исмаила, его отца и сына развеется, как пыль, и негде будет преклонить голову, вспоминая тех, кто создал оазис просвещения в пустыне, кто превратил Бухару в цветок, подобный распутившейся розе!

Визирь покачнулся. Слуга подхватил его под руку. Вопрос без слов, одним взглядом.

— Нет, — отказался визирь, — не до сна, — он отстранился. В суженных до щелок глазах блеснула решимость. Старый слуга понял: последние дни свободной Бухары не пройдут бесславно. — Поднимай народ. Собирай всех на регистане².

Ущербная луна заглядывала в проемы ярусных арок, вот уже более трех веков тщетно пытаясь разглядеть внутреннее убранство мавзолея. В ее холодном свете ажур квадратных стен играл тенями выпуклых кирпичей, уложенных в шахматном порядке. Простенки между четырьмя квадратами сторон куба и угловыми колоннами темнели посохами, а навершие купола, напоминающее форму мавзолея в миниатюре, напротив, отражало тусклый свет прощальной луны.

«Под солнцем ты — храм души, — подумал визирь, подходя к усыпальнице Саманидов, — луна же делает тебя холодным, как сама смерть».

Над Бухарой разливался призыв глашатаев. Люди спешно покидали дома и живыми ручьями стекались к площади. Вскоре на ней не осталось свободного места.

¹ Саманиды — правящая династия, которая основала Саманидское государство, объединившее земли Хорасана и Мавераннахра, существовала на протяжении почти двух веков — IX — X.

² Регистан — главная площадь города.

— Слушай, народ Бухары! — кричал вестник визирия. — Слушайте люди и не говорите, что не слышали! Враг у ворот священного города! Враг безжалостный и беспощадный! Наш мудрый визирь — да продлит Аллах его дни! — призывает всех выйти на защиту Бухары. Собирайтесь, люди! Пока еще враг в пути, сохраним для потомков наши святыни! Спрячем их под горой песка! Идите, люди! Несите песок пустыни к мавзолею Саманидов! Пусть к завтрашнему дню на его месте вырастет курган!

Глашатай простер руку к восхитительному творению зодчего, воплотившего в камне идею единства Вселенной и человека.

Купол мавзолея магическим кругом вписывался в потолочный квадрат куба — земля принимала в себя небеса, создавая в обители покоя пространство гармонии. Каждый входящий под сень мавзолея забывал о делах насущных и мыслями воспарял туда, где дух обретал свободу.

Визирь дошел до последней обители предков и задержался на ступенях, прислушиваясь к рокоту толпы. Внемлют ли его призыву? Пойдут ли за песком? Или убегут, спасая свои жизни, как те, кто должен был их защищать? Некому следить за людьми, из воинов осталась только его охрана. Вот они стоят рядом.

— Идите туда, не меч в ваших руках сейчас важен, а мешок с песком, — визирь выдохнул эти слова и исчез за двухслойной аркой восточного входа.

Преданный слуга остался снаружи, закрыв своей еще могучей фигурой проход в святилище.

— И ты уходи, — приказал визирь.

— Господин?.. — слуга вглядывался в отверстия деревянного ажюра дверей, пытаясь разглядеть того, кому служил всю жизнь.

— Я останусь здесь. Нет большей чести, чем быть погребенным в этом мавзолее. Надеюсь, Аллах сочтет меня достойным этого.

Визирь прошел за надгробия и сел на прохладный пол. Тишина. Даже сейчас, когда город бурлит, как котел, а блики огня, пробравшихся сквозь решетки, мятежно пляшут на стенах, здесь

ощущается умиротворение. Вселенная! Стоит поднять глаза к потолку, и далекие предки напомнят о своих откровениях. Сколько всего зашифровано в одном мавзолее! Понимающий обретет знания, часть которых известна астрономам, другая покрыта пылью невежества, неизменно появляющейся при смене религий.

Визирь прислонился к стене. Чалма съехала на лоб. Он снял ее – саван всегда с собой! Пришло время развернуть его, но... позже, чуть позже... пока еще сыплется песок, пока еще можно любоваться совершенством...

Четыре полукруга из шлифованного кирпича парусами нависли над верхними углами кубического основания мавзолея, создавая плавный переход к куполу. Каждый полукруг разделен вогнутой дугой с орнаментом. По центру сложены девять кружков – девять планет – в ряд от звезды, дающей дневной свет, – от солнца, символом которого здесь стал купол. Сложенный круговой кладкой, он словно вращается вокруг невидимой оси, вовлекая в движение все планеты и саму жизнь, поднимая к небесам души погребенных и молитвы скорбящих по ним.

Снаружи купол оцетинился острыми гранями резаных кирпичей, как солнце жалящими лучами знойным летом или как еж иголками, чей образ огнепоклонники связывали со своим главным божеством – богом солнца Митрой.

Визирь многое знал! Как никто другой он «читал» послание в камне, каким был Мавзолей Саманидов.

Над арками четырех входов великий зодчий искусной кладкой выложил буддистские мандалы с особым прочтением символов. Три квадрата вписаны друг в друга так, что углы внутренних фигур упираются в стороны внешних. Квадрат – символ земли, совершенства мироздания! Круг в центре квадратной триады – символ единства земли и неба, вечное движение соков, дающих жизнь! Между двумя мандалами над центром арочного свода – сама земля в виде треугольника, поставленного на вершину. Внутри треугольника – ветки с листьями...

Жизнь! О ней в храме покоя напоминает и ажурная плетенка на стенах, как узор из прутьев или сплетение нитей в тканях.

Такие мастерят бухарские умельцы! Нить каменных бус, каждая бусина которых собрана из треугольных кирпичей в восьмилепестковый цветок, легла снаружи над сводами арок, уводящих вглубь мавзолея – туда, куда неизменно уходит все живое, пройдя свой путь, куда скоро уйдет и он...

Звуки снаружи стали глуше. Через отверстия ажурных решеток внутрь сыпался песок. На миниатюрные ярусные арки под потолком упали шматки глины, а затем глухо шлепнулись о пол. Пора! Курган почти скрыл мавзолей.

Визирь расстелил саван между надгробиями и лег, повернув голову к Мекке – священному городу мусульман, где находится Кааба, форму которой повторял куб Мавзолея Саманидов. Несколько пучков солнечных лучей упало на лицо. Визирь зажмурился и улыбнулся, приняв свет за благословение.

Шуршание песка.

Последний солнечный луч.

Тишина и темнота.

Только песок еще сыплется.

Жизнь утекает в него, как воды золотоносной реки¹ за Бухарой...

Через три дня на закате, когда солнце огненным шаром повисло над горизонтом, конь Чингисхана, фыркая и подергивая кожей от возбуждения, остановился перед курганом.

– Что это? – прищутив узкие глаза, спросил повелитель монголов.

– Бухарцы возвели курган в честь господина, – нашелся один из его спутников.

Чингисхан довольно поджал губы. Конский хвост на его шлеме закачался в такт движению головы. Великий воин при-

¹ Золотоносная река – Зерафшан, – протекает северо-западнее Бухары.

шпорил коня и направил его на крутой холм. Пара шагов — и ноги скакуна увязли в песке: шурша, он сполз в образовавшиеся углубления и, как и конь, остановился.

Чингисхан рассердился.

— Что они хотели сказать этим?! Что я не возьму Бухару, как этот бархан?! — свита притихла. — Стереть с лица земли все, что есть в этом городе!

Он с силой ударил коня в бока и, натянув поводья так, что скакун заржал от боли, взлетел на курган.

— Нет города, который я не смог бы взять! — воскликнул Чингисхан, оглядывая Бухару, тающую в дыме пожарищ.

Шелест песка, стекающего с холма, приглушил стон стен. Монголы не услышали его. Их слух притупился от лязга мечей и топота копыт.

Ночь укрыла растерзанный город черным саваном. Огни затухающих пожарищ мерцали среди разрушенных дворцов и мечетей.

Лунная дорожка мостиком соединила небо и землю, как галерея миниатюрных арок мавзолея Саманидов — его основание и купол.

Народ Бухары еще двенадцать дней держал осаду за стенами цитадели, а потом... как и предвидел мудрый визирь, спустя годы люди вновь возродили древний город. Мавзолей Саманидов — шедевр гениального зодчего конца девятого века! — уснул на семь столетий, сокрытый сотнями рук простых людей под толщей песка, а по земле полетела легенда о подвиге народа и святости места под курганом, выросшем в центре Бухары за один день...

ЭЛЬМИРА АЛЕЙНИКОВА

МИЗДАКХАН

(Отрывок из романа «Свидания во снах»)

Стояла гнетущая тишина. И не удивительно. За проржавевшими, покосившимися железными воротами начиналось мусульманское кладбище с торчащими в небо деревянными шестами с белыми флагами на конце. Над некоторыми могилами были выстроены мазары¹ большей частью из сырцового кирпича, но встречались и из жженого с фотографией усопшего в середине передней стены и даже с куполами наверху. Пока Бердах припарковывал машину и доставал гостинцы мулле, я, боязливо озираясь, сделала пару шагов к открытой калитке и остановилась как вкопанная: сердце сжала железная рука страха, было трудно дышать, в глазах потемнело так, что показалось, будто я падаю. Хорошо, подошел Бердах. Я ухватила за его руку, не в силах выдать из себя и слова.

— Ты чего такая бледная, Лана? — встревожился он. — Чего испугалась?

— Страшно...

— Пойдем в машину.

— Пройдет сейчас, погоди минутку.

¹ Мазар — (араб. — место паломничества, поклонения), место, почитаемое мусульманами как святое; обычно гробница или могила с возведённым над ней сооружением. Например, Мазар в городах Мазари-Шариф и Герат в Афганистане, Бухара и Хива в Средней Азии, Неджеф и Кербела в Ираке, Мешхед и Кум в Иране.

— Не хватало еще, чтобы ты в обморок бухнулась, я тебя такой никогда не видел.

Подхватив меня за талию, он бесцеремонно потащил мое обмякшее тело к машине.

С детства боюсь кладбищ. Каждый раз на родительский день, когда мама просила меня поехать с ней на могилки ее родственников, содрогалась от суеверного ужаса, живо представляя себя проваливающейся в могилу. Никакие доводы вроде тех, что я любила деда и он души во мне не чаял, не помогали. Всеми мыслимыми и немыслимыми способами я отлынивала от поездок на русское кладбище, не заботясь о том, что мама может обидеться. Папа тоже не любил весенние походы на кладбище и только после длительных маминых уговоров, а иногда и бурных слез, соглашался сопровождать ее, чтобы помочь покрасить оградки и убрать сухую траву. Он искренне не понимал, зачем раз в год нужно обязательно ехать на окраину города на кладбище, чтобы что-то там выполоть, убрать и подкрасить. «Покойникам по барабану, чисто вокруг могилки или заросло бурьяном, — возмущался он. — Их души давно на небе, а оттуда не видно, ходишь ты поклониться съеденным червями костям или нет. Им фи, какого цвета в этом году будет оградка вокруг могилы». После его слов мама обычно горько плакала и, кинув «басурманин!», уходила в спальню, чтобы позже жалобным голосом попросить накапать ей корвалол. Обычно она лежала на кровати в одежде и делала вид, что у нее сердечный приступ, театрально держа руку под правой грудью. Мы с отцом прекрасно понимали, что это трюк, но суетились вокруг мамы. Я капала корвалол или валерьянку в маленький стаканчик, хитро подмигивая папе, прячущему неуместную улыбку. Наша актриса, томно прикрыв глаза и постанывая, продолжала играть роль несчастной и обиженной. Затем я уходила на цыпочках, и папе ничего не оставалось, как сдаться и ехать в воскресенье с мамой на русское кладбище.

Отсидевшись в машине и придя в себя, рассказала о своих страхах Бердаху. Он слушал молча, глядя мне в глаза. В какой-то

момент я увидела в них насмешливый вопрос, зачем же я тогда эту кашу заварила, если боюсь даже вот этих пустых домиков на могилах с шестами? Бердах не обнял меня, не прижал к себе, как это делал раньше, а холодно смотрел, жалея, наверное, что поддался на глупую авантюру с паломничеством. «Да гори все синим пламенем, — подумала в отчаянии, покрепче затягивая сзади узел на японском платке. — Чего я, в самом деле, сомлела, как кисейная барышня? Приехала, поверила, нечего теперь хныкать и бояться покойников». Решительно вышла из машины, захватив куль с завернутой в клеенчатую скатерть едой, громко хлопнув дверцей. И пошла не оглядываясь к отворенной калитке. Взявшийся откуда-то облезлый кот с надорванным ухом, хрипло мяукнув, устался на меня желтыми глазищами и облизнулся. Розовый язычок прошелся по морде и спрятался: кот ждал подачи. Жуткий тип, но зато живая тварь в царстве мертвых, так что не так страшно.

— Ну вот нас и двое, и уже не так страшно, — негромко сказала котяре и осторожно извлекла из куля кусочек вареного мяса.

— Кызым, жерге тастама аukatты. Обалы болады. Мына жерде табагы бар, сонын ишине салып кой, ози келип жейди¹, — раздался немолодой голос из-за ворот. Потом показался и его обладатель в проеме — сгорбленный старик, опирающийся на палку. Он был неухоженный и дряхлый, однако живые глаза из-под седых бровей буравили меня, заставив смутиться и опустить взгляд.

— Салем бердик, ата!² — сказала, сделав пару шагов к воротам.

— Вaleyкум ассалом, балам! Кел, кел! Коран озим окуп бeремен хазир. Шопир бала келмейди ме?³ — старик протянул

¹ — Доченька, не бросай еду на землю. Грех. Вот его чашка. Положи еду туда, он придёт и поест (каракалп.).

² — Здравствуйте, дедушка! (каракалп.)

обе руки для приветствия, зажав самодельную трость под мышкой.

— Келиу керек,⁴ — я оглянулась, помахав рукой мужу.

Старик представился смотрителем кладбища. Вместе мы подошли к низкой мазанке, у двери которой под камышовым навесом на почерневшей от времени циновке была расстелена дырявая кошма⁵. Усевшись на нее, он приступил к молитве, степенно положив руки на колени, затем провел ладонями по редкой седенькой бородке, пожелав, чтобы все наши просьбы были услышаны и выполнены святыми, оберегающими Миздакхан. Бердах протянул рубль и спросил, где найти муллу, на что старик, хитро прищурившись, ответил, что он и есть мулла этого кладбища. Я удивилась. В памяти не стерся облик нарядного и опрятного муллы, который освещал наш брак в прошлом году. Я вопросительно глянула на мужа, как бы ожидая команды — открывать дастархан или повременить. Он неопределенно пожал плечами, оставив решение за мной. Его холодное неучастие бесило, однако я понимала, что сейчас не самый лучший момент выяснять отношения. Развернув скатерть, аккуратно разложила гостинцы, стараясь не смотреть на Бердаха, чтобы не раздражаться. Мулла проворно принес из темноты мазанки чайник с пиалушками и расставил их на импровизированном столе, предлагая выпить с ним по чашке зеленого чая. Пригубив для приличия жидкий, слабо заваренный, чай, я спросила о знахаре, который, по словам знакомых, живет неподалеку и помогает больным излечиться с Божьей помощью от любой болезни. Старик, буравя меня своими живыми, маленькими глазками, неопределенно ответил, что люди-де говорят о таком человеке,

³ — Здравствуй, дочка! Заходи, заходи! Сам прочитаю из Корана молитву. А водитель не подойдет сюда? (каракалп.).

⁴ — Должен подойти (каракалп.).

⁵ Кошма — войлочный валяный ковёр из овечьей или верблюжьей шерсти.

но сам он его не знает и где тот живет, сказать не может. Нужно расспросить жителей соседнего аула, может, кто и знает. Было видно, что он не хочет говорить первым встречным о таупкере, боясь навлечь на себя беду. Тогда я решилась и сказала о своей проблеме, старательно подбирая слова и краснея после каждой фразы. Бердах не желал прийти на помощь в этой щекотливой ситуации, глядя мимо меня отсутствующим взглядом. Весь его облик выражал тоску и безразличие. Мулла выслушал и, помявшись, заговорщически наклонился ко мне, шепнув, где искать знахаря. Подумав немного, добавил, что сегодня четверг, и таупкер сам должен прийти на кладбище.

– Идите к холму Джумард кассаб и ждите его там, – напутствовал старик, пряча в поясной платок три рубля.

Медленно идя по тропинке между захоронениями, я рассматривала фотографии в рамках на стенах мазаров, удивляясь, что старинное городище превратилось в обычное кладбище. Бердах продолжал молчать, всем видом демонстрируя отчужденность и скуку. Отстав, он даже начал насвистывать мелодию. Я ускорила шаг, оказавшись совсем скоро в полном одиночестве, если не считать, могилы.

Мое внимание захватили развалины старинных построек. Жженный отшлифованный кирпич, оставшиеся на стенах облицовочные плиты, словно лазурные облака на терракотовом небе, удивляли и поражали. Я забыла об обиде на мужа, которая всю дорогу откладывалась во мне, и судорожно пыталась вспомнить, что я читала об этих постройках. Выходило, что это и есть развалины средневекового государства. Забыв, зачем мы сюда приехали, я погрузилась в созерцание городища. В памяти проносились прочитанные строки, и вот я уже цитирую их вслух, не заботясь о том, что кто-то может услышать меня и покрутить пальцем у виска: «Белая ханака¹ была по-

¹ Ханака или ханега (от перс. хане — дом и га — место) в странах Ближнего и Среднего Востока странноприимный дом с мечетью и ке-

строена правителем Гурганджа Кутлуг Тимуром. А это комплекс Сулаймана Хаддади. Вот тут были летняя и зимняя мечети с двором, ханакой, кухней, подземным мавзолеем и другими комнатами. Летняя мечеть выглядела как многоколонный зал с двумя михрабами², украшенными узорами в виде сталактитов. Зал мечети был перекрыт с помощью шести деревянных колонн, поставленных на ступенчатые каменные базы». Я шла от памятника к памятнику, представляя себе, как выглядел город со всеми постройками в средневековье. Не зная их точного расположения, сложно было угадать, какие из развалин были мечетью, а какие — медресе или дворцом, но это волновало в последнюю очередь. Я дышала историей, наслаждалась чувством одиночества и восхищалась древними зодчими. Время остановилось. Увлеченная, не заметила, как подошел Бердах. Видимо, все это время он наблюдал за мной со стороны и только сейчас, когда я замолчала, решил присоединиться.

— Ты видел, ты видел все это? Боже мой, это же такая древность! — воскликнула восторженно я и тут же застеснялась.

— Да, не подозревал, что рядом с нами есть такие интересные места. Почему-то со школы полагал, что древние города поблизости — Хива, Самарканд и Бухара. Здесь же целый город, и, по всему видно, развитый для своего времени.

Муж выглядел озадаченным.

— Столько раз мимо проезжал и ни разу не обратил внимания. Кладбище и кладбище, а тут, оказывается, исторические памятники... Я слушал, как ты сама с собой разговаривала. Почему же ты в машине мне обо всем не рассказала?

лями, обитель дервишей.

² Михраб (арабск.) — святилище, молитвенная ниша, устраиваемая в той стене мечети, которая обращена в сторону Мекки, где находится главная святыня мусульман — Кааба. Обычно михраб имеет полукруглый или многогранный план и завершается куполом или полукуполом.

— Времени не хватило на все. Смотри, это, кажется, тот самый курган Джумард кассаб! Пойдем быстрее, там люди собрались, — я ускорила шаг, с любопытством разглядывая стоящих разноцветной кучкой женщин вдалеке.

Идти пришлось долго. Прямой тропы не было. Огибание заброшенных захоронений и оплывших под дождями и ветрами сырцовых стен заняло у нас много времени и сил. Когда, запыхавшиеся, подошли к подножию холма, увидели скатывающийся сверху куль. Вскрикнув от удивления и неожиданности, я отпрянула назад, наткнувшись на идущего позади Бердаха.

— Что это? Господи, катится прямо на нас! — воскликнула, пляясь на куль, как на что-то сверхъестественное.

Муж положил мне руки на плечи и прижал к себе, словно защищая, одновременно двигаясь в сторону от места, куда скатывалось что-то черное. Через пару минут я разглядела в кошме человека. Из свернутого валяного ковра виднелась женская голова, замотанная в цветной платок. Немного погодя подошел старик в ватном халате, чалме и калошах, а с ним неопределенного возраста мужчина в стоптанных кирзовых сапогах и потрепанной, с торчащими из дыр клочьями ваты, серой фуфайке. Мужчины деловито распаковали женщину, с трудом развязав туго стянутые узлы толстой веревки-аркана. Закутанная в пальто и теплый платок, молодая женщина сначала осторожно села, держась одной рукой за лоб, а второй опираясь о землю, словно боясь завалиться на спину, затем попробовала встать, но тут же бессильно опустилась на ковер со словами: «Не могу встать. Все кружится». Говорила она по-туркменски, однако понять было несложно. Мы с Бердахом заинтригованно наблюдали за происходящим, то и дело переглядываясь. Я уже хотела спросить, что означает этот ритуал, как старик в халате обратился к мужу по-каракалпакски: «Таупкер деп сизлер келдингиз ме Миздакханга?»¹. Поняв, что он и есть знаменитый знахарь, с любопыт-

¹ — Вы приехали на Миздакхан, чтобы найти знахаря?

ством стала рассматривать пожилого мужчину в чалме. Он оказался не таким уж и древним, как показалось на первый взгляд. Может быть, ровесник моего отца или на пару лет старше. В заблуждение ввела его одежда, в которой обычно ходят старики: чапан, белая чалма на голове, светлая навывпуск рубашка, полосатые плотные штаны и калоши, надетые поверх блестящих маси¹. Пока мужчины здоровались и обменивались традиционными вопросами о житье-бытье, я помогла женщине снять тяжелое зимнее пальто, встать и немного пройтись. Она выглядела счастливой и не умолкала ни на миг. За несколько минут я узнала, с трудом разбирая туркменские слова, что зовут ее Саодат, приехала она со свекровью и деверем из Куны-Ургенча на зиарат, чтобы просить святых помочь ей понести после трех лет замужества. Старенькую свекровь они с деверем оставили около сторожки муллы. Не удержавшись, спросила, зачем она скатилась с кургана, хотя подсознательно догадывалась, в чем тут дело. Улыбаясь, моя новая знакомая покачала головой, как бы не веря своим ушам:

— Опа, разве вы не будете скатываться? Только скатывание в кошме с кургана может помочь бездетной женщине забеременеть, ведь нам помогает дух святого Шамун Наби.

— Шамун Наби? А кто это?

— Ой-бой! Вы не знаете? Зачем же вы тогда тут?

— Затем же, зачем и вы, — коротко ответила я по-русски.

— Вы русская? — удивилась собеседница. — Не знала, что русские тоже верят в наши святыни.

— Я татарка, а муж каракалпак. Тоже приехали на зиарат, только я не знала, что нужно скатываться с кургана, и не подготовилась, — ответила уже по-каракалпакски.

— А ничего и не нужно. Я вам дам мои пальто и платок, таупкер вас завернет наверху вот в эту кошму и с молитвой столк-

¹ Маси — кожаные чулки, похожие на сапожки, но на мягкой подошве. Надевают их под калоши.

нет, — тараторила Саодат. — А внизу мы вас подхватим. Не бойтесь, совсем не страшно, только голова немного кружится — и все.

Провожая меня наверх, Саодат крикнула:

— Я принесу термос с чаем и буду ждать вас здесь, Лана-опа! Удачи!

Все произошло так быстро, что я даже не сопротивлялась, в оцепенении подчиняясь знахарю. Он наставлял меня, повторив три раза, что я должна верить в удачу и молиться. Бердах остался внизу, беседуя с женщиной в драной фуфайке. Лежа внутри валяного ковра и вдыхая пыль, я молила Бога и всех святых, как могла и умела, чтобы этот ритуал помог мне, наконец-то, обрести ребеночка, чтобы мой любимый был счастлив со мной и не смотрел мимо отчужденным взглядом, чтобы мои родители стали бабушкой и дедушкой и еще о многом, о чем и вспоминать стыдно сейчас. А знахарь читал надо мной сначала молитву по-арабски, затем негромко запел и, кажется, даже танцевал. Может быть, мне это просто показалось, но я хорошо помню, что кто-то топтался рядом, монотонно припевая. Неожиданно песня смолкла, и я почувствовала, что качусь. Крепко зажмурилась, стараясь подавить приступы тошноты, и стиснула зубы. Вот в бок больно ткнуло — камень или кусок глины, — потом еще и еще раз. Подпрыгивая, катилась вниз, беззвучно моля Всевышнего помочь мне быстрее оказаться у подножия холма. Тошнило невыносимо. Было страшно вырвать прямо внутри куля и перепачкаться. Послышались голоса. Когда кошма развернулась, я успела повернуться на бок и привстать на локте: жуткие спазмы выталкивали из моего разболтавшегося желудка наскоро съеденный завтрак. Голова кружилась, всё плыло, как в тумане. Саодат придерживала мою голову, приговаривая, что это пройдет, это злые духи, не дававшие мне забеременеть, выходят из меня сейчас с рвотой. Где-то рядом стоял Бердах, я это знала, но не в силах была поднять отяжелевшие веки, чтобы посмотреть на него. Таупкер читал новую молитву, сидя передо мной на коленях.

Не помню, сколько времени я пролежала, пока, наконец, смогла сесть самостоятельно и выпить пиалу горячего зеленого чая. Он показался необычайно вкусным и ароматным. Саодат подливала чай из термоса, добавляя колотые кусочки навата¹. Казалось, что внутри меня все выгорело и высохло так, что я никак не могла напиться. Наконец, я смогла нормально вдохнуть и оглядеться: знахарь продолжал шепотом читать суры, все так же сидя на коленях передо мной; деверь Саодат, тот самый мужик в старой фуфайке и сапогах, стоял поодаль и с неподдельным суеверным страхом в глазах разглядывал меня; Бердах, присев на корточки рядом с кошмой, смотрел на меня с жалостью и состраданием; поодаль стояли другие люди, откровенно пялясь на разыгравшуюся сцену. Волна мучительного стыда накрыла с головой. Если бы было возможно, я провалилась бы сквозь землю, только чтобы не видеть этих любопытных до чужой боли и горя посторонних глаз. Хотелось крикнуть и отогнать зевак, как бродячих собак, а лучше — взять палку или камень и швырнуть, чтобы обязательно попасть в кого-нибудь и сделать им так же больно, как было больно мне. Я понимала: это злость на себя, на дурацкие обстоятельства, толкнувшие на эту безумную, унижительную глупость, на мужа, в конце концов, скрывающего правду о своей стерильности. От бессилия, злобы и стыда громко заплакала, уткнувшись в рукав Саодат. Она жалела меня по-матерински, ласково журча по-туркменски и глядя по спине. Я не понимала ни слова, слышала только ласковые интонации в голосе и постепенно успокаивалась. Хотелось оказаться далеко от этого кургана и окружающих. Словно прочитав мои мысли, Саодат помогла мне встать и повела в сторону выхода, придерживая за талию и руку так, чтобы мое лицо было скрыто ее плечом.

Прощались мы с Саодат долго. Неожиданно у ворот и она расплакалась, так что теперь пришел мой черед успокаивать.

¹ Нават — традиционный в Средней Азии кристаллизованный сахар.

Мы бы простояли в слезах до обеда, не разведи нас подошедшие мужчины в разные машины. Меня — в жигули Бердаха, а ее — в старый разбитый запорожец, где уже сидела старенькая свекровь. Глядя на удаляющиеся ворота кладбища и на машину, в которой была моя сестра по несчастью, я понимала, как мы близки с ней, оказавшись в одинаковой ситуации, когда наши любимые мужья отошли в сторонку, предоставив нам в одиночку бороться за счастье семьи.

Всю дорогу до Нукуса Бердах не проронил ни слова, сосредоточенно глядя вперед. Когда въехали в город, я попросила остановиться у кинотеатра «Амударья», чтобы пересесть на автобус и поехать к маме.

Он молча подрулил к остановке.

— Мне нужно срочно на работу. Деньги у тебя есть на дорогу, дорогая?

— Да иди ты! — выкрикнула я, выскакивая из салона и хлопая дверцей изо всех сил. — Предатель...

АЛЕКСАНДР СВИСТУНОВ

ПРОПАВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Я, Тумасов Сергей, студент 4-го курса геологического факультета Ташкентского технического университета, оставляю эту запись, перед тем как отправиться черт-те куда.

Мы с моим другом и однокурсником Бобурчиком Аметхановым прошлым летом поехали в Янгиабад — городок неподалеку от Ангрена, в Чаткальском заповеднике. Хотели через перевал Кумбель за два дня дойти до Бельдерсая и дальше — до Чарвакского водохранилища.

Вот с утра и двинулись. Шагалось легко, несмотря на набитые рюкзаки. Воздух прохладный, свежий: стадо коров пока не унавозило дорогу, шашлычные мангалы еще не дымили и грузовики не успели отравить воздух соляркой. Весь Янгиабад — это узкие улочки на разных уровнях, впрочем, автобус и грузовики здесь проедут. Каждая следующая параллельная улица нависает над предыдущей. Если вы на машине — приходится крутиться по серпантину, чтобы подняться на следующую улицу. А пешим порядком по цепочке деревянных лестниц, прорезая склоны маленьких гор, можно очень быстро очутиться на соседней улице.

Спускаемся к речке, она не узкая и не широкая, обычная горная, шуршит потихоньку по камешкам. И по этим камешкам, наваленным гораздо шире нынешнего русла, видно, что неторопливый с виду поток бывает бурным и неукротимым.

Идем вверх по течению реки по хорошо укатанной дороге, местами асфальтированной. Дорога осталась с тех времен, когда работал рудник, до него-то она и ведет километров пять, а даль-

ше — бездорожье и горные тропки. Пока идем, удивляемся заброшенности местности с останками бывшей цивилизации: то здесь, то там разбитые старые промышленные здания со слепыми разбитыми окнами, облезлыми стенами, из которых огромными иглами торчит арматура. Пахнет ржавчиной.

По склонам гор пасутся козы, коровы медленно жуют травку у подножия. Козы по скалам скачут, высоко забираются.

Вот из земли торчит вертикально вкопанный рельс. Верстовой столб, что ли? На нем дата производства — 1899 (!) год. Царское изделие. Но не стоит думать, что в то время здесь были поселения — старые рельсы на стройку завезли в сороковые годы. Удивительно, но на древней железяке нет ни одного пятнышка ржавчины. Умели же делать!

Смотрим, как из-за вершины — это пик Шахтера (3400 м) — медленно выползает косматая туча и протискивается навстречу нам через пик Бабайтаг высотой 3550 м. Скоро будет дождь, летом он недолгий и ласковый, одно лишь неудобство: тучи здесь ходят над вершинами по кругу, поэтому дождь, пролившись, уйдет, но непременно вернется. Самое любимое место для шашлыков и прочих пикников у местных жителей — родник Джекендек, бьющий прямо из скал у подножия пиков. Приехавших однажды японцев восхитила эта минеральная вода, хотели заводик небольшой построить. Не случилось. Но и без них есть кому минеральную воду разливать. А шашлычок под кроной дикой алычи у минерального родника, под звездным небом, исчерканном спутниками, приобретает неземной вкус.

Шагаем по прохладе. В такую рань солнышко не печет, а только любопытствует, что без него за ночь случилось? Идем весь день с небольшими привалами и быстрым перекусом. Бобурчик, кажется, вообще не устает. Конечно: у него разряд по альпинизму! Если б не я, идущий неторопливо, внимательно рассматривающий каждый склон, мы давно бы перешли через перевал Кумбель и вышли к Чаткалу. Но зачем бегать по скалам, обливаясь потом, когда можно любоваться природой? Плотно

перекусив, заночевали на полянке, под деревом возле сая Алатанга, километрах в 15-ти от Янгиабада.

Ночью сомкнуть глаз не удалось: нас кто-то посетил... Шаги были грузными, тяжелыми. Этот массивный кто-то топал возле нашей палатки.

— Выйти посмотреть, что ли, — неуверенно сказал я.

— А вдруг медведь, — возразил Бобурчик, — а у тебя и ружья нет.

— Двухногий? — спрашиваю и сам же себе отвечаю: — Ну да... Злой, голодный, одичавший цирковой медведь ходит на задних лапах, угощение выпрашивает.

Это немного развеселило. Но вряд ли медведь будет шуршать рюкзаком, оставленным у палатки, и бормотать при этом что-то. Я бы вылез, но в воздухе витал страх, не мой и не моих друзей, — страх этого места, этого воздуха, этого времени. Это существо само было страхом. Тем не менее я поискал какое-нибудь оружие, но, кроме короткого ножика, ничего не нашел. Скоро бормотание сменилось довольным фырчанием, а потом палатка затряслась от тяжелых шагов — существо удалилось прочь. Несмотря на глубокую ночь спать расхотелось.

Сидя на корточках в мутном сыром рассвете, мы внимательно рассматривали огромные следы босых ног, похожие на человеческие, только длина ступней была больше сорока сантиметров — я спичечным коробком мерил. А рюкзак мой аккуратно раскрыли, дернув за веревочки. Рядом валялся спасжилет и мой свитер, а семь плиток шоколада бесследно исчезли. Следы поднимались к перевалу и обрывались на голых камнях. Бобурчик, вооружившись биноклем, уверял, что видел вдалеке на гребне фигуру гигантской мохнатой обезьяны, уверенно карабкающейся на кручу, помогая себе руками. Так существо и укувыляло. Не поверить было невозможно: следы, рюкзак, шоколадки... Вряд ли это чьи-то дурацкие шутки.

— Пойдем, пойдем посмотрим, — нетерпеливо приплясывал на месте Бобурчик и тянул меня за рукав куртки, — я его, этого Йети, вон на том склоне видел.

— Ну пойдём посмотрим, — соглашаюсь.

Палатку и рюкзаки мы оставили, некогда было собираться. Йети мог далеко убежать. Я прихватил только нож, ну и фонарик зачем-то. А на шее у Бобурчика висел бинокль.

Мы пересекли поляну и начали подниматься по склону, поросшему сухой травой и усеянному камнями. Бобурчик, худой, жилистый, резво несся в гору, я за ним не поспевал. Скоро он остановился у какой-то дыры в склоне и минут пять ждал, пока я к нему поднимусь.

— Что, — спрашиваю, — пещера? Если это жилище йети, то надо быстро убираться. Порвет он нас, как фольгу от шоколадки.

— Нее, брат, не бойся, — спокойно отвечает Бобурчик, — он еще не весь наш шоколад сожрал. Дай-ка фонарик.

Я стою, нервы успокаиваю, страшно. Вдруг вылезет это нечто! Но, может, все же договоримся? Люди как-никак...

А Бобурчик голову в дыру засунул, фонариком посветил и шагнул в темноту.

— Серега, — кричит, — иди сюда, не бойся. Это не пещера. Это тоннель какой-то. Вон и выход светлеет.

Захожу осторожно, мало ли... Тоннель не длинный — метров пятнадцать. Идти можно в полный рост. Значит, выше двух метров. Со света не вижу ни структуру стен, ни что там капает с потолка за шиворот. Двигаюсь на силуэт Бобурчика. А он, похоже, уже выходит из тоннеля. Выползаю и я на свет божий. Глаза после темноты ничего не видят. Воздух здесь очень влажный, словно с моря. Но не соленый...

Медленно возвращается зрение. Стоим мы на вершине — здесь тянется скалистая гряда. На скалах греются на солнышке крупные, сантиметров по двадцать каждая, ящерицы желто-зеленого цвета с темными пятнами.

Из любопытства Бобурчик дотрагивается до одной из них фонариком. Та как поскочет, а за ней пополз по склону весь земноводный живой ковер.

Смотрю вниз: под нами поляна, за ней деревья. А на поляне пасутся несколько гигантских оленей. Честно, честно! Я таких

огромных ни в одном зоопарке не видел. Каждый в холке метра три.

– Бобурчик, – прошу, – дай-ка бинокль.

Рассматриваю оленей – красавцы! У самцов рога так рога, и сами они очень крупные. И самочки просто очаровашки!

Бобурчик стоит рядом, головой во все стороны крутит. Только сопит невразумительно.

– Вах, вах, это мы где? Ни фиги себе... Какие места... Что за звери?..

В это время издали доносятся трубные звуки, похожие на те, что издают слоны.

– Слоны-то здесь откуда? – удивляюсь и пытаюсь в бинокль осмотреть всю поляну и окрестности.

Нашел. Стоит рядом с деревом слон, задрал хобот, и трубит. Только не слон это. Большой ушастый зверь с огромными бивнями, весь покрытый шерстью. Такая шапочка симпатичная шерстяная на башке, как у мамонтенка из мультика.

– Мамонт! – ору я изумленно. И сажусь на землю от избытка впечатлений.

– Мамонт! – подхватывает Бобурчик. – Дай бинокль, где мы? Это мы че? Это мы как? Это вот Звездные Врата? – показывает он на выход из нашего тоннеля. – Ни фиги себе!.. Это когда? Серега, помнишь, мы эти, как их, эпохи проходили? Кайнозой там разный, мезозой...

– Да нет. – отвечаю, мамонты, олени... Это, пожалуй, четвертичный период...

– Пойдем, пойдем поближе посмотрим, – возбужденно крикнул Бобурчик и начал спускаться.

Я иду за ним, все время громко шепчу:

– Не торопись, не делай резких движений. Звери этого не любят.

А он все щелкает и щелкает камерой телефона. А я пока жду: вдруг на все снимки памяти не хватит. И по сторонам не забываю поглядывать. Поравнявшись с рощицей, замечаю крупного желтого зверя, подстерегающего оленей в кустах на расстоя-

нии сотни шагов. Хватаю за плечо Бобурчика. Останавливаю. Прижимаю палец к губам: мол, не шуми. И показываю рукой на зверя. Пока что, увлеченный выслеживанием оленей, он не заметил нас. Бобурчик замер. Еще бы, эта зверюга спокойно перекусит нас пополам, если доберется. Подкравшись к самой рожице, он поднялся во весь рост, хищно высматривая добычу через кусты, которые отделяли его от мирно пасущихся оленей. На боках хищника отчетливо видны темные полосы. Саблезубый тигр? Длиной пять метров? Да нет... Клыки вроде не как сабли... Светло-желтая шерсть с темно-бурой полосой вдоль спины и несколькими полосами того же цвета на боках придавали ему внешнее сходство с тигром; но форма головы и тела, куцый хвост, медвежьи лапы...

— Это не тигр, — громко и испуганно прошептал я, это медведь! Пещерный медведь! Давай-ка, Бобурчик, отойдем подальше...

И мы стали потихоньку отступать. Медведь, продолжающий следить за оленями, не заметил бы нас, если бы не соблазн сфотографировать зверя... Пока снимал Бобурчик, медведь ничего не замечал. Но тут я достал свой телефон с принудительной вспышкой... И она как сверкнула! Медведь недовольно зафырчал, развернулся и потопал к нам, плотоядно рыча. Я уже видел, как сверкают голодным блеском его глаза, как с огромных клыков капает слюна в предвкушении обеда... Нас обоих била холодная дрожь. В одно мгновение мы взлетели на склон, с которого ранее спустились. Медведь остался метрах в пятидесяти внизу. Поднявшись на задние лапы, он страшно зарычал.

Бобурчик присел от страха, затем, сделав несколько невероятных прыжков, оказался в тоннеле. Я — за ним. Как добежали до палатки, не помню... Быстро собрались, косясь на склон с тоннелем, и в Ташкент!

Дома мы решили оформить охотничьи билеты, взять ружья на крупного хищника и вернуться сюда. С хорошими патронами, камерами и с огромными запасами карт памяти.

Одиннадцатого октября Сергей Тумасов и Бобур Аметханов, отбыли в Янгиабат, вооруженные мощными охотничьими ружьями – штуцерами, цифровыми видеокамерами и всем тем, что может понадобиться в опасной экспедиции к диким зверям. С тех пор их никто не видел. Спасательные отряды МЧС и местные охотники искали их целый месяц и не нашли...

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

КАРАНКУЛЬСАЙ

1.

Силуэт лежащей женщины,
Облаков бедром коснувшейся,
Дым костра, пятно орешины,
Шум реки, в снегах проснувшейся,
Горизонт, золой подернутый,
Чай, в кастрюльке закипающий,
Небосвод, вверх дном повернутый,
И простор всерастворяющий.

2.

— Ты чё? — кричит ночная птица —
Ты чё не спишь в столь поздний час?
— А я ничё... А мне не спится,
Я просто думаю о нас.
О том, как ты легко и вольно
Поешь свою ночную песнь,
Чужды тебе тоска и войны,
И неприродный интерес...
— Ты чё? — кричит ночная птица —
Ты чё! В твоих речах туман.
Идет гроза, гнездо кренится,
Ты чё — ведь я схожу с ума...

Вдруг чёрт ударил в твердь рогами,
И небо яркою чертой
Перечеркнул мгновенный пламень,

И гром навис над тишиной!

3.

Слышишь — песня льется с ветки,
Слышишь — песня бьется в клетке.
Если в песне — Красота,
Остальное — суета.
Лишь бы сохранить свою
Трель и тишину за трелью,
Чтоб за этой тишиной
Снова звук рождался свой.

Счастье, если песня льется,
Ну, а слушатель найдется.

4.

И это есть прощание с весной,
Когда в горах нам грозы отгремели,
И рюкзаки поспешно опустели —
Когда мы возвращаемся домой.

А дома за бетонною стеной
Мир снова нам свои дарует цели,
Свои вершины и свои ущелья,
И свой рюкзак, в котором шар земной.

И шагом марш! — до будущей весны,
Коль силы есть и помыслы честны,
И сердце жадно дышит высотой.

И шагом марш по круче, не скуля!
Вперед, покуда вертится Земля —
Ведь кто-нибудь шагает за тобой...

РАИМ ФАРХАДИ

САМАРКАНД ИЗ ДЕТСТВА

На холсте, как в сказке, предстаёт
Город со свистульками из глины,
С щедростью распахнутых ворот,
С прелестью орнаментов и линий.
С магией старинного письма,
С пёстрой лепкой голубиных перьев,
С постоянством сердца и ума,
С небом и величием деревьев.

У могильных праведных оград,
Окружён холмами и песками,
Ты – святыня мира, Самарканд,
Жизни Сад, цветущий над веками!

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ

Над Самаркандом те же светят звёзды,
Что названы в «Зиджи Гурагани».
Такой великой, беспощадной, грозной
Свидетели истории они.
Но больше, чем старинные таблицы,
Мне говорят о городе родном
Огни в домах, улыбчивые лица,
Наполненные светом и добром.
Я вижу в них страны преображенье,
Садов обильных, плодоносных рост,
И в детях всех счастливое рождение

Узбекистана негасимых звёзд.
Земные судьбы, так бывает редко,
Вдруг сходятся, как вешние ручьи,
Живёт в народе мудрость Улугбека,
Темура мощь и святость Навои.
История не знает поворотов,
Колёсами арбы в пути пыля...
Художников, поэтов, звездочётов
Рождает наша древняя земля.
Мне снится Зарафшанская долина,
Любимый город в окруженье гор.
Простая мастерская Аслиддина
И мастера спокойный, зоркий взор.
Осенних лет не чувствует он груза,
Переноса раздумья на холсты.
С ним рядом скромно восседает Муза,
Как воплощенье женской чистоты.
Вражды грохочет где-то канонада,
Таит людские страхи тишина...
А на порталах синих Самарканда
Ночь в звёздах отражается, нежна.
На фресках и холстах — живые лица,
В словах любви и в музыке — уста.
То остаётся, чем весь мир гордится:
Добро и Мудрость, Свет и Красота.
И тонкий луч твоею пойман кистью,
И этот стих — на кончике пера...
И мы приходим чудом восхититься —
Достойны высшей славы мастера!

АЛЕКСАНДР КОЛМОГОРОВ

НАБЕРЕЖНАЯ, ЛЕНИНА, ПАЙ-АРЫКСКАЯ

Ходил по улицам. Пытался узнавать.
Искал свой дом. Себя. Отца и мать.

Мяч, что уплыл по речке Кара-Су.
Вдруг понял, что ищу в реке слезу.

Ну, было. Сплыло. Жил тут мальчик, был...
Шумиловку¹ он воскресить решил!

Твой парк, где с Юркой покупал пломбир —
период юрский, зазеркальный мир!

Был репродуктор — стонет воронье.
И везят мусор в озеро твое.

Твои велосипеды — старый хлам.
Освободи проезд вон тем орлам,

несущимся на «тико» и «рено».
Ну что ты маешься? Тебе не все равно?

Нет!..
Внуки спросят: «Дед! Зачем ты жил?

¹ Шумиловка, старое название одного из районов Ташкента, от «Парк им. Шумилова»

Во что играл? Что делал? Что любил?..»

...Ходил по улицам. Пытался узнавать.
Искал себя. Свой дом. Отца и мать.

* * *

Был в детстве праздник у меня:
в ташкентском декабре
я виноградины искал
в заснеженном дворе.

Какое счастье так брести
в плену у зимних грез
и вдруг — два солнышка найти
в сплетеньях стылых лоз!

Смотрелись в зимнем серебре
они, как снегири,
как две узбечки в декабре
в заснеженной Твери!

* * *

Держась за ниточку арыка,
в свои семь лет
я облетать умел семь улиц,
весь белый свет.

Куда бы улица ни мчалась,
как ни вилась —
за эту ниточку держалась
и не рвалась.

Куда бы жизнь моя ни мчалась,

как ни вилась —
на этой ниточке держалась
и не рвалась.

БАХ АХМЕДОВ

НОЧНАЯ БУХАРА

Мы обречены на пониманье...
Возникает нежное созданье
в древних переулках Бухары.
Долгая прогулка, ночь апреля.
В голове шумят остатки хмеля,
В небесах колючие миры.

Легкое касанье... Переулки.
Тихая мелодия прогулки,
Шепот ускользящих веков.
И ладонь коснется стен шершавых.
Жизнь всегда права, а мы не правы,
прячась в оболочку стертых слов.

Прошлого струну случайно тронешь.
Нежность не удержишь и уронишь.
И растает нежность в темноте
То ли полудетским тихим смехом,
то ли умудренным дальним эхом,
то ли хрупкой тенью на плите.

Камни... Звук шагов глухой и гулкой.
Вечностью омытые проулки.
Все возможно ночью в Бухаре.
И судьба послушная, как глина,
вдруг сверкнет тончайшей паутиной.
Золотой цепочкой на заре.

Вот и мы дошли до минарета.
А над ним, как старая монета,
стертым серебром блестит луна.
О пустая древняя площадка!
Цитадель величья и порядка,
страшная, пустая тишина.

Разные нам выпали столетья.
Только дней коротких междометья.
Чем короче встреча, тем острее...
Тем острее несбыточная нежность,
голоса сухого неизбежность,
сны далеких тех календарей.

Мы обречены на пониманье...
Скоро будет легкое прощанье,
поезд, ночь, открытое окно.
В бархате степи мерцают звезды.
И стоишь, и пьешь холодный воздух
и разлуки нежное вино.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Рассказы конкурсантов	7
Галина ШИРЯЕВА	8
Минарет	8
Татьяна БАЕВА	18
Комета Дракона	18
Мунира БАБАЯРОВА	25
Непобедители	25
Мария КРАСОВСКАЯ	37
Эдельвейс	37
Анита ЭЛИВ	47
В движении	47
Малика РАСУЛОВА	60
Синегорье	60
Надежда МИЛАШЕВИЧ	67
Глиняный календарь	67
Екатерина ПОПОВА	78
Музей древностей	78
Умида КАРИМОВА	87
Чимбайлик	87
Михаил Гар	93
Золотая пыль махалли	93
Стихотворения конкурсантов	97
Светлана ЯРЦЕВА	98
Вечный город	98
Раиса КРАПАНЕЙ	100
Здесь Вася был!	100
Гулико	101
Обитель живого духа	101
Николай ИЛЬИН	102
Анхор	102
Евгения КАЗАНДЖИДУ	104
Бухарцу	104

Надежда МИЛАШЕВИЧ	105
У мавзолея Абу Бакра Мухаммада Каффаль Шаши	105
Наталья БЕЛОЕДОВА	106
Ташкент – Джизак	106
Работы членов судейской коллегии	108
Джасур ИСХАКОВ	109
«Деспот ты мой восточный!...»	109
Владимир Фетисов	129
Выстрелы в Бухаре	129
Галина ДОЛГАЯ	134
Мавзолей Саманидов	134
Эльмира АЛЕЙНИКОВА	140
Миздакхан	140
Александр СВИСТУНОВ	151
Пропавшая экспедиция	151
Владимир ВАСИЛЬЕВ	158
Каранкульсай	158
Раим ФАРХАДИ	160
Самарканд из детства	160
Звездные часы	160
Александр КОЛМОГОРОВ	162
Набережная, Ленина, пай-арыкская	162
Бах АХМЕДОВ	165
Ночная Бухара	165

Страны моей жемчужины

Редактор Елена Петровна Долгополова
Иллюстратор Аслиддин Искандарович Исаев

В сборник стихов и рассказов вошли лучшие произведения участников конкурса «Страны моей жемчужины», который проводился в Узбекистане в 2019 году.

Для каждого человека Родина — это место, с которым связаны лучшие воспоминания. Это может быть горная река, у которой вырос, древний минарет, возвышающийся над городом, тихая улочка, по которой в детстве бегал с друзьями. Из бесценных жемчужин воспоминаний и сюжетов о жизни — современной, прошлой, будущей или даже представленной в фантастическом повествовании — собран альманах, общая цель которого дать нестандартное представление об одной из удивительных стран Средней Азии — об Узбекистане.

ISBN 978-5-4498-1392-3

9 785449 813923 >

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!